

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025, Том 4, № 5

Подписано к публикации: 27.10.2025

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Бобырева Екатерина Валерьевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Буряковская Валерия Анатольевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дреева Джанетта Мурзабековна (РФ, г. Владикавказ) – доктор филологических наук, профессор **Краснощёков Евгений Владиславович** (РФ, г. Таганрог) – доктор филологических наук, доцент
Кусова Маргарита Львовна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна (РФ, г. Казань) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Рогалева Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Халидова Рашидат Шахрудиновна (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Черкасова Инна Петровна (РФ, г. Люберцы) – доктор филологических наук, доцент
Чеэрчиев Мугума Чеэрчиевич (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Шакирова Резеда Дильшатовна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор филологических наук, доцент

«Филологический вестник» включен в перечень ВАК с 23.04.2024г., Elibrary.ru.

Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС 77-86731 от 22.01.2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2949-4656 (online)

Е-mail: fv-journal@yandex.ru

Сайт: <https://fv-journal.ru>

© Филологический вестник, 2025

Содержание

Хоцкина О.В., Никерова С.В.

Отклонения от нормы словоупотребления носителей
английского языка: ошибки и инновации 5-9

Степанова А.П., Дятлов М.С.

Роль английского языка как международного в области технологий и науки 10-13

Айрян З.Г.

Вселенная как божественное начало в творчестве Грачья Тамразяна 14-19

Лу Дунлянь

Влияние «Царь-рыбы» Виктора Астафьева на творчество Чи Цзыцзянь 20-26

Алиева Фидан Афиз гызы

К проблеме категории залога процессуальных фразеологизмов в русском языке 27-31

Галеева Т.И., Белова С.Е., Жигалова М.Р.

Когнитивная обработка многослойных нарративов: нейролингвистический
анализ «Дороги» Кормака Маккарти 32-37

Брагина Э.Р.

Германизмы в экономической терминологии русского языка:
советский и постсоветский периоды, современные тенденции 38-44

Луганцев А.К.

Сравнительный анализ восприятия мультимедийного контента разными поколениями 45-51

Балута А.А., Балута А.Г.

Особенности синтаксиса переводов Нового Завета в аспекте изучения народной латыни 52-57

Дун Лие

Лингвокультурные специфики вербального кода спортивного комментария
и их роль в формировании вторичной языковой личности билингва 58-64

Каколири Иоанна

Парадигматика термина как критерий научности теории 65-69

Магомедова С.И., Саруханова А.А.А.

Концепт «любовь» в русской и арабской лингвокультурах 70-75

Бутенко Е.В.

Семантическая диффузия: лингво-синергетическое исследование кинодискурса 76-81

Середенко В.М., Вьюнов А.С.

Лингвистическая специфика заголовков как инструмента
формирования читательской позиции 82-89

Лю Син, Чжун Инчао

Приветствия в русской и китайской культурах 90-95

Акимова А.С.

Терминографический анализ музыкальных терминов, зафиксированных
в «русско-якутском термино-орфографическом словаре» П.А. Ойунского 96-101

Арсаханова М.А.-Х., Мусаева И.А.

Структурный и семантический анализ немецких
фразеологизмов с компонентом-антропонимом 102-105

Дини И.А., Белова Л.В.

Лексические и синтаксические маркеры осуждения как формы проявления
речевой агрессии в англоязычном интернет-дискурсе 106-112

Чжэн Нин

Исследование китайского перевода «Мать» Горького с позиции переводческой эстетики 113-120

Ши Линь

Речевые стратегии конфликта и согласия: роль экспрессивного
синтаксиса в диалогах современной прозы 121-126



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.111

Отклонения от нормы словоупотребления носителей английского языка: ошибки и инновации

¹ Хоцкина О.В., ¹ Никерова С.В.,

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Аннотация: статья посвящена теме отклонений от литературной нормы в словоупотреблении носителей британского и американского вариантов английского языка в спонтанной речи. Особое внимание уделяется разграничению речевых ошибок и языковых инноваций. Цель исследования заключается в поиске единиц, которые не соответствуют литературной норме, а также в разграничении ошибок и языковых инноваций и в попытке выявить переходные формы, находящиеся на стыке между отклонением и нормой. Предпринята попытка систематизировать ненамеренные, неcodифицированные словоупотребления, возникающие вне рамок литературной нормы, и проследить их возможную эволюцию от единичных ошибок к устойчивым языковым инновациям. На материале значительного корпуса видеозаписей со спонтанной речью носителей британского и американского вариантов английского языка были выявлены и классифицированы 227 случаев речевых отклонений. В данной работе используется авторская классификация, которая показывает количественное соотношение найденных элементов в каждой категории. Работа также подчеркивает практическую значимость понимания природы отклонений для изучающих английский язык.

Ключевые слова: спонтанная речь, речевые ошибки, языковые инновации, британский вариант английского языка, американский вариант английского языка

Для цитирования: Хоцкина О.В., Никерова С.В. Отклонения от нормы словоупотребления носителей английского языка: ошибки и инновации // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 5 – 9.

Поступила в редакцию: 2 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Deviations from the norms of usage in native English speakers: errors and innovations

¹ Khotskina O.V., ¹ Nikerova S.V.,

¹ Novosibirsk National Research State University

Abstract: the article discusses deviations from codified norms in lexical usage among speakers of British and American English within spontaneous speech contexts. Particular emphasis is placed on distinguishing between speech errors and deliberate linguistic innovations. The study aims to identify units contravening established literary norms, differentiate errors from innovations, and identify transitional forms existing at the interface between deviation and codification. We systematically analyze unintentional, non-codified lexical usages arising outside literary standards and trace their potential evolution from isolated errors to established linguistic innovations. Based on a substantial corpus of video recordings featuring spontaneous speech by native British and American English speakers, 227 instances of lexical deviations were identified and categorized. The study employs an original classification system proposed by the authors, which quantifies the distribution of identified elements across each category. Furthermore, this work underscores the practical significance of understanding the nature of such deviations for English language learners.

Keywords: spontaneous speech, speech errors, linguistic innovations, British English, American English

For citation: Khotskina O.V., Nikerova S.V. Deviations from the norms of usage in native English speakers: errors and innovations. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 5 – 9.

The article was submitted: July 2, 2025; Approved after reviewing: September 1, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Отклонения в словоупотреблениях носителей британского и американского вариантов английского языка представляет собой сложное и многоаспектное явление. Анализ данного феномена позволил нам более детально изучить специфику словоупотреблений, которые чаще всего используются неверно, а также проанализировать конкретные примеры таких слов и сделать выводы о характере и типе совершаемых отклонений. При этом важно отметить, что не все отклонения от нормы следует воспринимать исключительно как ошибки. В условиях естественного языкового развития наряду с ошибками возникают и языковые инновации – новые формы, значения или способы употребления, которые появляются в речи носителей языка и могут со временем стать частью узуса. Инновационные элементы нередко воспринимаются как ошибки на ранних этапах своего существования, однако при закреплении в речевой практике они могут быть приняты сообществом как допустимые, а в отдельных случаях – как нормативные.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования стали британские и американские ток-шоу, интервью с актерами музыкантами, политическими деятелями в количестве 173 видеороликов (6988 минут) в британском английском и 145 видеороликов (5637 минут) в американском английском. Методом сплошной выборки всего нами было просмотрено 318 видеороликов (12625 минут) и найдено 227 речевых отклонений: 101 речевое отклонение в спонтанной речи носителей британского варианта английского языка и 126 речевых отклонений в спонтанной речи носителей американского варианта английского языка.

Для выявления ненамеренных ошибочных словоупотреблений, мы обратились к исследованиям Л.П. Крысина, который определяет норму как «средства и способы речи, которые стихийно, спонтанно формировались в течение многих веков и которые обычно отличают одну разновидность языка от других» [1]. В нашей работе мы также понимаем, что язык – это очень гибкий механизм,

который постоянно меняется и пополняется новыми лексическими единицами и языковыми конструкциями. Это напрямую связано с таким понятием, как языковая инновация – «появление новых слов, значений или грамматических конструкций, которые изначально могут восприниматься как ошибки, но со временем получают общественное признание и становятся частью языковой системы» [3]. Далее, мы обратились к исследованиям Г. Брауна, который считал, что речевая ошибка – это «заметное отклонение от грамматики взрослого человека, используемой носителем языка» [2]. Для наглядного разграничения ошибок и инноваций нами была разработана авторская классификация речевых ошибок и инноваций, которая включает в себя двенадцать категорий грамматических ошибок, шесть категорий лексических ошибок и две категории языковых инноваций. Далее рассмотрим самые показательные категории с примерами речевых ошибок и языковых отклонений XX и XXI веков.

Результаты и обсуждения

В результате подсчета ошибок в выделенных категориях мы пришли к выводу, что в XXI веке спектр грамматических ошибок расширился по сравнению с XX веком. Например, в британском английском появились новые типы: ошибки отрицания. Ошибки согласования и вспомогательных глаголов сохранились в обоих вариантах языка в XX–XXI вв., что свидетельствует о системности этих явлений. Снижение ошибок согласования в XXI веке указывает на усиление нормативного контроля. Резкий рост ошибок в XXI веке, возможно, свидетельствует об инновационной активности в деривации. Американский вариант демонстрирует большую толерантность к грамматическим инновациям (двойное отрицание, падежи) и лидирует в лексическом экспериментировании. Британский вариант эволюционирует в сторону консолидации норм, особенно в лексике. Рост словообразовательных «ошибок» в обоих вариантах XXI века подтверждает гипотезу об их переходном статусе между ошибкой и инновацией. Выводы сделаны на основе табл. 1 и 2.

Таблица 1

Количественное соотношение грамматических ошибок в британском и американском вариантах английского языка XX и XXI веков.

Table 1

Quantitative ratio of grammatical errors in British and American English in the 20th and 21st centuries.

Категория классификации	XX век BrE	XXI век BrE	XX век AmE	XXI век AmE	Пример
Ошибки согласования	9	7	8	6	Джон Леннон: “ <i>She learn me how to write songs</i> ” [13].
Ошибки в использовании вспомогательных глаголов	2	2	1	1	Дженнифер Лоуренс: “ <i>She didn't used to be like that</i> ” [8].
Нарушение логики отрицания	-	1	2	2	Эд Ширан: “ <i>I ain't got no clue what that means</i> ” [9].
Нарушение в использовании падежной формы	-	-	3	3	Вирджиния Вулф: “ <i>It's me who is always blamed in the end</i> ” [7].
Нарушение в использовании артиклей	-	-	1	-	Джон Ф. Кеннеди: “ <i><...> every corner of the globe, including places like Africa, Asia, and the Argentina</i> ” [5].

Таблица 2

Количественное соотношение лексических ошибок в британском и американском вариантах английского языка XX и XXI веков.

Table 2

Quantitative ratio of lexical errors in British and American English in the 20th and 21st centuries.

Категория классификации	XX век BrE	XXI век BrE	XX век AmE	XXI век AmE	Пример
Семантическая подмена	3	-	1	3	Карл Саган: “ <i>There's a deep cosmology in their worldview</i> ” [6].
Создание новой лексики	3	-	1	-	Билл Клинтон: “ <i>We need to strategize our values better</i> ” [12].
Ошибки словообразования	2	7	9	12	Бенедикт Камбербэтч: “ <i>It was a very Sherlockianly deduction</i> ” [10].

Таблица 3

Количественное соотношение грамматических и лексических инноваций в британском и американском вариантах английского языка XX и XXI веков.

Table 3

Quantitative ratio of grammatical and lexical innovations in British and American English in the 20th and 21st centuries.

Категория классификации	XX век BrE	XXI век BrE	XX век AmE	XXI век AmE	Пример
Грамматические инновации	13	15	19	17	Эмма Уотсон: “ <i>There is been a lot of conversations around inclusion lately</i> ” [4].
Лексические инновации	1	13	16	19	Принц Чарльз: “ <i>I was sat there for hours, waiting for someone to... um... acknowledge me</i> ” [11].

Особенно интересными оказались грамматические инновации, потому что их природа оказалась очень разнообразной. В ходе нашего исследования мы выявили множество различных типов изменений: от диалектных форм и инверсий до грамматикализации новых конструкций и использования сленговых или междометных единиц в функции предикатов. Именно поэтому мы решили классифицировать грамматические инновации более общим способом – по традиционной системе уровней языка. В то же время лексические инновации продемонстрировали большую однородность. В большинстве случаев они представлены неологизмами – как индивидуально созданными единицами, так и уже широко используемыми, но еще не до конца закрепленными в словарях.

Выводы

Таким образом, нами было проанализировано 318 видеороликов, в которых удалось найти 227 отклонений в спонтанной речи носителей английского языка. Зафиксирован определенный рост речевых отклонений в спонтанной речи носителей

обоих вариантов английского языка (BrE и AmE) в XXI веке по сравнению с XX веком. В XXI веке границы между речевой ошибкой и языковой инновацией стали принципиально подвижными, что привело к активному переходу языковых единиц из ошибок в языковые инновации. Более того, результаты данной работы подтверждают мысль о том, что отклонения словоупотребления считаются важной частью речевой деятельности носителей языка. Отклонения от нормы не всегда свидетельствуют о безграмотности носителя, иногда это говорит об увлеченности говорящего и его желании как можно быстрее и точнее выразить свою мысль. Наша работа расширяет научные и эмпирические представления о природе языковой нормы и узуса, спонтанной речи как объекта исследования и необходимости переосмысления природы речевых ошибок и их рассмотрения не только как отклонений от нормы, но и как возможных знаков, что язык претерпевает важные изменения в своей структуре.

Список источников

1. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. 2005. Вып. 2. С. 89 – 97.
2. Brown H. Douglas Principles of Language Learning and Teaching. New Jersey: Prentice Hall Regents. 1994. P. 205.
3. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 489 p.
4. Интервью. Эмма Уотсон. 2014. Таймкод [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2014/9/emma-watson-gender-equality-is-your-issue-too> (дата обращения: 27.03.2025)
5. Интервью. Джон Кеннеди. 1961. Таймкод 00:04:34. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/jfks19610525> (дата обращения: 30.03.2025)
6. Интервью. Карл Саган. 1977. Таймкод 00:07:45. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/1977/05/29/archives/carl-saganobliged-to-explain-carl-sagan.html> (дата обращения: 20.03.2025)
7. Интервью. Вирджиния Вулф. 1937. Таймкод 00:17:06. [Электронный ресурс]. URL: <https://speakola.com/arts/virginia-woolfcraftsmanship-1937> (дата обращения: 29.03.2025)
8. Интервью. Дженнифер Лоуренс. 2022. Таймкод 00:24:07. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbc.com/the-tonightshow/guests/jennifer-lawrence/f8a1835c9471cb846ba26cdf1380e1dcb992934> (дата обращения: 05.05.2025)
9. Интервью. Эд Ширан. 2021. Таймкод 00:31:06. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gq-magazine.co.uk/culture/article/ed-sheeraninterview-2021> (дата обращения: 27.04.2025)
10. Интервью. Бенедикт Камбербэтч. 2019. Таймкод 00:43:08. [Электронный ресурс]. URL: <https://the-talks.com/interview/benedictcumberbatch/> (дата обращения: 27.03.2025)
11. Публичное выступление. Принц Чарльз. 1983. Таймкод 00:53:13. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mirror.co.uk/tv/tvnews/crown-what-prince-charles-really-20881534> (дата обращения: 22.03.2025).
12. Интервью. Билл Клинтон. 1992. Таймкод 00:56:06. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rollingstone.com/feature/billclinton-the-rolling-stone-interview-34047/> (дата обращения: 28.03.2025)
13. Интервью. Джон Леннон. 1970. Таймкод 01:10:08. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/JohnLennonInterview1972HitParaderMagazine> (дата обращения: 20.03.2025)

References

1. Krysin L.P. Language norm and speech practice. Otechestvennye zapiski. 2005. Issue 2. P. 89 – 97.
2. Brown H. Douglas Principles of Language Learning and Teaching. New Jersey: Prentice Hall Regents. 1994. P. 205.
3. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 489 p.
4. Interview. Emma Watson. 2014. Timecode [Electronic resource]. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2014/9/emma-watson-gender-equality-is-your-issue-too> (date of access: 03.27.2025)
5. Interview. John Kennedy. 1961. Timecode 00:04:34. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/jfks19610525> (accessed: 30.03.2025)
6. Interview. Carl Sagan. 1977. Timecode 00:07:45. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/1977/05/29/archives/carl-saganobliged-to-explain-carl-sagan.html> (date of access: 20.03.2025)
7. Interview. Virginia Woolf. 1937. Timecode 00:17:06. [Electronic resource]. URL: <https://speakola.com/arts/virginia-woolfcraftsmanship-1937> (date of access: 03.29.2025)
8. Interview. Jennifer Lawrence. 2022. Timecode 00:24:07. [Electronic resource]. URL: <https://www.nbc.com/the-tonightshow/guests/jennifer-lawrence/f8a1835c9471cb846ba26cdf1380e1dcb992934> (date of access: 05.05.2025)
9. Interview. Ed Sheeran. 2021. Timecode 00:31:06. [Electronic resource]. URL: <https://www.gq-magazine.co.uk/culture/article/ed-sheeraninterview-2021> (date of access: 27.04.2025)
10. Interview. Benedict Cumberbatch. 2019. Timecode 00:43:08. [Electronic resource]. URL: <https://the-talks.com/interview/benedictcumberbatch/> (date of access: 27.03.2025)
11. Public speaking. Prince Charles. 1983. Timecode 00:53:13. [Electronic resource]. URL: <https://www.mirror.co.uk/tv/tvnews/crown-what-prince-charles-really-20881534> (date of access: 22.03.2025)
12. Interview. Bill Clinton. 1992. Timecode 00:56:06. [Electronic resource]. URL: <https://www.rollingstone.com/feature/billclinton-the-rolling-stone-interview-34047/> (date of access: 03.28.2025)
13. Interview. John Lennon. 1970. Timecode 01:10:08. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/JohnLennonInterview1972HitParaderMagazine> (date of access: 03.20.2025)

Информация об авторах

Хоцкина О.В., кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, o.khotskina@g.nsu.ru

Никерова С.В., Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, s.nikerova@g.nsu.ru

© Хоцкина О.В., Никерова С.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 001.4

Роль английского языка как международного в области технологий и науки

¹ Степанова А.П., ¹ Дятлов М.С.,

¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация: в исследовании представлена эволюция английского языка как глобального средства коммуникации. Рассматриваются ключевые этапы его становления, начиная от колониальной экспансии Британской империи и индустриального переворота до мировых войн и появления интернета, оказавших решающее воздействие на процесс распространения. Подчеркивается, что закрепление английского в науке и технике не было стремительным: путь к доминированию определялся совокупностью исторических обстоятельств и социальных изменений. В тексте приводятся примеры применения английского языка в технической документации и научных публикациях, что демонстрирует специфику его функционального использования в различных сферах. Анализируется роль английского в международном бизнесе, в частности на примере компании Airbnb, для которой выбор единого корпоративного языка стал фактором глобального роста. Отдельное внимание уделено трудностям, с которыми сталкиваются учёные, не являющиеся носителями английского, при подготовке и публикации исследований. Отмечается необходимость создания условий, позволяющих преодолевать языковые барьеры и обеспечивать равный доступ к международному научному общению.

Ключевые слова: английский язык, колониальная политика, научные публикации, технический язык, международный бизнес, языковой барьер, исторические события

Для цитирования: Степанова А.П., Дятлов М.С. Роль английского языка как международного в области технологий и науки // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 10 – 13.

Поступила в редакцию: 3 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

The role of English as an international language in the field of technology and science

¹ Stepanova A.P., ¹ Dyatlov M.S.,

¹ Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract: the article examines the history of the formation of English as an international language. The key historical events and processes that contributed to the spread of the English language in science, technology, business and everyday life are highlighted. Special attention is paid to the influence of the colonial policy of the British Empire, the industrial revolution, the First and Second World Wars, as well as the development of the Internet. It is noted that English did not become dominant in science and technology immediately, but its path to the top was long and determined by a number of historical factors. Examples of the use of English in technical documentation and scientific publications are given. The role of the English language in international business is also emphasized using the example of Airbnb. The author of the article analyzes the problems faced by non-native English speakers in scientific communication and concludes that it is necessary to find ways to overcome the language barrier.

Keywords: English, colonial policy, scientific publications, technical language, international business, language barrier, historical events

For citation: Stepanova A.P., Dyatlov M.S. The role of English as an international language in the field of technology and science. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 10 – 13.

The article was submitted: July 3, 2025; Approved after reviewing: September 1, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Английский язык приобрёл статус глобального средства общения во многом благодаря экспансии Британской империи в XVII-XVIII вв. Колониальная политика привела к широкому распространению английского на территориях Австралии, Индии, Африки и Северной Америки. На завоёванных землях внедрялись образовательные институты, действовали правовые нормы метрополии, формировалась культурная среда, требовавшая знания английского для полноценного включения в общественную систему [2].

Материалы и методы исследований

Укрепление позиций языка происходило и в научной сфере. Начиная с XVI в., значительные открытия, сделанные Томасом Хэрриотом, Исааком Ньютоном, Чарльзом Дарвином, фиксировались на английском, что закрепляло его авторитет в международной науке. Литературное наследие, в частности произведения Уильяма Шекспира, обеспечило ему популярность за пределами Британии [3]. В XVIII в. индустриальная революция ускорила этот процесс: эксплуатационные инструкции к станкам и машинам публиковались на английском, что стимулировало обучение работников и способствовало закреплению языка в промышленности и торговле.

Мировые войны усилили глобальную роль английского. Создание Лиги Наций, а затем Организации Объединённых Наций в 1945 г., где устав был переведён на английский, окончательно закрепило его статус в дипломатии [2]. В XXI в. развитие цифровых технологий и интернета превратило английский в универсальное средство онлайн-коммуникации: социальные сети и виртуальные площадки используют его как основной язык взаимодействия.

Результаты и обсуждения

Формирование английского как ведущего языка науки происходило постепенно. В XVII в. учёные преимущественно публиковали исследования на национальных языках, что способствовало развитию отдельных научных школ. Лишь к середине XIX в. было принято решение о выделении нескольких ведущих языков науки, в число которых вошёл английский.

Поражение Германии в Первой мировой войне ослабило позиции немецкой научной традиции. Усиление этого процесса связано с приходом к власти нацистов в 1933 г., что привело к эмиграции большого числа учёных в Великобританию и США. Их научная деятельность в англоязычной

среде ускорила распространение английского в академическом пространстве. После Второй мировой войны Соединённые Штаты стали мировым лидером, а вместе с экономическим и культурным влиянием усилилось воздействие английского. Голливудское кино, массовая культура, музыкальная индустрия и технологические инновации закрепили его в качестве языка глобального общения.

К середине XX в. основными языками научных публикаций оставались английский и русский [4]. Однако распад Советского Союза резко снизил значимость русского, тогда как английский окончательно утвердился как язык научного лидерства. Уже к 1980-м гг. свыше 80% публикаций в области естественных наук выходило именно на английском.

Стилевые особенности технической и патентной документации иллюстрируют специфику англоязычного научного дискурса. Технические описания отличаются компактностью и точностью формулировок, часто реализуемых через именные цепочки без предлогов: «overload prevention device» (устройство для предотвращения перегрузки) или «two-stage single-cylinder air-cooled reciprocating compressor» (двухступенчатый однопоршневой компрессор с воздушным охлаждением). Патентные тексты используют конструкции от первого лица и насыщены канцеляризмами вроде «accompanying» или «annexed». Архаизмы типа «whereon», «therein», «therewith» придают юридико-техническим документам особую стилистическую окраску. В научных публикациях часто применяются неличные формы глагола, выполняющие роль подлежащего, дополнения, определения или обстоятельства. Подобные конструкции позволяют описывать процессы и подчёркивать значимость исследовательских инструментов [1].

Знание английского открывает компаниям широкие перспективы международного сотрудничества. Примером служит Airbnb, где английский был выбран языком корпоративного взаимодействия с первых этапов развития бизнеса, что обеспечило стремительное глобальное расширение [4]. Схожий опыт демонстрируют GitHub, PicsArt, EPAM Systems и Kolesa Group, использующие английский как инструмент интеграции в мировую экономику и налаживания партнёрских связей [2, 3].

Тем не менее универсализация английского имеет и негативные стороны. Учёные, владеющие им недостаточно свободно, сталкиваются с труд-

ностями при подготовке публикаций для престижных международных журналов. Это ограничивает их участие в мировых дискуссиях и приводит к снижению ценности научных работ на национальных языках. Кроме того, существует угроза утраты культурного и методологического разнообразия научных школ [3, 5].

Одним из способов преодоления дисбаланса является поддержка многоязычия в академическом сообществе. Создание платформ для публикаций на разных языках, использование автоматизированных переводов и развитие терминологических словарей позволяют объединять исследователей из разных стран [4, 5]. Формализованные языки и специализированные терминологические системы способствуют обеспечению точности и однозначности научных текстов.

Метафорический язык также играет важную роль в передаче сложных понятий, однако требует

осторожного применения во избежание искажений. Сохранение культурного и языкового разнообразия в научной среде, наряду с поддержкой владения английским, создаёт баланс между глобализацией и сохранением уникальности национальных научных традиций.

Выводы

Историческая динамика развития английского показывает, что колониальная экспансия, научные достижения, промышленная революция и цифровая эпоха превратили его в универсальный инструмент науки и международного общения. При этом перед исследовательским сообществом стоит задача сохранения многоязычия и культурного наследия, позволяющих обеспечить равные условия для участия в глобальном академическом пространстве.

Список источников

1. Фомин М.А., Садовиков Н.Е. Возможности применения технологий искусственного интеллекта при изучении иностранного языка в вузе // Молодежная наука: тенденции развития. 2022. № 3. С. 6 – 11.
2. Давидян М.Г., Куликова Ю.Н. Роль английского языка, как глобального языка // Вклад молодых ученых в инновационное развитие АПК России: Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции молодых ученых, Пенза, 20-21 октября 2021 года. Т. II. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. С. 114-117.
3. Клокова Е.А., Мокрова А.А., Трубникова К.Д., Черезонова В.Н. Роль английского языка в современном мире // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 1 (81). С. 110.
4. Хасанова А.И. Роль английского языка в современном научном мире // Актуальные вопросы филологии: теория и практика: материалы IV Международной научно-практической конференции, Волгоград, 30 ноября 2021 года. Волгоград: Научный издательский центр "Абсолют", 2021. С. 52 – 58.
5. Сарвал А. Роль английского языка в глобальном мире // Век глобализации. 2018. № 3 (27). С. 72 – 80. DOI 10.30884/vglob/2018.03.07

References

1. Fomin M.A., Sadovikov N.E. Possibilities of Applying Artificial Intelligence Technologies in Studying a Foreign Language at a University. Youth Science: Development Trends. 2022. No. 3. P. 6 – 11.
2. Davidyan M.G., Kulikova Yu.N. The Role of English as a Global Language. The Contribution of Young Scientists to the Innovative Development of the Russian Agro-Industrial Complex: Collection of Materials of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Penza, October 20-21, 2021. Vol. II. Penza: Penza State Agrarian University, 2021. P. 114 – 117.
3. Klokova E.A., Mokrova A.A., Trubnikova K.D., Cherejonova V.N. The Role of English in the Modern World. Modern Scientific Research and Innovations. 2018. No. 1 (81). P. 110.
4. Khasanova A.I. The Role of the English Language in the Modern Scientific World. Current Issues in Philology: Theory and Practice: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Volgograd, November 30, 2021. Volgograd: Scientific Publishing Center "Absolut", 2021. P. 52 – 58.
5. Sarval A. The Role of the English Language in the Global World. The Century of Globalization. 2018. No. 3 (27). P. 72 – 80. DOI 10.30884/vglob/2018.03.07

Информация об авторах

Степанова А.П., кандидат социологических наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, bubelo_ar@bk.ru

Дятлов М.С., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, dms1572005@gmail.com

© Степанова А.П., Дятлов М.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.351.1

Вселенная как божественное начало в творчестве Грачья Тамразяна

^{1, 2} Айрян З.Г.,

¹ Институт литературы им. М. Абегамяна Национальной академии наук Республики Армения,

² Международный научно-образовательный центр Национальной академии наук Республики Армения

Аннотация: в статье исследованы духовно-нравственные принципы творчества современного армянского поэта XXI века Грачья Тамразяна.

Стихотворения Тамразяна отличаются самобытным и выразительным поэтическим языком, который сочетает в себе интеллектуальность, философичность, метафоричность, поэтический стиль поэта. Исследование поэзии Тамразяна показало, что в ней прослеживается влияние поэзии поэтов-символистов, в частности В. Терьяна, Е. Чаренца, которая также отличается богатством и разнообразием образов-символов, посредством которых раскрываются мироощущения, психология, индивидуальность поэта.

Монументальным научным трудом Г. Тамразяна является монография «Григор Нарекаци и неоплатонизм», где автор глубоко исследовал и представил творческую индивидуальность, новизну поэзии Григора Нарекаци, его философские воззрения.

Ключевые слова: поэт, поэзия, образ, перевод, исследование, научная монография, Грачья Тамразян, символ, лирика, армянская поэзия

Для цитирования: Айрян З.Г. Вселенная как божественное начало в творчестве Грачья Тамразяна // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 14 – 19.

Поступила в редакцию: 4 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

The universe as a divine beginning in Hrachya Tamrazyan's creativity

^{1, 2} Airyan Z.G.,

¹ M. Abeghyan Institute of Literature of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,

² International Scientific and Educational Center of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

Abstract: the article explores the spiritual and moral principles of the work of the contemporary Armenian poet of the 21st century, Hrachya Tamrazyan.

Tamrazyan's poems are characterized by their distinctive and expressive poetic language, which combines intellectualism, philosophical thinking, metaphorical imagery, and the poet's unique style. The study of Tamrazyan's poetry reveals the influence of the poetry of symbolist poets, particularly V. Teryan and E. Charents, which is also characterized by the richness and diversity of symbolic images that convey the poet's worldview, psychology, and individuality.

H. Tamrazyan's monumental scientific work is the monograph "Grigor Narekatsi and Neoplatonism," where the author has thoroughly researched and presented the creative individuality and novelty of Grigor Narekatsi's poetry, as well as his philosophical views.

Keywords: poet, poetry, image, translation, research, scientific monograph, Hrachya Tamrazyan, symbol, lyrics, Armenian poetry

For citation: Airyan Z.G. The universe as a divine beginning in Hrachya Tamrazian's creativity. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 14 – 19.

The article was submitted: July 4, 2025; Approved after reviewing: September 2, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Ярким и самобытным представителем современной армянской поэзии XXI века является поэт Грачья Тамразян, известный также как талантливый переводчик, литературовед, ученый, член-корреспондент Национальной академии наук Армении, общественный деятель.

Поэзия Тамразяна вобрала в себя лучшие традиции армянской поэзии: многогранность тем, философское содержание, образность, эстетические ценности.

Поэтическая индивидуальность Г. Тамразяна, тонкое и глубокое восприятие действительности, его мироощущения ярко отразились в таких поэтических сборниках поэта, как «Если скука знак жизни» (1983), «Стеклянный город» (1985), «Остров голосов» (1989), «Радуга» (1993), «Обет молчания» (1996), «Парафразы» (2003) и других, которые свидетельствуют о поэтическом даровании армянского поэта.

Целью данного исследования является выявление и анализ репрезентации образа Вселенной как божественного начала в поэтическом наследии Грачья Тамразяна.

Научная новизна исследования заключается в комплексном и системном анализе образа Вселенной как божественного начала в творчестве Грачья Тамразяна. До настоящего времени, несмотря на интерес к его поэзии, данная тема не получила должного освещения в научной литературе. Предлагаемое исследование позволит не только расширить представление о творчестве Тамразяна, но и внести вклад в изучение философских и религиозных аспектов армянской поэзии XX–XXI веков. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях армянской литературы, культурологии, философии и теологии.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа данного исследования опирается на синтетический подход, включающий использование литературоведческого, фи-

лософского анализа. В рамках этого подхода применяется метод литературного анализа текстов, позволяющий определить основные мотивы лирики поэта, его философские и эстетические принципы, выделяющие его языковые и стилистические особенности. Материалом для основной части исследования являются такие стихотворения Г. Тамразяна, как «Мелодия», «Созвучье», вошедшие в сборник «Стихотворения. Эссе, Литературные портреты. Статьи», а также стихотворение «О, исчезающие границы снов» из сборника «Стрелец», позволившие определить нравственные принципы поэта, эстетику и красоту его слов и мыслей, пантеистическое восприятие им природы. Методом литературоведческого анализа в статье также представлена книга Тамразяна «Григор Нарекаци и неоплатонизм», выбор которой также послужил основой для раскрытия литературоведческий исследований автора, большого знатока средневековой армянской поэзии, в частности поэзии Григора Нарекаци.

Результаты и обсуждения

Тема Родины в гражданской лирике, отражающая его безграничную любовь к своей стране, является доминирующей в творчестве Тамразяна, воспеванию и служению ей он посвятил всю свою жизнь.

В поэтическом восприятии Тамразяна стихотворение сравнивалось им с молитвой. Он считал, что у каждого писателя есть своя духовная миссия, каждый должен сеять новые семена для будущего [6].

Поэзия Тамразяна свидетельствует, что он тонко и чутко воспринимал звуки, музыку вселенной, ему удавалось сплести из них слова, вдохнуть в них жизнь и творить.

Рождение поэтического произведения Тамразян образно описал в стихотворении «Мелодия» («Մելոդի»), в котором он, порождая из звуков вселенной музыку стиха, мечтает озвучить ее всем:

Таблица 1
Table 1

Մեղեդի	Подстрочный перевод:
Բառերն ինձ համար ձայնանիշներ են,	Слова для меня – это звуки,
Ելևէջներ են ու անհայտ խաղեր,	Страницы и неизвестные ноты,
Երաժշտություն – որը չեմ հիշում,	Музыка, которую не помню,
Ու մի անգամ է միայն երազվել:	И лишь однажды она снилась мне.
Ես որ զուրկ եմ միշտ խողովությունից,	Я, кто всегда лишен слуха,
Ես, որ կույր եմ միշտ իրերի առջև,	Я, кто всегда слеп перед вещами,
Ինչու՞ են բառերն հանկարծ տրվում ինձ,	Почему вдруг слова даются мне,
Լսողությունս սկսում տանջել...28.01.2010 [7, с. 12].	Начинают мучить мой слух...

В своих стихотворениях Тамразян предстает как размышляющий поэт, тонко чувствующий ритмы, движения вселенной, природа воспринимается им как божественный дар, имеющий неразрывное единение с человеком. В качестве примера

остановимся на фрагменте стихотворения «Созвучье», в котором автор, вдохновившись красотой природы, описал ее живой, наделенной человеческими характером и качествами:

Таблица 2
Table 2

	Подстрочный перевод:
Անտառի հառաչանքն առթնացնում է ինձ	Вздохи леса пробуждают меня
Ու համակում է խոր շնչառությամբ,	И охватывают глубоким дыханием,
Ու պարուրում է գոյաշխարհը իմ,	И окутывают мой мир бытия,
Ու ես նրանց եմ սրտով հերիյուսված,	И я с ними переплетен сердцем,
Ինչ համաչափ են ծառերը շարժվում,	Как гармонично движутся деревья
Ու պտտվում է աշխարհը համակ,	И вращаются всецело для вселенной,
Ու ինձ գերել է արթնացման մի շունչ –	И меня пленил один вдох пробуждения
Եվ պարուրել է ներշնչանքն ամրան...[7, с. 127].	И окутало вдохновенье лета...

Как видно из приведенных фрагментов, образ поэта созвучен с природой, чутко ощущающего ее дыхание, шелест, ритмы движения, которые, несмотря на ее причуды, изменения, принимаются им с любовью и благодарностью.

На самобытность, языковые и стилевые особенности поэзии Тамразяна указывал его современник поэт Акоп Мовсес, который писал: «Я считаю его одним из тех поэтов, которые являются частью организма армянского языка, скажем, его сердцем... настолько неразрывно он был связан со своим языком. У Грачья Тамразяна было исключительное чувство армянского языка, и одновременно он был мастером армянского языка, его носителем, одним из кующих его, одним из его кузнецов» [6].

Исследование поэзии Тамразяна показало, что в ней можно проследить влияние поэзии поэтов-

символистов, в частности В. Терьяна, Е. Чаренца. Поэтический язык Тамразяна, как и у его предшественников, также отличается богатством и разнообразием образов-символов, посредством которых выделяются индивидуальность поэта, его мировосприятие, психология, душевное состояние, настроение. Так, часто встречающиеся в стихах Тамразяна символы города, солнца, сна и другие выполняют в тексте важную смысловую нагрузку, раскрывая при этом глубину внутреннего, духовного мира поэта.

Примером тому может послужить стихотворение «Օ՛, երազների ջնջվող սահմաններ...», где поэт посредством выделения символа сна размышляет о потерянной и неживой душе, которая стала безразлична и глуха к окружающему. Фрагмент стихотворения звучит так:

Таблица 3
Table 3

	Подстрочный перевод:
Օ՛, երազների ջնջվող սահմաններ,	О, исчезающие границы снов,
Օ՛, անանձնական, անաշխարհ հոգի,	О, безличная, неземная душа,
Որ անկարող էր արդեն բարբառել,	Которая уже не может говорить,
Ու քաղաքների գետնաքարշ սողից	И из подземных червей городов...
Երես էր թեթել թաքուն խորշանքով,	Вы отвернулись с тайным отвращением,
Թողնելով այստեղ անանուն մարդկանց,	Оставив здесь безымянных людей,
Որ լոկ դեմքերն են վախով շոշափում,	Которые лишь к лицам касаются с ужасом,
Որ օտարվել են իրենցից հանկարծ... [8, с. 15].	И отделившись случайно от самих себя...

В стихотворении душевная тоска поэта переплетена с его грустью и пессимизмом, являющимися последствием суровой и страшной действительности.

Рассуждая о быстротечности, значении и смысле жизни, Тамразян видел в ней загадку, которую объяснял так: «Мы пока не раскрыли загадку жизни, но мне кажется, что всё внутри человека – и загадка жизни, и ее смысл» [3].

Стихотворения Грачья Тамразяна отличаются уникальным и выразительным поэтическим языком, который сочетает в себе интеллектуальность, философичность, метафоричность, аллитерации, ассонансы, музыкальность, эмоциональность поэта.

В стихотворениях, которые выделяются своим лиричным и выразительным звучанием, поэт предстает как мастер построения рифмы и формы [2, с. 206].

Монументальным научным трудом Г. Тамразяна является монография «Григор Нарекаци и неоплатонизм», где автор глубоко исследовал и представил прогрессивную творческую индивидуальность Нарекаци, его философские воззрения, сформированные в Нарецкой школе.

Представляя и анализируя труды средневековых ученых, Тамразян отмечал, что Нарецкая школа в свое время считалась прототипом армянских средневековых высших школ (вардапетаранов). Она пребывала под глубоким влиянием восточно-христианского мистического богословия и философии неоплатонизма. Среди ее крупнейших представителей автор выделил имена отца Григора Нарекаци – Хосрова Андзеваци, основателя и вардапета (доктор наук, учитель) школы, его родственника – Анания Нарекаци, а также его братьев – Саака и Ованнеса [9, с. 4].

Характеризуя культурную жизнь Армении и выделяя роль деятельности Нарецкой школы, Тамразян писал: «История формирования и развития Нарецкой школы совпадает с бурным подъемом

армянской политической, экономической и культурной жизни в X в. В этом исключительно важную роль сыграло восстановление армянской государственности в IX веке [1, с. 104]. В этот период активный рост переживает и градостроительство, а Армения становится одним из международных узловых центров транзитной торговли. Вступают в пору расцвета городская культура, духовные и светские науки и искусства, происходит бурный рост Ани, Карса, Артануджа, а из древних городов заметно оживляются Вагаршапат, Ван, Арчеш, Хлат. Население армянских городов составляло порядка 50-100 тысяч человек и в этом смысле превосходило европейские города того времени» [4, с. 6].

Указывая на особенность Нарецкой школы, автор отметил, что она в первую очередь проявлялась в ее этической системе, в трудах духовных отцов особое место занимали принципы их духовного уклада, основанного на духовном самосовершенствовании.

Характеризуя отличительные черты представителей Нарецкой школы, Тамразян писал: «Будучи богословами-мистиками, они помимо всеобщих внешне применяемых обиходных норм культа – церковных ритуалов, церемониала, поста, уделяли большое внимание внутреннему, духовному очищению человека, его внутреннему ритуалу, тому длительному процессу самосовершенствования, в ходе которого происходит концентрация духовно-умственных, чувственно-мыслительных, а также творческих способностей и возможностей» [4, с. 17].

Изучая принципы и философию духовных отцов Средневековья, Тамразян отметил, что для Нарецкой школы духовным идеалом было обожествление человека через долгое внутреннее очищение. Молитва, стихи и духовные песни были для них особенно важны для духовного роста. Автор пришел к выводу, что представители Нарецкой школы, особенно Григор Нарекаци, как

богословы-мистики и художники, развивали основные идеи неоплатонической этики и эстетики. Эти взгляды проявились благодаря включению платоновских определений философии, которые перешли от Платона к Давиду Анахту и другим членам Нарецкой школы [4, с. 19].

Выделяя феномен творчества Григора Нарекаци, Тамразян пришел к выводу, что поэт признавал божественное начало человека внутренне и внешне, о чем он писал: «Следовательно, он должен стремиться к богоподобности посредством добродетельного, зримого поведения и внутренних, незримых поступков в соответствии с тем, как их классифицирует Анания Нарекаци. “Какой же будет кара от Бога За скверну мою внутреннюю и внешнюю” (гл. 33, стих 4)» [4, с. 54].

Большая научная ценность труда заключается в том, что автор провел сравнительные параллели между философией Платона и Давида Анахта, оказавших большое влияние на мировоззрение Нарекаци. Обосновывая свое суждение, Тамразян писал: «В этическом учении о внутреннем человеке в качестве первоосновы также заложена философия неоплатонизма. Это учение своим происхождением также обязано Платону. Основоположник неоплатонизма – Плотин, сравнивая человеческую природу с разумным космосом и мироустройством, цитирует Платона, по мнению которого мир разума, первооснова души субстантивируют сферу внутреннего человека» [4, с. 52].

Аналогичное суждение о философско-эстетических принципах пантеизма Нарекаци можно встретить и в трудах академика В. Чалояна, который писал: «Пантеизм Григора Нарекаци заключается в том, что, вопреки философии христианской религии, бог, создавая природу и все сущее, не стал высшим или трансцендентным, а стал тождественным с природой. Правильность анализа подтверждается не только мыслью Григора Нарекаци о единении человека с богом, когда (наряду с утверждением о нахождении бога в человеке) утверждается и нахождение человека в боге, но также тезисом о том, что бог – во всем и, следовательно, всё – в боге» [10, с. 13].

Исследование Тамразяна показало, что подобно Давиду Анахту и Анании Нарекаци, Григор Нарекаци также отмечал три духовные добродетели – рассудительность, храбрость и здравомыслие [4, с. 127].

Анализируя тексты молитв, Тамразян пришел к выводу о том, что Нарекаци «устаи души», «всем сердцем» «клубзает» имя Бога, звучащее в виде страстной молитвы, оказывающее большое душевно-эмоциональное воздействие [6, с. 414].

По мнению ученого, в «Книге скорбных песнопений», как и в тагах Нарекаци, есть множество фрагментов, говорящих о божественной сущности слова, божественном таинстве поэзии [5, с. 48].

На божественный смысл и силу слова «Книги» указала также литературовед Б. Зулумян, которая писала: «Именно Слово становится одним из главных действующих лиц «Книги...», проводником человека к Божественному Логосу. Дар слова Нарекаци – от Бога: “Тобой внушено мне написать сие” (74, 3). Нарушая канонизированные стихотворные формы церковных песнопений, он наполняет свои произведения выражением индивидуальных переживаний, страстью, призванной пронзить сердце читателя, который приобщается к “словесной жертве”, молится и кается вместе с поэтом» [4].

Исследование эстетических принципов Нарекаци позволило Тамразяну заключить: «Эти подходы созвучны и присущи всему творчеству Григора Нарекаци – в своих тагах, исполненный божественной любви, очарованный творением божьим, он, в творческом экстазе, “путешествует в светлых божественных пределах”, в которых пребывают человек, природа, небо и земля, солнце, светила, почва, вода, живые существа, деревья и цветы. В состоянии духовного восторга он восхваляет божественную природу, проявляя при этом элементы пантеистического мировосприятия, при-сущего также и неоплатонизму» [4, с. 251].

Выводы

Исследуя творческую индивидуальность Грачя Тамразяна, его нравственно-эстетические принципы, можно заключить, что его поэзия во-брала в себя лучшие достижения армянской литературы, ее традиции, народность, глубокую философичность, интеллектуальность.

Стихотворениям Тамразяна присущ яркий, образный, метофоричный, поэтический язык. Их лирический герой глубоко размышляющий, понимающий законы мироздания и раскрывающий красоту бытия. Как поэт Тамразян воспринимал поэтический дар как высшую награду Вселенной, как молитву, звучащую между поэтом и Всевышним, что воплотилось в его поэзии.

Исследование монографии Тамразяна «Григор Нарекаци и неоплатонизм» показало, что она является монументальным трудом автора, глубоко исследовавшего и представившего философские воззрения и творческие принципы средневековых ученых – поэтов Нарецкой школы, в частности Григора Нарекаци.

Посредством анализа и сопоставления древнейших рукописей автор на конкретных примерах представил неоплатоническую эстетику творче-

ства Григора Нарекаци, преобразившего ее в нескончаемое творческое созидание высшей поэзии, ставшей новаторством своего времени.

Из вышеизложенного следует, что Грачья Тамразян был многогранным поэтом своего времени,

переводчиком, носителем нравственных и эстетических принципов армянской литературы, развитию и обогащению которых он посвятил всю свою творческую жизнь.

Список источников

1. Бородин М.А., Жиронкина О.А. Иллюстративный материал Х. Бидструпа и П. Кнорра как средство развития устного иноязычного общения в профессиональном образовании // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2024. Т. 23. № 2 (171). С. 103 – 114.
2. Бородин М.А., Зимина А.Д. Использование трансформаций при переводе инаугурационных речей американских президентов (Дж. Буш-младший, Б. Обама, Д. Трамп и Дж. Байден) // Современное педагогическое образование. 2025. № 2. С. 204 – 208.
3. Гишян Р.А., Грачья был неразрывно связан с армянским языком и литературой [Электронный ресурс]. <https://rus.azatutyun.am/a/27968691.html> (дата обращения: 28.03.2025)
4. Зулумян Б.С. Символика «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци [Электронный ресурс]: <https://artsakhlib.am/wp-content> (дата обращения: 04.04.2025)
5. Нарекаци Г. Книга скорбных песнопений. Ереван: Наири, 2002, 411 с.
6. Середа Е.В. Реализация персуазивного потенциала сентиментивных частей речи в публицистическом и художественном тексте // Современное педагогическое образование. 2024. № 1. С. 412 – 415.
7. Тамразян Г.Г., Стихотворения. Эссе, Литературные портреты. Статьи. Ереван: Наиру, 2010. 363 с. (на арм. яз.).
8. Тамразян Г.Г. Стрелец. Стихотворения. Ереван: Советакан грох, 1993, 89 с. (на арм. яз.).
9. Тамразян Г.Г. Григор Нарекаци и неоплатонизм. Ереван: Наири, 2011. 519 с.
10. Чалоян В.А. Григор Нарекаци. Песни. Ереван, 1957. 324 с. (на арм. яз.).

References

1. Borodina M.A., Zhironkina O.A. Illustrative material by H. Bidstrup and P. Knorr as a means of developing oral foreign language communication in professional education. Scientific notes of the Russian state social university. 2024. Vol. 23. No. 2 (171). P. 103 – 114.
2. Borodina M.A., Zimina A.D. Using transformations in translating inaugural speeches of American presidents (George Bush Jr., B. Obama, D. Trump and G. Biden). Modern pedagogical education. 2025. No. 2. P. 204 – 208.
3. Gishyan R.A., Grachya was inextricably linked with the Armenian language and literature [Electronic resource]. <https://rus.azatutyun.am/a/27968691.html> (date of access: 28.03.2025)
4. Zulumyan B.S. Symbolism of the "Book of Lamentations" by Grigor Narekatsi [Electronic resource]: <https://artsakhlib.am/wp-content> (date of access: 04.04.2025)
5. Narekatsi G. Book of Lamentations. Yerevan: Nairi, 2002, 411 p.
6. Sereda E.V. Realization of the persuasive potential of sentimental parts of speech in journalistic and artistic text. Modern pedagogical education. 2024. No. 1. P. 412 – 415.
7. Tamrazyan G.G., Poems. Essays, Literary portraits. Articles. Yerevan: Nairi, 2010. 363 p. (in Armenian).
8. Tamrazyan G.G. Strelets. Poems. Yerevan: Sovetakan Grokh, 1993, 89 p. (in Armenian).
9. Tamrazyan G.G. Grigor Narekatsi and Neoplatonism. Yerevan: Nairi, 2011. 519 p.
10. Chaloyan V.A. Grigor Narekatsi. Songs. Yerevan, 1957. 324 p. (in Armenian).

Информация об авторе

Айрян З.Г., ведущий научный сотрудник, Институт литературы им. М. Абегяна Национальной академии наук Республики Армения; Международный научно-образовательный центр Национальной академии наук Республики Армения, nerses91@rambler.ru

© Айрян З.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 82.091

Влияние «Царь-рыбы» Виктора Астафьева на творчество Чи Цзыцзянь

¹ Лу Дунлян,

¹ Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Республика Узбекистан

Аннотация: в данной статье исследуется влияние знакового произведения русского писателя Виктора Астафьева «Царь-рыба» на творчество современной китайской писательницы Чи Цзыцзянь. Посредством анализа трёх аспектов – стиля повествования, морального идеализма и экологической философии К раскрывается, как Чи Цзыцзянь наследует и творчески перерабатывает традиции В. Астафьева в исповедальном повествовании, моральной реконструкции деревенской прозы и философском осмыслении природы. Исследование показывает, что произведения Чи Цзыцзянь через локализацию интегрируют творческие идеи В. Астафьева в культурный контекст северо-восточной китайской деревни, критикуя отчуждение современности и исследуя глубинные отношения между человеком и природой, моралью и цивилизацией. Этот межкультурный обмен представляет собой не только заимствование художественных приёмов, но и резонанс литературного духа и эстетических устремлений.

Ключевые слова: «Царь-рыба», Чи Цзыцзянь, стиль повествования, моральный идеализм, экологическая философия

Для цитирования: Лу Дунлян Влияние «Царь-рыбы» Виктора Астафьева на творчество Чи Цзыцзянь // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 20 – 26.

Поступила в редакцию: 5 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

The influence of Victor Astafiev's "King fish" on Chi Zijian's work

¹ Lu Dongliang,

¹ Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

Abstract: this article examines the influence of the iconic work of the Russian writer Viktor Astafyev "The King Fish" on the work of the modern Chinese writer Chi Zijian. Through the analysis of three aspects – narrative style, moral idealism and ecological philosophy – it is revealed how Chi Zijian inherits and creatively reworks the traditions of V. Astafiev in confessional narration, moral reconstruction of rural prose and philosophical understanding of nature. The study shows that Chi Zijian's works integrate creative ideas through localization. Astafieva enters the cultural context of a northeastern Chinese village, criticizing the alienation of modernity and exploring the deep relationship between man and nature, morality and civilization. This cross-cultural exchange represents not only the borrowing of artistic techniques, but also the resonance of literary spirit and aesthetic aspirations.

Key words: "King Fish", Chi Zijian, narrative style, moral idealism, ecological philosophy

For citation: Lu Dongliang The influence of Victor Astafiev's "King fish" on Chi Zijian's work. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 20 – 26.

The article was submitted: July 5, 2025; Approved after reviewing: September 3, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

С переводом произведений В. Астафьева на китайский язык в 1980-х годах его творчество стало предметом изучения в китайских академических кругах. Однако до сих пор результаты исследований писателя В. Астафьева небогаты, а монографий об писателе Астафьеве в Китае нет. В монографии «Исследования современных русских деревенских проз», написанной ученым Чэнь Синьюй в 2018 году, Астафьеву была посвящена лишь очень небольшая глава. Что касается докторских диссертаций, то на сегодняшний день только работа доктора Чжан Шумина «О духовной экологии в творчестве Астафьева», написанная в 2018 году, представляет собой отдельное и систематическое исследование Астафьева. В Китае еще много возможностей для развития.

В 1982 году его знаковое произведение «Царь-рыба» впервые было переведено на китайский язык. Этот роман, ставший самым известным произведением автора в Китае, оказал большое влияние на молодых китайских писателей 1980-1990-х годов, включая таких авторов, как Чи Цзыцзянь. К сожалению, сравнительные исследования творчества Виктора Астафьева и Чи Цзыцзянь остаются практически неисследованной областью в современном литературоведении. Однако в свете растущего влияния произведений Чи Цзыцзянь как в Китае, так и за его пределами, вопросы анализа её литературного мировоззрения в сопоставлении с философско-эстетическими принципами Астафьева приобретают особую актуальность. Углублённое изучение данной проблематики представляется не только своевременным, но и необходимым шагом для понимания диалога культур в условиях глобализирующегося мира.

Целью этой статьи является: Изучить влияние произведения В. Астафьева «Царь-рыба» на литературное творчество Чи Цзыцзянь, раскрыть межкультурное наследие и новаторство в аспектах нарративных приёмов, моральных концепций и экологической философии, а также проанализировать, как это влияние способствовало формированию уникального локального литературного стиля Чи Цзыцзянь.

Материалы и методы исследований

Сравнительный анализ текстов: сопоставление нарративной структуры, тематических образов и символических приёмов в «Царь-рыбе» и произведениях Чи Цзыцзянь.

Тематический анализ: глубокая интерпретация трёх ключевых тем – «исповедальность», «моральный идеализм», «экологическая философия».

Анализ конкретных произведений: детальное рассмотрение теоретических положений на примерах работ Чи Цзыцзянь, таких как «Правый берег реки Аргуни», «Лесная баня Кунсэ» и «Шичуань».

Результаты и обсуждения

Виктор Астафьев – выдающийся российский писатель советской эпохи, получивший мировое признание. Он стал одним из ведущих представителей русской «деревенской прозы» и «морально-философской прозы».

Китайская современная писательница Чи Цзыцзянь называет роман «Царь-рыба» «волшебной лампой» своего литературного мира и «непревзойдённой классикой, которую не устаешь перечитывать» [1]. Высоко оценивая русское литературное искусство, Чи Цзыцзянь отмечает, что «Царь-рыба» воплощает лучшие традиции русской литературы – «грандиозной глубины, суровой простоты, подобно древней пастушеской песне, холодной и одновременно согревающей» [2]. Влияние романа «Царь-рыба» на литературу Чи Цзыцзянь глубоко и всесторонне, проявляясь в трёх аспектах: «исповедальная манера повествования», «моральный идеализм в измерении деревенской прозы» и «философия природы в контексте экологической литературы».

Во-первых, исповедальная манера повествования. Художественный стиль В. Астафьева очаровательно непосредственный. Он подчеркивал, что «писать нужно не по моде, а сердцем, надо искать не место в литературе, а себя в ней» [3]. Этот взгляд во многом определяет исповедальный характер прозы писателя. Рассказывая о своем жизненном опыте и описывая собственные переживания с целью выражения всеобщих чувств, В. Астафьев добился общего писательского стремления, которое вышло за рамки личного опыта.

Исповедальная манера повествования – важная черта прозы В. Астафьева. «Царь-рыба» как репрезентативное произведение В. Астафьева наиболее полно и подробно представляет художественную особенность исповедальности. Писатель исходит из собственного опыта, вспоминает прошлое, повествуя от первого лица, используя свои личные переживания для отражения всеобщих чувств, что вызывает сильный резонанс у читателей.

Исповедальная манера В. Астафьева оказала глубокое влияние на литературу Чи Цзыцзянь. Ключевые произведения китайской писательницы – «Сказка деревни Бэйцзи», «Первоначальный пейзаж», «Все ночи во вселенной», «Правый берег реки Аргуни» – несут в себе характерный астафьевский

евский исповедальный стиль. В произведениях Чи Цзыцзянь родные сельские пейзажи провинции Хэйлуцзянь часто становятся литературным ландшафтом, где посредством воспоминаний как художественного приёма автор выражает личные переживания от наблюдений за малой родиной. Способность пробуждать эмпатию через исповедальное проживание жизненного опыта составляет одну из главных особенностей поэтики её прозы.

Как всем известно, что «Царь-рыба» обладает уникальными особенностями лирической прозы. Современный китайский писатель Ван Сяобо прокомментировал структуру повести «Царь-рыба», заявив, что «Царь-рыба» по сути является литературным произведением, сочетающим в себе роман, повесть, очерки и моральную статью. «Его преимущество в том, что он обладает очень большой вместимостью, но его недостаток в том, что структура прозы исчезла» [4]. Это повесть имеет свободную структуру, в ней нет главного героя, который бы проходил через всю историю. Мнение Ван Сяобо по этому вопросу верно. В. Астафьев давно это понял и неоднократно публично заявлял, что не удовлетворен структурой «Царь-рыбы». Хотя писатель и многие зарубежные коллеги-писатели считают, что структура повести «Царь-рыба» несовершенно, ослабится сюжет за рамки творческого замысла, однако именно этот важный элемент и составляет уникальные лирические прозаические особенности. Основная причина этого своеобразного стиля прозы кроется в яркой лирической исповедальности Астафьева. «Царь-рыба» родом из памяти, из края, где родился Астафьев. Общее восприятие Астафьевым повести «Царь-рыба» исходит не из рациональных приемов, а из подлинных чувств. Читая, мы чувствуем, что он не тратит много усилий на придумывание и составление сюжета, потому что его чувства к родине являются естественной структурой и стилем произведения. Вот почему он сказал: «Сюжет - не грибы, и искать его, для меня например, дело бесполезное» [5].

Как и В. Астафьев, Чи Цзыцзянь всегда уделяла особое внимание в своих произведениях родине, где она родилась. Она – типичная «провинциальная писательница» Китая. Многие из ее романов подверглись той же структурной критике, что и В. Астафьев. В ее пяти знаменитых романах – «Марсионеточная Манчжурия», «Правый берег реки Аргуни», «Белый снег и ворона», «Вершины гор», «Под ветром дыма и огня», нет главных героев в традиционном смысле, а сюжетная связь относительно свободна, но именно в этом и заключается уникальный стиль Чи Цзыцзянь. Она хотела выразить свою любовь к земле своей родине и людям,

живущим на этой земле, с помощью «большой вместимости». Лирический и исповедальный характер размышлений и психологии писательницы дополняет прозаические черты ее произведений.

В заключение следует отметить, что повествовательная интонация в произведениях В. Астафьева и Чи Цзыцзянь отличается какой-то эмоциональной распахнутостью – она готова к веселью и не стыдится слёз. Исповедальный стиль обоих авторов можно назвать как «натуралистический сентиментализм» [6].

Во-вторых, моральный идеализм в измерении деревенской прозы. Советская деревенская проза оказала значительное вдохновляющее влияние на формирование китайской «деревенской прозы» и литературы «поисков корней» в 1980-х годах. Среди советских авторов этого жанра наибольшее воздействие на китайскую интеллектуальную среду оказали Чингиз Айтматов и Виктор Астафьев. «Царь-рыба» стала подлинным эстетическим эталоном для Чи Цзыцзянь в вопросах художественного воплощения: от создания персонажей до философского осмысления бытия.

С наступлением экономической глобализации бурное развитие промышленности и коммерции привело к разрушению природной среды, а выдающиеся культурные традиции человечества оказались разведены массовой культурой. Нравственные устои, ценностные ориентиры и религиозные верования были низвергнуты коммерческой цивилизацией. Русская деревня представляет собой духовную основу нации – корни её культуры и жизнеустройства. Утратив крестьянский фундамент, Россия рискует превратиться в придаток западной технологической цивилизации. Поэтому Виктор Астафьев стремится укоренить литературу в плодородной почве русской духовности – деревенском мире. Через призму сельской тематики он осуществляет критический анализ перекосов и ошибок современной индустриально-торговой цивилизации, стремясь к возрождению традиционной культуры, восстановлению природной экосистемы и пробуждению нравственного начала в народной душе.

Наиболее лирической главой «Царь-рыбы» по праву считается «Уха на Боганиде», где автор создаёт утопический идеал гармоничного мира. «Итак уж повелось в Боганиде: добросердечность, объединившая людей, переметывалась и на животных» [7]. Этот сибирский посёлок воплощает архетип совершенного социума – с его органичной этикой и целостной нравственной системой.

Виктор Астафьев творчески унаследовал традиции литературных предшественников – И. Тургенева, Л. Толстого и других – в воплощении

нравственной силы крестьянства и почвенного сознания. Выйдя за рамки политической идеологии и догм соцреализма, писатель, опираясь на мир русской деревни, раскрывает через природу и фольклор саму суть российских традиций, национального характера и духовности. Его творчество – непрестанная попытка выстроить этический идеализм, который должен стать не просто ориентиром общественной морали, но эстетико-философским откровением – наслаждением и созерцанием нравственной красоты.

Чи Цзыцзянь также является представительным писателем современной китайской деревенской прозы. Она выросла в среде, где сохранились первозданные природные ландшафты, простейшие человеческие отношения и непритязательный уклад жизни. Местные горы, реки и люди существуют в естественном состоянии, – как сама писательница отмечает: «Мои размышления о литературе и жизни неразрывно связаны с моей родиной, детством и любимой природой»[8].

Подобно В. Астафьеву, творческая практика Чи Цзыцзянь осуществляет деконструкцию политического дискурса, опираясь на деревню для раскрытия традиций, характера и духа чернозёмных земель Северо-Востока Китая. В эстетико-литературном измерении это становится переосмыслением национальной культуры – раскрытием её жизнеутверждающего ядра. Параллельно писательница, «используя современные способы мироощущения, постигает древние культурные архетипы, ища источник животворной энергии» [9], сквозь призму утраченных традиций анализируя прогресс цивилизации и критикуя современную отчуждённость и угасание нравственных идеалов.

Роман Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргуни» – вершина её творчества – наследует этический идеализм, воплощённый в «Царь-рыбе» В. Астафьева. В книге создан образ восхитительного цивилизационного сообщества – эвенкийского племени, подобного астафьевской Боганиде. Эвенки, ставшие нарративным центром произведения, свято хранят племенную моральную иерархию: их объединяет братская сплочённость и гармония с природой. Через призму угасания эвенкийской культуры писательница обнажает «смущение, печаль и беспомощность, сопровождающие прогресс человеческой цивилизации»[10], призывая к глубинному переосмыслению подлинной морали и духовных основ бытия.

Важно отметить, что Чи Цзыцзянь, в отличие от ранних представителей китайской «деревенской прозы», избегает упрощённого изображения села как символа отсталости. Через мифопоэтический

нарратив и создание поэтизированного хронотопа, она превращает сельский мир в свидетеля изначальной сущности человеческой природы. Этот синтез антропологического видения с этикой деревенской прозы осуществляет творческую трансформацию: с одной стороны, наследует астафьевские традиции, с другой – переосмысливает просветительскую парадигму движения «4 мая» в новой культурной реальности.

В-третьих, философия природы в контексте экологической литературы. «Царь-рыба» – это не просто хрестоматийный образец советской деревенской прозы, но и эталонное произведение мировой экологической литературы. В этом произведении природа не сводится к простому изображению пейзажей – она органично сплетена с морально-этической системой персонажей, абстрактным философским осмыслением, образуя целостную метафизическую структуру.

Для В. Астафьева человек – лишь часть природы, а не её хозяин. Писатель рассматривает природную сущность человека и его отношение к экосистеме как ключевой критерий оценки нравственных качеств персонажей. Его творчество – это непрестанная попытка выстроить эстетическую систему ценностей, основанную на законах естественного мира, и открыть путь к экологической этике, где поэтика природы становится инструментом морального преображения человечества.

В повести «Царь-рыба» Аким, выросший в единении с природой, научился благоговеть перед жизнью и естественным миром. Он думает, «Не тюрьма меня погубит, а сырая мать-земля...»[11]. Несмотря на бесконечные жизненные тяготы, Аким сохраняет любовь к жизни, оптимизм и готовность к самопожертвованию. «Под пером автора Аким предстаёт воплощением любви и страданий, земным подобием Христа» [12]. Этот герой составляет разительный контраст с Гогой – носителем антропоцентристских взглядов. Через противопоставление этих персонажей В. Астафьев критикует западные культурные ценности, призывая к возрождению традиционного русского гуманизма, основанного на гармоничном сосуществовании с природой.

Находясь под влиянием В. Астафьева, в произведениях Чи Цзыцзянь отношения человека с природой становятся естественным мерилем добра и зла. Если её герои нарушают законы природы – будь то разрушение экосистемы ради освоения лесов или утрата душевной чистоты под влиянием жадностей – в их моральном облике неизбежно появляются трещины. Те же, кто сохраняет диалог с природой и благоговейт перед круговоротом

жизни, обретают нравственное сияние, превосходящее мирские ценности.

В произведении «Лесная баня Кунсэ» Чи Цзыцзянь разоблачила преступное поведение директоров лесхоза, которые тайно рубили деревья, чтобы их продать и отложить деньги в собственный кошелек. «Боясь быть привлеченным к ответственности за свои преступные поступки, чтобы скрыть факты, некоторые коварные директора даже поджигали незаконно вырубленный лес и сжигали его дотла, заявив, что это произошло от пожара, вызванного молнией» [13]. Когда люди утрачивают благоговение перед природой, «когда мораль перестаёт возвышаться подобно ледниковым горам и ей более не поклоняются как святыне – все человеческие вожделения обретают мнимую легитимность» [14]. В этих оковах материальных желаний человечество в конечном итоге погружается в духовный упадок, теряя жизненную силу. Совсем иной предстаёт проводник лесной экспедиции – ороchon Гуань Чанхэ: живя в симбиозе с природой, он обрёл подлинную свободу и мудрую ясность духа.

«Слияние природы и человека является гарантией физической силы тела и моральной стойкости человека, однако достижение этого единства становится невозможным в условиях упадка цивилизации» [15]. На основе природно-нравственных воззрений В. Астафьева Чи Цзыцзянь развивает свои размышления о ходе человеческой цивилизации. Как отмечает сама писательница: «Я всегда с тревогой отношусь к процессу развития человеческой цивилизации. Цивилизация порой становится невидимым убийцей. Когда мы, завершив эпоху первобытной дикости, робко приближаемся к цивилизации, способность человека адаптироваться к природе постепенно ослабевает» [16]. «Разрушая подлинную цивилизацию, человечество всегда с нечистой совестью пытается построить новую... Мне кажется, человечество заблудилось, потерялось в созданном им самим мире» [17]. В контексте глобальной культурной унификации размышления Чи Цзыцзянь в культурно-антропологическом ключе – о человеческой морали, природе и цивилизации – представляют собой творческую трансформацию астафьевской литературной традиции.

В. Астафьев – мастер философского осмысления бытия через призму природных явлений. В центре его творческих поисков – законы мироздания и порождаемые ими вечные истины.

Особой метафизической насыщенностью обладает глава «Капля» из «Царь-рыбы». Через описание ленка автор раскрывает простую и глубокую мудрость природы: мимолетность и вечность пре-

красного, бесконечное многообразие природной красоты, сохраняемой лишь в естественной среде обитания. Изображая циклы цветения лесных растений, писатель демонстрирует многослойную красоту жизни и мироздания. Каждая фаза существования природы обладает уникальной эстетикой, подчиняясь вселенскому круговороту вечного возрождения. Наблюдая за дрожащей каплей росы, В. Астафьев даёт читателю услышать подлинный «звук тишины» – голос самой жизни. Эта капля становится универсальным символом: хрупкая и стойкая, мимолетная и непреходящая, она воплощает парадоксальную суть земного существования.

Философские размышления и поэтические образы В. Астафьева нашли яркое воплощение как в содержании, так и в форме эссе Чи Цзыцзянь «Сколько может капля воды прожить» и рассказа «Шичуань».

В произведении «Сколько может капля воды прожить» повествуется о девочке и капле росы. Эта капля росы, принимая разные формы – земли, зерна риса, материнского молока, слезинки – становится незримым участником каждого этапа жизни ребёнка. Её вечный круговорот через метаморфозы материи раскрывает многослойную гармонию природы, вызывая прямые ассоциации с главой «Капля» из астафьевского «Царь-рыбы».

В рассказе «Шичуань» Чи Цзыцзянь создала образ «рыбы-слёз» – уникальная рыба в реке Шичуани. «У них сплюснутое тело, красные плавники и синяя чешуя» [18]. Рыба-слёзы является одновременно и воплощением времени и жизни, и свидетелем теплоты человеческой натуры. Она не только несет в себе таинственную силу природы, но и отражает приверженность человечества морали и вере. Через этот многомерный образ писательница конструирует сюрреалистичный поэтический универсум, устремлённый к экзистенциальным вопросам бытия. Примечательно, что «рыба-слёзы» обладает внешним сходством с астафьевским ленком из «Царь-рыбы», а её символическая нагрузка перекликается с осетром из «Царь-рыбы». Эта интертекстуальная перекличка становится ярким доказательством влияния астафьевской прозы на поэтику китайской писательницы.

Выводы

В данной статье систематически исследуется многоуровневое влияние произведения Виктора Астафьева «Царь-рыба» на литературное творчество Чи Цзыцзянь, с фокусом на трех ключевых аспектах: нарративный стиль, моральный идеализм и экологическая философия. Чи Цзыцзянь углубляет связь между индивидуальным опытом и

универсальными эмоциями через исповедальную нарративную, переосмысливает традиционные моральные идеалы в рамках деревенской прозы и через экологическую призму критически осмысливает ход человеческой цивилизации. Ее произведения продолжают философские размышления В. Астафьева о взаимоотношениях природы и человеческой природы, обогащая их китайским культурным контекстом – например, через изображение эвенкийской цивилизации и экологическую критику сельских регионов Северо-

Восточного Китая. Исследование показывает, что оба автора, сохраняя перспективу «провинциальных писателей», укореняются в локальной культуре, используя прозаические структуры и лирическую выразительность для художественного ответа на кризисы модернизации. В заключение подчеркивается, что влияние В. Астафьева способствовало творческим поискам Чи Цзыцзянь в глобализационном контексте, направленным на переосмысление национально-культурной идентичности и экологической этики.

Список источников

1. Чи Цзыцзянь Те бессмертные души. Запертый мед в глубине. Ханчжоу: Изд. Литературы и искусства Чжэцзяна, 2016. С. 213 – 222.
2. Чи Цзыцзянь Распутица. Потерянное цветение. Ханчжоу: Изд. Литературы и искусства Чжэцзяна, 2016. С. 191 – 192.
3. Астафьев В. Соизмерение с жизнью. Посох памяти. - М.: Современник, 1980. 210 с.
4. Ван Сяобо. Радость мышления. Чунцин: Издательство Чунцина, 2009. 247 с.
5. Астафьев В. Беседы о жизни. Посох памяти. М.: Современник, 1980. 62 с.
6. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2 т. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 2. 99 с.
7. Астафьев В. Царь-рыба. Собрание сочинений. Т. VI. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. 240 с.
8. Чи Цзыцзянь Морозная высокая широта – где начинались мои мечты. Запертый мед в глубине. Ханчжоу: Изд. Литературы и искусства Чжэцзяна, 2016. 69 с.
9. Чэнь Сихэ Пособие истории современной китайской литературы. Шанхай: Изд. Фуданьского университета, 1999. 277 с.
10. Ху Иньхун, Чи Цзыцзянь Смушение, печаль и беспомощность в процессе человеческой цивилизации. 2006. № 2. 35 с.
11. Астафьев В. Царь-рыба. Собрание сочинений. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. Т. VI. 48 с.
12. Хэ Хуэйцзы Анализ экологических моральных взглядов ихудожественных приемов Виктора Астафьева. Дисс. магистра русской литературы. Цзилинь, 2015. 14 с.
13. Чи Цзыцзянь Лесная баня Кунсэ. Собрание повестей. Т. X. Пекин: Изд. Писателей, 2021. 2 с.
14. Чи Цзыцзянь Смятение. Потерянное цветение. Ханчжоу: Изд. Литературы и искусства Чжэцзяна, 2016. 175 с.
15. Чэнь Синьюй Исследования современных русских деревенских проз. Ханчжоу: Изд. Чжэцзянского университета, 2017. 97 с.
16. Чи Цзыцзянь Глянуть на другой берег на вечернем ветру. Потерянное цветение. Ханчжоу: Изд. Литературы и искусства Чжэцзяна, 2016. 61 с.
17. Чи Цзыцзянь. Кто похоронит этот мир. Потерянное цветение. Ханчжоу: Изд. Литературы и искусства Чжэцзяна, 2016. 196 с.
18. Чи Цзыцзянь Шичуань Собрание рассказов. Пекин: Изд. народной литературы, 2020. 27 с.

References

1. Chi Zijian Those Immortal Souls. Honey Locked in the Depths. Hangzhou: Zhejiang Literature and Art Press, 2016. P. 213 – 222.
2. Chi Zijian Rasputitsa. Lost Bloom. Hangzhou: Zhejiang Literature and Art Press, 2016. P. 191 – 192.
3. Astafiev V. Measuring Life. The Staff of Memory. Moscow: Sovremennik, 1980. 210 p.
4. Wang Xiaobo. The Joy of Thinking. Chongqing: Chongqing Publishing House, 2009. 247 p.
5. Astafiev V. Conversations about Life. The Staff of Memory. Moscow: Sovremennik, 1980. 62 p.
6. Leiderman N., Lipovetsky M. Modern Russian Literature: 1950-1990s: in 2 volumes. Moscow: Publishing Center "Academy", 2003. Volume 2. 99 p.
7. Astafyev V. Tsar-fish. Collected Works. Volume VI. Krasnoyarsk: PIK "Offset", 1997. 240 p.
8. Chi Zijian Frosty High Latitude – Where My Dreams Began. Honey Locked in the Depths. Hangzhou: Zhejiang Literature and Art Publishing House, 2016. 69 p.

9. Chen Xihe Handbook of the History of Modern Chinese Literature. Shanghai: Fudan University Press, 1999. 277 p.
10. Hu Yinhong, Chi Zijian Confusion, Sadness, and Helplessness in the Process of Human Civilization. 2006. No. 2. 35 p.
11. Astafiev V. Tsar-fish. Collected Works. Krasnoyarsk: PIK "Offset", 1997. Vol. VI. 48 p.
12. He Huizi Analysis of Environmental Moral Views and Artistic Techniques of Viktor Astafiev. Diss. Master's Degree in Russian Literature. Jilin, 2015. 14 p.
13. Chi Zijian Kunse Forest Bath. Collected Stories. Vol. X. Beijing: Writers' Publishing House, 2021. 2 p.
14. Chi Zijian Confusion. Lost Bloom. Hangzhou: Writers' Publishing House. Zhejiang Literature and Art Press, 2016. 175 p.
15. Chen Xinyu Studies of Contemporary Russian Village Prose. Hangzhou: Zhejiang University Press, 2017. 97 p.
16. Chi Zijian Looking to the Other Bank in the Evening Wind. The Lost Blossom. Hangzhou: Zhejiang Literature and Art Press, 2016. 61 p.
17. Chi Zijian. Who Will Bury This World. The Lost Blossom. Hangzhou: Zhejiang Literature and Art Press, 2016. 196 p.
18. Chi Zijian Shichuan Collected Stories. Beijing: People's Literature Press, 2020. 27 p.

Информация об авторе

Лу Дунлян, аспирант, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Республика Узбекистан

© Лу Дунлян, 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

К проблеме категории залога процессуальных фразеологизмов в русском языке

¹ Алиева Фидан Афиз гызы,

¹ Бакинский славянский университет, Азербайджан

Аннотация: в статье рассматривается категория залога процессуальных фразеологизмов в русском языке. Устанавливается, что категория залога процессуальных фразеологизмов теснейшим образом связано с их переходностью-непереходностью, возвратностью-невозвратностью. Лексико-грамматическая категория переходности-непереходности, а также возвратность-невозвратность процессуальных фразеологизмов обуславливают семантические и формальные оппозиции, складывающиеся внутри морфологической категории залога. Залог категориальных фразеологизмов рассматривается нами как морфологическая категория, выражающая субъектно-объектную направленность действия.

Категория залога процессуальных фразеологизмов имеет сложную грамматическую природу. Залог представляет собой непростую трехступенчатую оппозицию, в которой залог противопоставлен страдательному и возвратно-среднему. Внутри действительного залога противопоставляются переходные процессуальные фразеологизмы непереходным как объектные безобъектным. Отсечается, что в целом в категории залога противопоставляются возвратные формы невозвратным.

Наиболее активной, сильной в категории залога процессуальных фразеологизмов оказывается форма действительного залога, насыщенная разнообразными субъектно-объектными оттенками. Категория залога имеет фразеизменяемый характер лишь у переходных процессуальных фразеологизмов, которые образуют соотносительные формы действительного и страдательного залога. Такие формы образуются не у всех фразеологизмов, всё реже они употребляются в речи. У остальных процессуальных фразеологизмов залог является классификационной категорией.

Ключевые слова: процессуальные фразеологизмы, категория залога, глагольный компонент, переходный глагол, непереходный глагол, действительный залог, страдательный залог

Для цитирования: Алиева Фидан Афиз гызы К проблеме категории залога процессуальных фразеологизмов в русском языке // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 27 – 31.

Поступила в редакцию: 6 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

On the problem of the collateral category of procedural phraseological units in the Russian language

¹ Aliyeva Fidan Afiz gyzy,

¹ Baku Slavic University, Azerbaijan

Abstract: the article examines the category of collateral of procedural phraseological units in the Russian language. It is established that the category of collateral of procedural phraseological units is closely related to their transitivity-intransitivity, reversibility-irrevocability. The lexical and grammatical category of transitivity-intransitivity, as well as the reversibility-irrevocability of procedural phraseological units determine the semantic and formal oppositions that develop within the morphological category of the pledge. The pledge of categorical phraseological units is considered by us as a morphological category expressing the subject-object orientation of an action.

The category of collateral for procedural phraseological units has a complex grammatical nature. The pledge is an uneasy three-stage opposition in which the pledge is opposed to the passive and the reciprocal. Within the actual pledge, transitional

procedural phraseological units are contrasted with intransitive ones as objectless ones. It is cut off that, in general, in the category of collateral, refundable forms are contrasted with non-refundable ones.

The form of the actual pledge, saturated with various subject-object shades, is the most active and powerful in the category of collateral of procedural phraseological units. The collateral category has a phrase-changing character only for transitional procedural phraseological units, which form correlative forms of the valid and passive voice. Not all phraseological units have such forms, and they are used less and less frequently in speech. For other procedural phraseological units, the pledge is a classification category.

Keywords: procedural phraseological units, pledge category, verb component, transitive verb, intransitive verb, active voice, passive voice

For citation: Aliyeva Fidan Afiz gyzy On the problem of the collateral category of procedural phraseological units in the Russian language. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 27 – 31.

The article was submitted: July 6, 2025; Approved after reviewing: September 4, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Процессуальные фразеологизмы современного русского языка оформляют категориальное значение процессуальности пятью морфологическими категориями: лица, времени, наклонения, вида и залога. Как и глагол, обозначая процесс, процессуальный фразеологизм уточняет характер этого процесса (однократность-многократность, длительность, начало, завершение процесса), выявляет связь действия с субъектом и объектом, выражает различные взаимодействия субъекта и объекта, обнаруживает разные модально-временные характеристики действия [3, 4]. Категория залога процессуальных фразеологизмов теснейшим образом связана с их переходностью-непереходностью, возвратностью-невозвратностью.

Материалы и методы исследований

В статье использован метод сопоставительного анализа, сравнение и систематизация эмпирических и теоретических данных.

Данной теме посвящено очень много исследований. Среди них можно выделить работы Бондарко А.В., Буланина Л.Л., Виноградова В.В., Шахматова А.А. и др. В современной лингвистической литературе ни одна из глагольных категорий не вызвала таких различных трактовок, как залог [2, 5]. По-разному определяются объем, характер значения, состав форм этой категории. В составе этой категории выделяли шесть залогов (Ломоносов М.В.), две основные формы (действительную и страдательную или возвратную и невозвратную); в шахматовской традиции, положившей в основу залога понятие переходности-непереходности, выделяется три залога: действительный, страдательный и возвратный [2]. Глубоко прав был В.В.Виноградов, сделавший вывод о том, что «категория залога (если пользоваться этим термином для обозначения целого клубка разнородных лексико-грамматических явлений) в

системе современного русского языка ярко обнаруживает свою сложную природу» [2, с. 639]. В современном языкознании понятие залог получает еще более разноречивую лексико-морфологосинтаксическую интерпретацию [1, с. 16].

Результаты и обсуждения

Переходных процессуальных фразеологизмов гораздо меньше, чем непереходных. Непереходность процессуальных фразеологизмов создается различными факторами, и прежде всего на это влияет характер глагольного и именного компонента фразеологизма. Непереходными являются все процессуальные фразеологизмы, образованные компонентом – непереходным глаголом, например: вилять хвостом, впасть в детство, пенять на себя, пойти по миру, забегать вперед, звонить во все колокола и др.

Непереходностью характеризуются фразеологизмы, в состав которых входит глагольный компонент с постфиксом -ся: пользоваться уважением, попасться на глаза, браться за ум, прибавиться в весе, бросаться в глаза и др.

К непереходным следует отнести громадное количество процессуальных фразеологизмов, образованных компонентом-переходным глаголом, использовавшим в качестве второго компонента имя существительное (или местоимение) в прямом винительном падеже. Во внешних связях такого фразеологизма уже никогда не появляется сочетаемость с прямым винительным падежом. Ситуацию можно сравнить с утратой переходности глаголом, прибавившим постфикс -ся: двигать – двигаться, запира́ть – запира́ться, бить – биться, лить – литься. Поскольку свободные словосочетания модели «глагол + имя существительное в винительном падеже без предлога» обладают огромной фразеобразующей активностью, непереходных фразеологизмов последнего типа особенно много в современном русском языке [9, с. 62]. Это такие

фразеологизмы, как воротить нос, втирать очки, положить зубы на полку, бросать слова на ветер, брать реванш, продать душу нечистому, брать быка за рога, пустить корни, чесать зубы, натянуть нос, дать слово и мн. др.

Эквивалентные этим фразеологизмам глаголы свободного употребления чаще непереходные, ср.: бить баклуши – бездельничать; пустить слезу – заплакать, пожаловаться; протянуть ноги – умереть; брать себя в руки – успокаиваться. Однако это необязательно, эквивалентом у таких фразеологизмов может быть и переходный глагол: втирать очки – обманывать кого-л.; пустить пулю в лоб – убить кого-л.; вставлять палки в колеса – тормозить что-л. (но и мешать чему-л.); бросить смятение в душу – взволновать кого-л.

У некоторых непереходных процессуальных фразеологизмов, образованных от свободных словосочетаний модели «глагол имя в прямом винительном падеже», сохраняется внутрифразеологическая переходность глагольного компонента, позволяющая преобразовать субъектно-объектные связи фразеологизма, «взорвав» изнутри его синтаксическую структуру [6, с. 162]. Свойственная переходным глаголам способность образовывать действительную и страдательную формы, не нарушающие тождества их лексического значения, сохраняется у некоторых процессуальных фразеологизмов рассматриваемого типа. Так, формы страдательного залога могут образовывать фразеологизмы: перейти Рубикон – Рубикон перейден, завязать глаза – глаза завязаны, дать слово – слово дано и др.

Гораздо больше фразеологизмов включает в себя глагольный компонент с постфиксом -ся, выполняющим функцию образования возвратно-среднего глагола от переходного глагола. К ним относятся выбиться из сил, беситься с жиру, провалиться сквозь землю, бросаться в глаза, держаться на ногах, закрыться в свою нору, делиться последним куском хлеба, держаться руками и ногами, забиться в угол, вертеться в голове, встретиться на узкой дорожке и др.

Говорить о производности таких процессуальных фразеологизмов от переходных не приходится. Нельзя думать, что фразеологизмы братья за ум, братья за оружие, биться головой об стенку, бросаться на шею, даваться диву и подобные им образованы от переходных брать за дело, брать за оружие, бить головой об стенку, бросать на шею, давать диву.

И в первой и во второй группе фразеологизмов постфикс -ся вместе с глагольным компонентом выполняет фразеобразующую функцию.

Лексико-грамматическая категория переходности-непереходности, а также возвратность-невозвратность процессуальных фразеологизмов, обуславливают семантические и формальные оппозиции, складывающиеся внутри морфологической категории залога [10].

Залог процессуальных фразеологизмов трактуется нами как морфологическая категория, выражающая субъектно-объектную направленность процесса. Уточняя субъектно-объектные характеристики, эта категория может обнаруживать активность или пассивность действующего субъекта, наличие или отсутствие объекта, различные формы взаимосвязи между субъектом и объектом [7, 8].

Категория залога процессуальных фразеологизмов имеет сложную грамматическую природу, в связи с чем у одних фразеологизмов он представлен как словоизменительная, у других как классификационная категория. Залог не является чисто реляционной категорией, так как он представлен не только и не столько формами одного и того же фразеологизма, скорее всего он теснейшим образом переплетается с индивидуальными фразеологическими значениями, выступая в неразрывной связи с деривационной функцией процессуальных фразеологизмов.

Залог представляет собой сложную трехступенчатую оппозицию, в которой действительный залог противопоставлен страдательному и возвратно-среднему, при этом абсолютными полюсами противопоставления на реляционно-формальном уровне являются формы действительного и страдательного залога. Внутри действительного залога противопоставляются переходные процессуальные фразеологизмы непереходным как объектные безобъектным. В целом в категории залога противопоставляются возвратные формы невозвратным.

Наиболее активной, сильной в категории залога процессуальных фразеологизмов оказывается форма действительного залога, насыщенная разнообразными субъектно-объектными оттенками.

Самым насыщенным субъектно-объектными связями оказывается действительный залог у переходно-личных процессуальных фразеологизмов, которые в контексте могут реализовать как субъектную, так и объектную валентности: И опять его вопрос сбил Анфису с толку. (В. Абрамов. Две зимы и три лета); Один солдат брал на себя взвод (Из разг. речи).

Объект у форм действительного залога может быть прямым, косвенным, наконец, его может не быть совсем. В предложении «Писатель пишет роман» логико-грамматический субъект макси-

мально активно воздействует на объект, создавая последний. Лексическое значение глагола и фразеологическое значение процессуального фразеологизма обуславливают большее или меньшее воздействие субъекта на объект. Гамма объектных оттенков у глаголов неисчислима, ср.: писатель пишет, переделывает, рецензирует, изучает, читает роман. Такую же картину можно наблюдать при взаимодействии фразеологического значения с объектными характеристиками, вследствие чего разную степень активности воздействия на объект мы обнаруживаем в следующих контекстах: Контролер берет его под руку, и продолжая горячо говорить, уходит с ним на платформу (А. Чехов. ПСС, т. 6, стр. 314); Руслан, сим гласом оживленный, берет в объятия жену (А.Пушкин. Руслан и Людмила); Я же вас на понт беру (В.Шукшин. Танцующий Шива).

В контексте предложения категория залога выступает в тесном взаимодействии с синтаксической категорией лица. Если субъектная характеристика процесса становится нечеткой, то взаимодействие между субъектом и объектом также ослабевает [4, с.16]. Так, в неопределенно-личном предложении субъектный признак процесса затухивается, а объектный ярко выражен.

Своеобразную редукцию залоговых значений в языковой системе обнаруживают безличные глаголы и безличные фразеологизмы. Степень этой редукции бывает различной. Она меньше у тех глаголов и процессуальных фразеологизмов, которые сохраняют связь с прямым объектом, например: Матвея бросило в жар (Г.Марков. Строговы); ... ведь меня от одной мысли наяву стошнило и в ужас бросило (Ф.Достоевский. Преступление и наказание). В некоторых контекстах эти фразеологизмы употребляются и без объектной реализации: Не знакомые ли? Ах! Так в пот и бросает... (И. Гончаров. Обломов); ... и, бывало, резюме везешь, везешь, даже в пот ударит (А.Чехов. Чайка).

Следует отметить, что эти фразеологизмы могут употребляться в личных предложениях; залоговое значение их в таком случае достаточно ярко; ср.: В холодный пот кидает их боязнь (И.Крылов. Троеженец); И шум малейший по дубраве, полет синицы, ропот вод его бросали в жаркий пот (А.Пушкин. Руслан и Людмила).

Форма страдательного залога образуется далеко не от каждого процессуального фразеологизма. Взаимообратимостью форм действительного и страдательного залога характеризуются только

переходные фразеологизмы типа посадить на хлеб и воду, сбросить с пьедестала, сразить наповал, свести с ума, втянуть в историю, притянуть за уши и др.

Однако действительный и страдательный залоговые не исчерпывают всего многообразия субъектно-объектных связей, свойственных процессуальным фразеологизмам. Особая субъектно-объектная ситуация складывается в возвратно-среднем залоге: его назначение – передавать разнообразнейшие взаимопереплетения субъекта и объекта.

Большинство процессуальных фразеологизмов, в состав которых входит возвратный глагол, имеет общевозвратное значение, называя те или иные психические состояния субъекта. напр.: прятаться за спину, браться за ум, бросаться на шею, диву даваться, держаться на ногах, вариться в собственном соку, выбиться из сил, беситься с жиру, биться как рыба об лед, измениться в лице и под.

Возможны, но встречаются гораздо реже другие оттенки возвратно-среднего залога; например, взаимно-возвратный оттенок свойствен процессуальным фразеологизмам встретиться на узкой дорожке, делиться последним куском хлеба.

Выводы

Наблюдения над процессуальными фразеологизмами приводят к интересным результатам. Категория залога имеет фразеоизменяемый характер лишь переходных процессуальных фразеологизмов, которые образуют соотносительные формы действительного и страдательного залога. Следует отметить, что такие формы образуются не у всех фразеологизмов, еще реже они употребляются в речи. У остальных процессуальных фразеологизмов залог является классификационной категорией.

Научная новизна исследования состоит в том, что залог процессуальных фразеологизмов трактуется нами как морфологическая категория, выражающая субъектно-объектную направленность процесса. Категория залога процессуальных фразеологизмов освещается на базе связи с их переходностью-непереходностью, возвратностью-невозвратностью.

Практическое значение работы состоит в том, что использование материала статьи на занятиях по русскому языку может способствовать активизации познавательной деятельности студентов по усвоению семантики процессуальных фразеологизмов, обогащению их знания и развитию их устной и письменной речи.

Список источников

1. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Ленинград: Просвещение, Ленинградское отделение, 1967. 191 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва: Высшая наука, 1972. 784 с.
3. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. Москва: Просвещение, 1978. 160 с.
4. Постнова А.И. Роль контекста при определении значения и границ фразеологизма // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории филологии и философии, 1990. Вып. 3. С. 13 – 18.
5. Проблемы теории грамматического залога. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1978. 287 с.
6. Савогина И.И. Функционирование трансформированных фразеологических единиц в массово-информационном дискурсе (на примере интернет-пресс) // Полипарадигмальные контексты фразеологии XXI века: Материалы междун. научн. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 159 – 163.
7. Салыхова З.И. Из истории разработки категории залога в тюркологии // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 3 (I). С. 976 – 980.
8. Усачева Л.Я. Залог в системе глагольных форм русского языка // Вестник РУДН, сер. Лингвистика, 2004. № 6. С. 172 – 176.
9. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. Челябинск, 1974. 100 с.
10. Шахматов А.А. Из трудов по современному русскому языку (Учение о частях речи). М., 1952. 273 с.

References

1. Bondarko A.V., Bulanin L.L. Russian verb. Leningrad: Prosveshchenie, Leningrad branch, 1967. 191 p.
2. Vinogradov V.V. Russian language. Grammatical doctrine of the word. Moscow: Vysshaya Nauka, 1972. 784 p.
3. Zhukov V.P. Semantics of phraseological units. Moscow: Prosveshchenie, 1978. 160 p.
4. Postnova A.I. The role of context in determining the meaning and boundaries of a phraseological unit. Bulletin of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series of the History of Philology and Philosophy, 1990. Issue 3. P. 13 – 18.
5. Problems of the theory of grammatical voice. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1978. 287 p.
6. Savogina I.I. Functioning of transformed phraseological units in mass information discourse (on the example of the Internet press). Polyparadigmatic contexts of phraseology of the 21st century: Proc. int. sci. conf. Tula: TPPO, 2018. P. 159 – 163.
7. Salyakhova Z.I. From the history of the development of the category of voice in Turkology. Bulletin of the Bashkir University. 2010. Vol. 15. No. 3 (I). P. 976 – 980.
8. Usacheva L.Ya. Voice in the system of verb forms of the Russian language. Bulletin of RUDN, series. Linguistics, 2004. No. 6. P. 172 – 176.
9. Chepasova A.M. Semantic and grammatical classes of Russian phraseological units. Chelyabinsk, 1974. 100 p.
10. Shakhmatov A.A. From works on the modern Russian language (The doctrine of parts of speech). M., 1952. 273 p.

Информация об авторе

Алиева Фидан Афиз гызы, доктор философии по филологии, доцент, Бакинский славянский университет, Азербайджан

© Алиева Фидан Афиз гызы, 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.111-26

Когнитивная обработка многослойных нарративов: нейролингвистический анализ «Дороги» Кормака Маккарти

¹ Галеева Т.И., ¹ Белова С.Е., ² Жигалова М.Р.,

¹ Российский государственный университет социальных технологий,

² Московский международный университет

Аннотация: данная статья исследует когнитивные процессы, задействованные в восприятии и интерпретации многослойных нарративов на примере романа Кормака Маккарти «Дорога». В центре внимания находятся нейролингвистические аспекты, которые влияют на понимание текста, включая взаимодействие между языковыми структурами, эмоциональными реакциями и ментальными моделями читателя. Исследование опирается на анализ различных текстовых элементов и приемов, таких как метафоры, символика и сюжетное построение, обосновывая их влияние на когнитивные процессы.

Актуальность проблемы раскрытия глубоких смысловых слоев в художественном произведении на пределе выразительности языка и его способности передавать сложные человеческие переживания, идеи и эмоции обусловлена глобальным взаимодействием различных культур, способностью искусства передавать смысл, выходящий за пределами языковых барьеров. Это позволяет людям из разных стран и культур соединяться на глубинном уровне, преодолевая языковые и концептуальные различия.

В эру цифровых технологий возникает необходимость в новых формах коммуникации. Социальные сети и визуальные медиа становятся основными каналами взаимодействия, и актуальность изучения способов передачи смысла за пределами языка только возрастает.

Цель статьи заключается в изучении когнитивных процессов, участвующих в обработке многослойных нарративов в романе Кормака Маккарти «Дорога» с акцентом на нейролингвистические аспекты, выявляя, как читатель воспринимает, интерпретирует и эмоционально реагирует на текст. Задачи статьи: 1. Исследовать многослойные элементы нарратива в «Дороге». 2. Изучить когнитивные механизмы, активирующиеся при чтении романа, включая синтаксический анализ, семантическую интерпретацию и построение ментальных моделей. 3. Исследовать, как эмоциональное содержание текста влияет на нейролингвистическую обработку и формирование эмоциональных откликов у читателя. 4. Рассмотреть, какие нейролингвистические стратегии использует читатель для осмысления и интерпретации многослойного содержания нарратива.

Эти задачи помогут глубже понять, как когнитивные нейролингвистические процессы формируют восприятие и понимание литературных текстов, а также выявят роль языка в когнитивных моделях читателя.

Ключевые слова: нарратив, когнитивная обработка, нейролингвистические процессы, языковые структуры, ментальные модели, смысловые слои

Для цитирования: Галеева Т.И., Белова С.Е., Жигалова М.Р. Когнитивная обработка многослойных нарративов: нейролингвистический анализ «Дороги» Кормака Маккарти // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 32 – 37.

Поступила в редакцию: 7 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Cognitive processing of multi-layered narratives: neuro-linguistic analysis of the "road" by Cormac McCarthy

¹ Galeeva T.I., ¹ Belova S.E., ² Zhigalova M.R.,
¹ Russian State University of Social Technologies,
² Moscow International University

Abstract: this article explores the cognitive processes involved in the perception and interpretation of multi-layered narratives using the example of Cormac McCarthy's novel *The Road*. The focus is on neuro-linguistic aspects that affect the understanding of the text, including the interaction between language structures, emotional reactions and mental models of the reader. The research is based on the analysis of various textual elements and techniques, such as metaphors, symbolism and plot construction, substantiating their influence on cognitive processes.

The urgency of the problem of revealing deep semantic layers in a work of art at the limit of the expressiveness of language and its ability to convey complex human experiences, ideas and emotions is due to the global interaction of different cultures, the ability of art to convey meaning beyond language barriers. This allows people from different countries and cultures to connect at a deep level, overcoming linguistic and conceptual differences.

In the digital age, there is a need for new forms of communication. Social networks and visual media are becoming the main channels of interaction, and the relevance of studying ways to convey meaning beyond language is only increasing.

The purpose of the article is to study the cognitive processes involved in processing multi-layered narratives in Cormac McCarthy's novel "The Road" with an emphasis on neuro-linguistic aspects, revealing how the reader perceives, interprets and emotionally reacts to the text. Objectives of the article: 1. To explore the multilayered narrative elements in "The Road". 2. To study the cognitive mechanisms activated when reading a novel, including syntactic analysis, semantic interpretation, and the construction of mental models. 3. To investigate how the emotional content of a text affects neuro-linguistic processing and the formation of emotional responses in the reader. 4. To consider which neuro-linguistic strategies the reader uses to comprehend and interpret the multi-layered content of the narrative.

These tasks will help to better understand how cognitive neuro-linguistic processes shape the perception and understanding of literary texts, as well as reveal the role of language in the cognitive models of the reader.

Keywords: narrative, cognitive processing, neuro-linguistic processes, language structures, mental models, semantic layers

For citation: Galeeva T.I., Belova S.E., Zhigalova M.R. Cognitive processing of multi-layered narratives: neuro-linguistic analysis of the "road" by Cormac McCarthy. *Philological Bulletin*. 2025. 4 (5). P. 32 – 37.

The article was submitted: July 7, 2025; Approved after reviewing: September 4, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Когнитивная нейролингвистика представляет собой область, изучающую связь между языком и когнитивными процессами в мозге. Исследования показывают, что многие аспекты человеческого опыта трудно выразить словами, и это создает необходимость для изучения форм искусства, которые могут передать то, что выходит за рамки слов. Подобные исследования помогают глубже понять природу и ограничения языка.

Исключительную роль языка в процессах обработки информации о мире, в процессах концептуализации и категоризации мира, во всех процессах, способствующих росту и прогрессу знаний. Когнитивная наука есть наука междисциплинарная. Рожденная под ее эгидой когнитивная лингвистика ставит, соответственно, сложнейшую задачу – объяснения тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания [5, с. 9].

Нарратив исследовался в фундаментальных трудах М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Ви-

нокура, В.М. Жирмунского, В.Я. Проппа, Е.В. Падучевой, Ж. Женетта и др. На актуальные подходы к нарратологии и языковым аспектам повествования значительное воздействие оказали концепты Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, как одного из основателей московско-тартуского направления семиотики, и других членов Московско-Тартуской школы семиотики.

Изначально термин «нарратология» был введен в употребление Ц. Тодоровым, для которого повествование было историей, рассказанной «нарратором» или неким посредником между автором и повествуемым миром. [11, с. 10], что говорит о коммуникативной функции нарратива. Как полагает А.А. Бернацкая, решение проблем коммуникации лингвистикой «предполагает синтез языковых средств общения с неязыковыми, исследование их организации в едином процессе и тексте как его результате» [2, с. 104].

Различные исследователи нарративной лингвистики обращаются к множеству аспектов, каждый из которых вносит свой вклад в понимание струк-

туры и функции нарратива. Эти работы могут служить основой для более глубокого анализа различных аспектов повествования.

Ю.М. Лотман, например, в «Структуре художественного текста» исследует структурные элементы художественного нарратива, их семиотическое значение, функционирование знаков и значения в рамках литературного произведения. В художественном произведении, по мнению Ю.М. Лотмана, «Событие, стержень повествовательного текста», является «перемещением персонажа через границу семантического поля» или как «пересечение запрещающей границы» [11, с. 312].

Особенности нарратива в контексте героической литературы и её структурных элементов было рассмотрено Б.А. Успенским в работе «Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы» [10]. Дэвид Герман в «Базовых компонентах повествования» рассматривает основные концепты нарративной теории и их применение в литературной критике [4].

Структура художественного текста в повествовательном формате с его детальным описанием, логической последовательностью событий, идей, тем и диалогами, помогает легче и глубже воспринять содержание, понять его и сопереживать персонажам. Так читателю становится комфортнее следить за развитием сюжета.

Многослойность художественного повествования создается из многоплановых персонажей, различных точек зрения и неоднозначных ситуаций, что дает широкую перспективу интерпретации текста и приобретению нового опыта. Благодаря такой многослойности, читатель полностью вовлечен во внутренний мир произведения, где происходит развитие и изменение не только персонажей, но и самого читателя.

Нарратив отражает культурные, исторические и социальные рамки при помощи языка, ритма и различных языковых приемов, способствующих осознанию поведения персонажей в данных условиях и ситуациях. С помощью таких методов автор добивается, чтобы текст был более привлекательным и притягивающим. В целом, повествование является мощным инструментом, который позволяет авторам мастерски передавать идеи, образы и эмоции, создавая богатые и многослойные художественные миры.

Нарратив рассматривается М. Бахтиным как «Две закономерности <...> закономерность героя и закономерность автора, содержательная и формальная закономерность» [1], в котором взаимодействуют различные голоса и точки зрения. Он акцентирует внимание на диалогичности текста и

множестве значений, которые возникают в процессе чтения и интерпретации.

Определение Д. Германа, известного американского исследователя: «Нарратив – это способ репрезентации, который локализован в рамках специфического дискурсивного контекста или в ситуации, обуславливающей рассказ, и должен интерпретироваться с учетом этого факта. Это означает, что повествование структурировано коммуникативными контекстами и вместе с тем само придает им структуру» [4, с. 19].

Эти определения подчеркивают разнообразие подходов к пониманию нарратива, отражая его сложность и многогранность как концепта в литературоведении и семиотике. Вслед за Е. Кубряковой мы приходим к выводу о том, что нейролингвистические аспекты текста влияют на эмоциональное восприятие читателя: «Осмысление акта номинации с когнитивных позиций означает поиски и нахождение ответа на вопрос о том, какие наборы концептов и почему вербализуются в данном языке и какая конкретно языковая форма выбирается при этом для решения задачи» [5, с. 71]

Процесс когнитивной обработки текста активизирует такие нейролингвистические стратегии, как анализ синтаксиса и семантики: читатель интуитивно анализирует синтаксические структуры, которые позволяют ему понимать смысл предложения, а семантические контексты формируют более глубинное понимание текста в целом. Когнитивные схемы: чтение «Дороги» требует от аудитории использования предшествующих знаний и опыта для создания когнитивных схем, чтобы интерпретировать события и действия героев.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил оригинальный текст «Дорога» Кормака Маккарти и перевод на русский язык Ю. Степаненко, научные статьи о нарративе и восприятии художественной литературы, о нейролингвистических аспектах текста и метафорах.

Метод анализа был применен для исследования лексики и грамматики в русском и английском языках, для выявления метафор, символов и образов. Метод сравнения позволил выявить особенности перевода и интерпретации одного произведения с английского языка на русский, что повлияло на восприятие текста в рамках культурного контекста. Выявление частоты использования метафор, структурных элементов, символов и образов удалось добиться при помощи количественных и качественных методов.

Результаты и обсуждения

Роман «Дорога» представляет собой сложную ткань из множества нарративных слоев, перепле-

тающихся с использованием различных стилей языка. Важными элементами выступают картинные образы и метафоры. Маккарти использует их, чтобы создать атмосферу пустоты и безнадежности, что вызывает у читателя эмоциональный отклик и активирует нейролингвистические сети, отвечающие за восприятие образного языка.

В рамках нарративного текста Кормака Маккарти проводит читателя по временному непостоянству контекста, которому приходится воспроизводить собственные временные алгоритмы, чтобы понять казуальные отношения. Данный прием включает активную работу когнитивных механизмов читателя, таких как память и когнитивный контроль для понимания многослойных структур языка.

Роман «Дорога» Кормака Маккарти полон многослойных элементов, которые делают текст глубже и насыщеннее за рамками языка, как «утверждение, что язык действительно обладает способностью вызывать то, что может быть познано за его пределами» [8, с. 94]. Так например в эпизоде, когда отец и сын толкают тележку, к ручке которой было прикреплено зеркало. В зеркало отец наблюдал за дорогой позади них, которая была пуста. Данная сцена говорит читателю о жизни, которой больше нет и невозможно возвращение в прошлое.

Через описание страданий главных персонажей читатель погружается в их эмоции, что активирует зоны мозга, связанные с обработкой эмоций, такие как лимбическая система. Поскольку нарратив «обладает большой гибкостью и позволяет автору достигать с его помощью различных эффектов» [7, с. 321], реципиент строит ментальные модели, основанные на личных переживаниях и ассоциациях, что усиливает восприятие истории как личного опыта.

Такие языковые приемы как метафоры, символика и составные сюжетные конструкции, активно помогают читателю воспринять и адекватно интерпретировать тему выживания, любви и надежды. Метафоры в романе служат для передачи эмоциональной нагрузки и сложных идей. Они требуют от читателя активного вовлечения и интерпретации. Дорога в романе символизирует жизненный путь персонажей, наполненный страхами, страданиями и борьбой. Одно из описаний романа: “The long concrete sweeps of the interstate exchanges like the ruins of a vast funhouse against the distant murk” ярко подчеркивает постоянные опасности и невзгоды, которые выпали на долю главных героев, а также их стремление выжить.

В контексте прочтения романа автор подталкивает читателя задумываться о своей собственной

жизненной дороге. Метафора дороги не только открывает перспективы, но и «затеняет» [6, с. 170] более глубокие философские размышления о цели и значении жизни, когда сам путь становится тяжелым и полным страданий. В условиях постоянной борьбы за выживание понятия о смысле и ценности жизни могут быть подвергнуты сомнению, и дорога, которая открывает движение вперед, здесь скрывает от читателя возможность контроля над собственной жизнью.

Огонь как символ надежды: частое обращение к огню является метафорой надежды и человечности. “He got a fire going and they set about dragging up a great brushpile of wood to see them through the night”. “He woke toward the morning with the fire down to coals and walked out to the road.” Этот элемент наводит читателя на размышления о надежде и вере, и насколько все в жизни может превратиться в угли. Используемые метафоры воздействуют на когнитивные процессы читателя, активируют эмоциональные переживания, заставляя сопоставлять собственные жизненные испытания с образами, представленными в тексте.

Символика добавляет многослойность и глубину, позволяя читателю исследовать более сложные темы. Например, пепел и опустошение. Пепел, о котором говорится в романе, символизирует разрушение и последствия человеческой деятельности. Описание “The ashes of the late world carried on the bleak and temporal winds to and from in the void” демонстрирует не только физическое опустошение, но и моральный упадок. Это побуждает читателя задуматься о последствиях человеческой деятельности и экологической катастрофе.

Мальчик как символ невинности, олицетворяет надежду и чистоту среди жестокости. Его оптимизм и стремление сохранить человечность, сказанное во фразе “It wasn’t a safe place because the sound of the river masked any other but he thought it would cheer the boy up”, становятся мощным символом, который, несмотря на всю безвыходность положения, способен дать надежду. Согласно А.А. Потемне «Совершенствование мысли возможно только посредством ее сообщения, Нет языка без понимания, но понимание возможно только посредством слов, не заменимых самою выразительной мимикой» [9, с. 21]. Читатели сталкиваются с необходимостью осмыслить, как сохранить моральные ценности даже в самых трудных условиях.

Символика в романе создает пространство для глубокого анализа и размышлений, заставляя читателей искать более глубокие значения за пределами буквального. Образы пепла и невинность

мальчика призывают к саморефлексии и оценке своих собственных моральных позиций.

Структуры сюжета в «Дороге» часто фрагментированы и нелинейны, что создает атмосферу напряжения и неопределенности. В романе наблюдается эпизодичность повествования: переключения между воспоминаниями о прошлом и реальностью усиливают чувство утраты. Эти элементы позволяют читателю воспринимать богатство и разнообразие жизни до катастрофы, создавая усиливающее ощущение утраты. В повествовании есть определенная структура, учитывающая контекст «Спонтанное рассказывание истории является одним из результатов, достигаемых в процессе коммуникативного взаимодействия между говорящим и слушающим» [3, с. 196]. Подобное напряжение говорит о событийности, то есть о снижении вероятности возвращения к более ранним точкам зрения.

Эмоциональную сложность повествования углубляют сны, которые видит отец. В одном моменте он вспоминает свою жену, и эта сцена приводит к размышлениям о любви и утрате: “She was gone and the coldness of it was her final gift. She would do it with a flake of obsidian”. Эти видения создают волнение, и читателю необходимо интерпретировать, как память формирует восприятие реальности. Нелинейная структура требует от ин-

дивида активного участия, а это, в свою очередь, углубляет понимание событий и эмоционального состояния персонажей. Это создает интенсивный игровой процесс для читателя, вызывая более осознанное и глубокое восприятие текста.

Выводы

Таким образом, многослойные элементы нарратива в «Дороге» – метафоры, символика и сюжетные конструкции – формируют объемное и комплексное восприятие текста. Используемые элементы, обогащая общее содержание произведения, запускают восприятие читателя, создавая возможность для глубоких размышлений о теме человечности, надежды и выживания. Роман преобразуется из истории о физическом пути, в исследование внутреннего мира человека в условиях крайнего кризиса, что позволяет читателям вступить в динамичный диалог с текстом и его глубокими жизненными истинами.

Когнитивная обработка многослойных нарративов в «Дороге» Кормака Маккарти иллюстрирует сложную коммуникацию между языковыми структурами и мыслительными процессами. Нейролингвистический анализ произведения демонстрирует, восприятие читателям текста, активного взаимодействия с ним, используя свои эмоциональные и когнитивные ресурсы для построения смысла.

Список источников

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity / Comp. S.G. Bocharov, notes S.S. Averintsev and S.G. Bocharov. Moscow: Iskusstvo, 1979. 423 p.
2. Bernatskaya A.A. On the Problem of Text "Creolization": History and Current State // Speech Communication: Specialized Bulletin. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 2000. Issue 3 (11). P. 104 – 110.
3. van Dijk T.A. Language. Cognition. Communication: Trans. from English / Comp. V. V. Petrov; Under the editorship of V.I. Gerasimov; Introductory Art. Yu.N. Karaulova and V.V. Petrova. M.: Progress, 1989. 312 p.
4. Herman D. Basic components of the narrative. [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/2011-02-003-german-d-bazovye-komponenty-povestvovaniya-herman-d-basic-elements-of-narrative-chichester-u-k-malden-usa-wiley-blackwell-2009-xv/viewer> (date of access: 06.07.2025)
5. Kubryakova E.S. Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world / Rus. Academy of Sciences. Institute of Linguistics. M.: Languages of Slavic Culture, 2004. 560 p.
6. Lakoff George, Johnson Mark Metaphors We Live By: Trans. from English / Ed. and with a preface by A.N. Baranov. M.: Editorial URSS, 2004. 256 p.
7. Lastochkina A.S., Korobova D.N. On the Semantics of Unreliable Narration // Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. 2017. Vol. 14. Issue 3. P. 317 – 325.
8. McCarthy K. The Road [Electronic resource]: file:///C:/Users/Admin/AppData/Local/Temp/130e36cd-a30f-4b0f-8097-1ea0d51a0da8_doroga-pdf(1).zip.da8/Dorogapdf.pdf (date of access: 06.07.2025)
9. Potebnya A.A. Word and Myth. Moscow: Pravda, 1989. 623 p.
10. Uspensky B.A. Poetics of Composition. The Structure of the Fictional Text and the Typology of Compositional Form. Moscow: Art, 1970. 214 p.
11. Schmid B. Narratology. M.: Languages of Slavic Culture, 2003. 312 p.
12. Herman D. Basic elements of narrative. Chichester (U.K.); Malden (USA): Wiley-Blackwell, 2009. XV, 249 p.
13. McCarthy C. The Road. New York: Vintage Books, 2006. 387 p.

References

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. Comp. S.G. Bocharov, notes S.S. Averintsev and S.G. Bocharov. Moscow: Iskusstvo, 1979. 423 p.
2. Bernatskaya A.A. On the Problem of Text "Creolization": History and Current State. Speech Communication: Specialized Bulletin. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 2000. Issue 3 (11). P. 104 – 110.
3. van Dijk T.A. Language. Cognition. Communication: Trans. from English/Comp. V. V. Petrov; Under the editorship of V.I. Gerasimov; Introductory Art. Yu.N. Karaulova and V.V. Petrova. M.: Progress, 1989. 312 p.
4. Herman D. Basic components of the narrative. [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/2011-02-003-german-d-bazovye-komponenty-povestvovaniya-herman-d-basic-elements-of-narrative-chichester-u-k-malden-usa-wiley-blackwell-2009-xv/viewer> (date of access: 07.06.2025)
5. Kubryakova E.S. Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world. Rus. Academy of Sciences. Institute of Linguistics. M.: Languages of Slavic Culture, 2004. 560 p.
6. Lakoff George, Johnson Mark Metaphors We Live By: Trans. from English. Ed. and with a preface by A.N. Baranov. M.: Editorial URSS, 2004. 256 p.
7. Lastochkina A.S., Korobova D.N. On the Semantics of Unreliable Narration. Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. 2017. Vol. 14. Issue 3. P. 317 – 325.
8. McCarthy K. The Road [Electronic resource]: file:///C:/Users/Admin/AppData/Local/Temp/130e36cd-a30f-4b0f-8097-1ea0d51a0da8_doroga-pdf(1).zip.da8/Dorogapdf.pdf (date of access: 07.06.2025)
9. Potebnya A.A. Word and Myth. Moscow: Pravda, 1989. 623 p.
10. Uspensky B.A. Poetics of Composition. The Structure of the Fictional Text and the Typology of Compositional Form. Moscow: Art, 1970. 214 p.
11. Schmid B. Narratology. M.: Languages of Slavic Culture, 2003. 312 p.
12. Herman D. Basic elements of narrative. Chichester (U.K.); Malden (USA): Wiley-Blackwell, 2009. XV, 249 p.
13. McCarthy C. The Road. New York: Vintage Books, 2006. 387 p.

Информация об авторах

Галеева Т.И., кандидат философских наук, доцент, Российский государственный университет социальных технологий

Белова С.Е., старший преподаватель, Российский государственный университет социальных технологий

Жигалова М.Р., кандидат филологических наук, доцент, Московский международный университет

© Галеева Т.И., Белова С.Е., Жигалова М.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-114.4

Германизмы в экономической терминологии русского языка: советский и постсоветский периоды, современные тенденции

¹ Брагина Э.Р.,

¹ Институт экономических исследований

Аннотация: в статье рассматривается влияние германизмов на современную экономическую терминологию русского языка, с акцентом на их историческое вхождение в состав русского языка в Советский, Постсоветский периоды и актуальные тенденции. Исследование включает корпусный и структурный анализ, а также метод кейс-стадии, что позволяет глубже понять природу и использование немецких заимствований. Особое внимание уделяется количественному и процентному подсчету германизмов, их распределению по различным областям применения и тематическим группам. Анализируется роль германизмов в обогащении экономической лексики, а также степень их интернационализации и принадлежность к общеупотребительной, научной, межотраслевой и узкоспециализированной лексики. Результаты показывают, как немецкие заимствования способствовали формированию и развитию экономического дискурса в русском языке, подчеркивая их значимость для современного языкового пространства. Данное исследование – это комплексный анализ германизмов в экономической терминологии русского языка, что делает его актуальным и ценным для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: германизмы, экономическая терминология, русский язык, историческое вхождение, языки-посредники, этимологические цепочки, язык-донор, тематические группы, область применения, интернационализмы

Для цитирования: Брагина Э.Р. Германизмы в экономической терминологии русского языка: советский и постсоветский периоды, современные тенденции // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 38 – 44.

Поступила в редакцию: 8 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Germanisms in the economic terminology of the Russian language: Soviet and post-Soviet periods, contemporary trends

¹ Bragina E.R.,

¹ Institute of Economic Research

Abstract: this article examines the influence of Germanisms on the modern economic terminology of the Russian language, with an emphasis on their historical incorporation in the Russian language in Soviet and Post-Soviet Periods and modern tendencies. The study includes corpus and structural analysis, as well as a case study method, allowing for a deeper understanding of the nature and use of German borrowings. Special attention is given to the quantitative and percentage counting of Germanisms, their distribution across various fields of application, and thematic groups. The role of Germanisms in enriching economic vocabulary is analyzed, as well as their degree of internationalization and belonging to general literary, scientific, interdisciplinary, and specialized vocabulary. The results demonstrate how German borrowings contributed to the formation and development of economic discourse in the Russian language, highlighting their significance for the modern linguistic landscape. This research represents a comprehensive analysis of Germanisms in the economic terminology of the Russian language, making it relevant and valuable for further studies in this area.

Keywords: Germanisms, economic terminology, the Russian language, historical incorporation, intermediary languages, etymological chains, donor language, thematic groups, field of application, internationalisms

For citation: Bragina E.R. Germanisms in the economic terminology of the Russian language: Soviet and post-Soviet periods, contemporary trends. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 38 – 44.

The article was submitted: July 8, 2025; Approved after reviewing: September 5, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

В данной статье мы рассмотрим два диаметрально противоположных исторических периода с точки зрения наполнения и принятия новых германизмов в русское языковое пространство: Советский и Постсоветский периоды. В Советский период, безусловно, экономические термины-германизмы использовались в терминологии экономики в общенаучной и общеупотребительной лексике, однако, предпочтение отдавалось исконно русским словам и словосочетаниям. В постсоветское время в результате глобализации, стремительного и постоянного усовершенствования информационных технологий, нового витка политического вектора увеличился вокабуляр заимствованной лексики, в том числе и немецкой, в экономической терминологии. В ходе нашего исследования мы убедились, что объем иностранного заимствованного корпуса и степень его адаптации в языке-реципиенте напрямую зависит от идеологической направленности государства языка-реципиента и личного отношения населения к государству языка-донора [1, с. 27].

Материалы и методы исследований

В ходе исследования мы используем методы корпусного анализа терминов, структурного анализа терминов, метод кейс-стадии (подробный разбор большого количества терминов), методики процентного и количественного подсчета. Выборка произведена из следующих источников: Экономический словарь терминов [2], Словарь экономических терминов [3], «Тематический Толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский)» 1 и 2 тома [4, 5], «Морфемно-орфографический словарь» Тихонова А.Н. [6], «Этимологический словарь русского языка» Крылова Г.А. [7], «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» 1, 2 и 3 тома Срезневского И.И. [8, 9, 10], «Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» Михельсона А.Д. [11], «Этимологический словарь современного русского языка» 1 и 2 тома Шапошникова А.К. [12, 13].

Целью нашего исследования является анализ исторических вех Советского и Постсоветского периодов, способствовавших активизации процесса интеграции германизмов; проведение тематического анализа заимствованной немецкой лексики,

вошедшей поэтапно в языковое пространство русского языка; анализ этимологических цепочек, определение характера заимствований и языков-посредников. Более подробно остановимся на анализе германизмов в современной терминологии экономики в русском языке, вошедших в русский язык в Советский и Постсоветский периоды, который будет включать их количественный и процентный подсчет в каждом историческом периоде, принадлежность к общеупотребительной, общенаучной, межотраслевой и узкоспециализированной (экономической) лексики и количественное представление в каждой области применения, анализ тематических групп терминологии экономики, в которых употреблены термины-германизмы. Роль германизмов в обогащении терминологии экономики в русском языке и степень интернационализации германизмов будет определена сквозь призму исследования интернационального характера терминов с немецкой этимологией, определением процентного соотношения германизмов-интернационализмов, их принадлежности к тематическим группам и областям применения. Такое комплексное исследование заимствований с немецкой этимологией в терминологии экономики в русском языке проводится впервые, что обуславливает научную значимость нашего исследования.

Результаты и обсуждения

В нашем исследовании мы называем германизмами все заимствования из современного немецкого языка. В ходе исследования мы выделили 6 исторических периодов вхождения германизмов в русское языковое пространство: 1 период, Древний период – 1 часть с III по IV век включительно и 2 часть с VIII по XIV век; 2 период, позднее Средневековье с XV по XVII век; 3 период, Петровская эпоха и XVIII век; 4 период, с XIX до начала XX века; 5 период, Советский период с 1917 до 1991 и 6 период, Постсоветский период.

В этой статье мы подробно остановимся на 5 и 6 исторических периодах. **5 период, Советский период (1917-1991).** Историческими вехами Советского периода, безусловно, являются Октябрьская революция 1917 года, гражданская война (1917-1922), советская индустриализация (1923-1940), Великая Отечественная война (1941-1945), восстановление народного хозяйства (1945-1953), Хрущёвская «оттепель» (1953-1964), эпоха застоя

(1964-1985, экономический спад), перестройка и гласность (1985-1991, экономический кризис).

5.1. В годы Октябрьской революции и гражданской войны (1917-1922) широко использовались германизмы, которые вошли в русский язык до 1917 года, а именно в период с XVI века до начала XX века, принадлежавшие военной тематике, бытовые и технические термины, медицинская и научная тематики. Однако, в этот период в русский язык вошли и активно использовались кальки с немецкого языка, а именно: калькирование структуры и дословный перевод структуры.

5.2. В период 1920-30-х годов возникла необходимость номинации новых экономических и социальных явлений, научно-технических новаций, в значительной степени германизмы выполняли номинативную функцию благодаря лидирующему положению Германии в развитии техники и промышленности в то время, компактности немецких терминов, отвечавшей лингвистическим требованиям экономии, более лёгкой передаче новых идей посредством калькирования структуры немецких терминов в стремительно меняющемся и развивающемся социалистическом обществе в период индустриализации.

Тематический охват германизмов (прямых заимствований), вошедших в русский язык в период с 1921 по 1940 года отличался многоаспектностью: административные и экономические термины, технические термины, кулинарные термины, медицинские термины, электроника, политическая сфера. Тематическими группами германизмов-калек, вошедших в русское языковое пространство в период с 1921 по 1940 года, стали политическая лексика, идеологическая лексика, бытовая лексика.

Отличительной чертой германизмов, вошедших в русский словарный состав в период с 1921 по 1940 года, является отсутствие языков-посредников в этимологических цепочках, тематическая многоаспектность, формы заимствования – прямые заимствования и кальки.

5.3. Экстралингвистическими факторами, способствующими германизации русской лексики во время Великой Отечественной войны, являются военные действия, немецкая оккупация, народное творчество и пропаганда, что в свою очередь и определило тематический охват германизмов того времени:

- прямые заимствования: военная и техническая лексика, разговорная речь (как правило с негативной коннотацией), административно-оккупационные термины;

- кальки: военная лексика, военные реалии, административная лексика.

Отличительной чертой германизмов, вошедших в русский лексикон в период Великой Отечественной войны, является отсутствие языков-посредников в этимологических цепочках, использование германизмов в качестве профессиональных жаргонов, обозначая обобщенные предметы немецкого производства (*шмайсер* для обозначения всех пулеметов немецкого образца), большое количество экзотизмов, потерявших свою смысловую ценность в разговорной практике в следствие краткосрочного существования обозначаемых ими реалий, но увековеченных в мемуарах фронтовиков, литературных произведениях и кинофильмах о Великой Отечественной войне.

5.4. Рассмотрим следующие экстралингвистические факторы Советского периода (1917-1991) и причины наполнения русского словарного состава заимствованиями из немецкого языка.

Восстановление народного хозяйства (1945-1953) сопровождалось переформатированием экономики на мирные нужды, модернизацией научно-технологических производственных процессов, которая в основном использовала западные, в том числе немецкие технологии, эксплуатацией немецкого оборудования в качестве репарации Германии, способствующей заимствованию немецкой технической терминологии в виде прямых заимствований и калек.

5.5. Для «оттепели» (1953-1964) характерно ослабление идеологической изоляции, которое привело к расширению контактов и сотрудничества с западными странами, в том числе и ФРГ и ГДР. Необходимо отметить, что во время так называемой «оттепели», были переосмыслены германизмы, вошедшие в русский язык раньше, например: русск. *гастроль* (появилось в конце XIX века) > нем. *Gastrolle* закоренилось в русской лексике именно в момент «оттепели» и т. д.

5.6. Время «застоя» (1964–1985) характеризуется укреплением социалистического лагеря, куда входило и ГДР, расширением экономических связей со странами Восточной Европы. Технические и образовательные обмены, военное сотрудничество, совместные предприятия и мероприятия, научные контакты, туризм, организация молодежных лагерей способствовали обогащению русского языка иностранными терминами, в том числе и германизмами, и определили тематическую направленность этих заимствований (техника, образование, молодежная культура, экономика).

5.7. Характерными чертами перестройки и гласности (1985-1991) стали ослабление цензуры информации, резкая и мощная активизация экономических и социальных контактов со странами Европы, способствующая развитию торговых и

культурных коллабораций, потока миграции и обогащению русской лексики новыми заимствованиями, в том числе германизмами.

Германизмы, вошедшие в русский лексикон в Советский период (1917-1991), являются прямыми заимствованиями из немецкого языка и кальки, имеет место и семантическое переосмысление германизмов, вошедших в русское языковое пространство в более ранние периоды, в этимологических цепочках, в основном, отсутствуют языки-посредники.

6 период, **Постсоветский период**. Тематическая направленность заимствований из немецкого языка в Постсоветский период кардинально меняется в результате развития процесса глобализации, стремительного и постоянного усовершенствования информационных технологий. В этом периоде преобладают германизмы из тематических групп экономической лексики, политического дискурса, туристического бизнеса, массовой культуры, кулинарии, строительной терминологии, инфраструктуры.

Для Постсоветского периода характерны прямые заимствования и кальки, отсутствие языков-посредников в этимологических цепочках, использование и «обрусение» германизмов, вошедших в язык в предыдущие периоды, узнаваемость иностранного происхождения германизмов (прямое заимствование), вошедших в Постсоветский период.

В ходе нашего исследования мы провели количественную и периодическую классификацию современных терминов экономики с немецкой этимологией, классификацию терминов по уровню употребления и области применения, по тематическим группам экономики. В 5 и 6 периодах количество заимствований составило 16 терминов, однако общее количество всех германизмов, вошедших в течение всех 6 периодов в русский язык и функционирующих в современной терминологии экономики в русском языке составило 76 терминов (прямые заимствования, словообразовательные, семантические и фразеологические кальки). Рассмотрим количественную характеристику германизмов в современной экономической терминологии в русском языке, вошедших в язык в 5 и 6 исторические периоды и функционирующих в современной терминологии экономики, классификацию терминов на общеупотребительную (ОУЛ), общенаучную (ОНЛ), межотраслевую (МЖОЛ) и узкоспециализированную (УЗСЛ) лексики, применяя комплексный подход, включающий в себя контекстуальное понимание термина и лингвистический анализ:

5 период, Советский период (1917-1991) – 5 германизмов (7 % от общего количества 76), из них:

- общеупотребительная лексика (3 германизма – 60 % от общего количества 5): русск. виртшафтсвундер (экономическое чудо) – нем. *Wirtschaftswunder*;

- общенаучная (2 термина – 40 % от общего количества 5): русск. *рентабельность* – нем. *rentabel*.

6 период, Постсоветский период – 11 германизмов (14 % от общего количества 76), из них:

- общеупотребительная лексика (4 германизма – 36 % от общего количества 11): русск. *блицопрос* – нем. *Blitz* (молниеносный) + русск. *опрос*;

- межотраслевая лексика (4 германизма – 36 % от общего количества 11): русск. *человеческий фактор* (фразеологическая калька) – нем. *menschlischer Faktor*;

- узкоспециализированная (3 германизма – 28 % от общего количества 11): русск. *авторизирование* – нем. *Autorisieren*.

Итак, сравнивая количественное представление германизмов в 5 и 6 периодах, делаем вывод о том, что в 6 период, Постсоветский, вошло больше германизмов, что составило 14% от общего количества всех германизмов (76) в сравнении с 5 периодом, Советским. Однако, по результатам 6-ти периодов (2 период: ОУЛ – 5, ОНЛ – 1, УЗСЛ – 4, всего – 10; 3 период: ОУЛ – 4, ОНЛ – 2, МЖОЛ – 12, УЗСЛ – 3, всего – 21; 4 период: ОУЛ – 8, ОНЛ – 8, МЖОЛ – 2, УЗСЛ – 4, всего – 27; 5 период: ОУЛ – 3, ОНЛ – 2, всего – 5; 6 период: ОУЛ – 4, ОНЛ – 4, УЗСЛ – 3, всего – 11. Общие данные по 6-ти периодам: ОУЛ – 24 (34 %), ОНЛ – 17 (22 %), МЖОЛ – 19 (25 %), УЗСЛ – 14 (19 %)) в современной терминологии экономики русского языка функционируют большинство германизмов, вошедших в 3 период, Петровская эпоха и XVIII век и 4 период, XIX – начало XX века, что составило 66 % (30 % (21 термин) и 36 % (27 терминов) соответственно) от общего количества всех германизмов, то есть именно в те периоды были заложены и закреплены, а также позднее переосмыслены современные экономические термины-германизмы. Фразеологические кальки в современном экономическом дискурсе вошли в русский язык в последний, Постсоветский период, что отражает интенсивное лексическое обновление в постсоветское время, обусловленное интенсификацией процесса глобализации, развитием информационных технологий и рыночных отношений.

Разнообразен и перечень тематических групп экономики, в которых широко употребляются заимствования из немецкого языка, вошедшие в рус-

ский язык в Советский и Постсоветский периоды: 1. Финансы и банковское дело (5 период ОНЛ – 2 термина, 6 период УЗСЛ – 1 термин), 2. Торговля и морское дело (6 период ОУЛ – 1), 3. Социальные процессы и движение (5 период ОУЛ – 1), 4. Экономика и макроэкономика (5 период ОУЛ – 1), 5. Делопроизводство, администрация и связь (6 период МЖОЛ – 4), 6. Разговорная и сленговая экономическая лексика (5 период ОУЛ – 1), 7. Общественные/управленческие термины (6 период УЗСЛ – 2), 8. Экспресс-инструменты и методики (6 период ОУЛ – 3).

Функциональной особенностью германизмов в терминологии экономики в русском языке является их высокая адаптационная способность в языке-реципиенте, которая выражается в «обрастании» дополнительными значениями и употреблении в нескольких ТГ экономики. Наибольшее количество германизмов, вошедших в русский язык в Советский и Постсоветский периоды заполнили ТГ «Делопроизводство, администрация и связь».

Степень выполнения коммуникативной функции заимствований из определенного языка-донора и их стратегической роли для языка-реципиента выражается в количественном представлении интернационализмов среди заимствованных терминов. Из 76 германизмов в терминологии экономики в русском языке 30 являются интернационализмами, что составило 42 % от общего количества, на долю 5 и 6 периодов пришлось 7 терминов. Рассмотрим характер заимствований, тематические группы германизмов-интернационализмов, исторические периоды вхождения в язык-реципиент, их отнесённость к областям применения. Германизмы-интернационализмы в терминологии экономики представлены в виде прямых заимствований и кальки с сохранением концептуальных значений. Их тематическая направленность не отличается особым разнообразием: управление и бизнес-дискурс (*рентабельность, точка зрения, круглый стол, шаг вперед, человеческий фактор, грюндерство, шиканёр, бланко-чек* и др.).

Рассмотрим количественное представление германизмов-интернационализмов в 5 и 6 периодах, а также их количественное представление в различных областях применения: отсутствие германизмов-интернационализмов, вошедших в язык-реципиент в 5 периоде, Советский период, объясняется политикой «обособленности» Советского

Союза от западного влияния; в 6 периоде выделено 7 германизмов-интернационализмов (ОУЛ – 1, УЗСЛ – 3, МЖОЛ – 3).

Выводы

Историческими вехами 5 периода, **Советского периода с 1917 до 1991** и 6 периода, **Постсоветского периода** стали:

- Октябрьская революция 1917 года, гражданская война (1917-1922), советская индустриализация (1923-1940), Великая Отечественная война (1941-1945), восстановление народного хозяйства (1945-1953), Хрущёвская «оттепель» (1953-1964), эпоха застоя (1964-1985, экономический спад), перестройка и гласность (1985-1991, экономический кризис) в 5 периоде;

- и процесс глобализации, стремительного и постоянного усовершенствования информационных технологий, нового витка политического вектора в 6 периоде.

Тематическая направленность германизмов 5 и 6 исторических периодов следующая:

- военная тематика, бытовые и технические термины, медицинская и научная тематики, административные и экономические термины, кулинарные термины, электроника, политическая и идеологическая лексика, административно-окупационные термины, образование в 5 периоде;

- экономическая и политическая лексика, лексика туристического бизнеса, массовая культура, кулинария, строительная терминология, инфраструктура в 6 периоде.

Наполнение и обогащение русского словарного состава германизмами происходило, в основном, напрямую, без языков-посредников.

В современной терминологии экономики в русском языке обнаружено 76 германизмов, из них 16 термина вошли в русский язык в Советский и Постсоветский периоды. Распределение терминов с немецкой этимологией в 5 и 6 периодах выглядит следующим образом: 5 период: ОУЛ – 3, ОНЛ – 2, всего – 5; 6 период: ОУЛ – 4, ОНЛ – 4, УЗСЛ – 3, всего – 11, которые вошли в 8 ТГ. 10 % (7) германизмов от общего количества всех германизмов (76), вошедших в русский язык в 6 период, в современной терминологии экономики являются интернационализмами, которые наиболее активно представлены в узкоспециализированной и межотраслевой лексиках и входят в ТГ «Управление и бизнес-дискурс» (6 период).

Список источников

1. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI вв. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; редкол.: Л.П. Крысин (отв. ред.) и др. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 27 – 34.
2. Экономический словарь терминов [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/economics_terms (дата обращения: 10.05.2025)
3. Словарь экономических терминов [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/ (дата обращения: 10.05.2025)
4. Брагина Э.Р., Мохосоева М.Н. Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский языки). Для студентов 1-4 курсов и магистрантов всех экономических специальностей / Под ред. Э.Р. Брагиной Донецк: ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2024. 252 с.
5. Брагина Э.Р., Ещенко Л.В., Писаревская М.М. Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский языки). Для студентов 1-4 курсов и магистрантов всех экономических специальностей / Под ред. Э.Р. Брагиной Донецк: ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2024. 287 с.
6. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/tikhonov> (дата обращения: 10.05.2025)
7. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/tikhonov> (дата обращения: 10.05.2025)
8. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И.И. Срезневского. Санкт-Петербург: Издательство Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890-1912. Т. 1. 771 с.
9. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И.И. Срезневского. Санкт-Петербург: Издательство Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890-1912. Т. 2. 919 с.
10. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: труд И.И. Срезневского. Санкт-Петербург: Издательство Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890-1912. Т. 3. 996 с.
11. Михельсон А.Д. Объяснение двадцати пяти тысяч иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней / Сост. по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и др. Москва, 1865. 718 с.
12. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Москва: Флинта, Наука, 2010. Т. 2: Н-Я. 576 с.
13. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Москва: Флинта, Наука, 2010. Т. 1: А-Н. 584 с.

References

1. Krysin L.P. Lexical Borrowing and Tracing. Modern Russian Language. Active Processes at the Turn of the 20th-21st Centuries. RAS, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language; editorial board: L.P. Krysin (editor-in-chief) et al. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. P. 27 – 34.
2. Dictionary of Economic Terms [Electronic resource]. URL: https://gufo.me/dict/economics_terms (date of access: 10.05.2025)
3. Dictionary of Economic Terms [Electronic resource]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/ (date of access: 10.05.2025)
4. Bragina E.R., Mokhosoeva M.N. Thematic Explanatory Dictionary for Business Communication (Russian, English, Spanish). For 1st-4th-year students and master's students of all economic specialties. Ed. by E.R. Bragina Donetsk: DonSU, 2024. 252 p.
5. Bragina E.R., Yeshchenko L.V., Pisarevskaya M.M. Thematic Explanatory Dictionary for Business Communication (Russian, English, Spanish). For 1st-4th-year students and master's students of all economic specialties. Ed. by E.R. Bragina Donetsk: DonSU, 2024. 287 p.
6. Tikhonov A.N. Morphemic-Orthographic Dictionary [Electronic resource]. Access mode: <https://gufo.me/dict/tikhonov> (date of access: 10.05.2025)
7. Krylov G.A. Etymological Dictionary of the Russian Language [Electronic resource]. Access mode: <https://gufo.me/dict/tikhonov> (date of access: 10.05.2025)

8. Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written monuments: the work of I.I. Sreznevsky. St. Petersburg: Publishing House of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1890-1912. Vol. 1. 771 p.

9. Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written monuments: the work of I.I. Sreznevsky. St. Petersburg: Publishing House of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1890-1912. Vol. 2. 919 p.

10. Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments: A Work by I.I. Sreznevsky. St. Petersburg: Publishing House of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1890-1912. Vol. 3. 996 p.

11. Mikhelson A.D. Explanation of Twenty-Five Thousand Foreign Words That Came into Use in the Russian Language, with an Explanation of Their Roots. Comp. Based on the dictionaries of: Heise, Becherel, Brockhaus, Alexander, Reif, and others. Moscow, 1865. 718 p.

12. Shaposhnikov A.K. Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 volumes. Moscow: Flinta, Nauka, 2010. Vol. 2: N-Ya. 576 p.

13. Shaposhnikov A.K. Etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes. Moscow: Flinta, Nauka, 2010. T. 1: A-N. 584 pp.

Информация об авторе

Брагина Э.Р., кандидат филологических наук, доцент, SPIN код 3135-4159, Отдел междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров, Институт экономических исследований, Донецкая Народная Республика, elmirabragina1973@mail.ru

© Брагина Э.Р., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.013

Сравнительный анализ восприятия мультимедийного контента разными поколениями

¹ *Луганцев А.К.,*

¹ *Московский финансово-промышленный университет Синергия*

Аннотация: основная цель статьи – провести сравнительный анализ восприятия мультимедийного контента представителями различных социальных групп, выделенных на базе теории поколений, на примере разножанровых творческих концепций, разработанных в нише вентиляции и кондиционирования. Сбор информации проведен с применением методики опроса респондентов. Методом измерения стало шкалирование. Выборка: 80 респондентов, по 20 из числа представителей поколений А, Z, Y, X, в равных пропорциях женщин и мужчин. Научная новизна заключается в прикладном характере исследований в нише вентиляции и кондиционирования для решения задачи по выстраиванию узнаваемости и доверия между потенциальными и реальными потребителями продуктов и продвигаемого предприятия. Результатом проведенного эмпирического исследования стал коммуникационный алгоритм при выборе сложного продукта и роли мультимедийного контента в формировании мотивации к его изучению представителями различных поколенных групп. Для реального внедрения предложенного подхода, творческие концепции, выносимые на тестирование, следует разрабатывать с учетом позиционирования и платформы бренда конкретного предприятия.

Ключевые слова: восприятие, социальные группы, поколения, теория поколений, контент, мультимедийный контент, медиапотребление

Для цитирования: Луганцев А.К. Сравнительный анализ восприятия мультимедийного контента разными поколениями // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 45 – 51.

Поступила в редакцию: 9 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Comparative analysis of perception of multimedia content by different generations

¹ *Lugantsev A.K.,*

¹ *Moscow Financial and Industrial University Synergy*

Abstract: the main objective of the article is to conduct a comparative analysis of the perception of multimedia content by representatives of various social groups identified on the basis of the theory of generations, using the example of multi-genre creative concepts developed in the niche of ventilation and air conditioning. Information was collected using the survey methodology. Scaling was used as the measurement method. Sample: 80 respondents, 20 each from generations A, Z, Y, X, in equal proportions women and men. Scientific novelty lies in the applied nature of research in the niche of ventilation and air conditioning to solve the problem of building recognition and trust between potential and actual consumers of products and the promoted enterprise. The result of the empirical study was a communication algorithm for choosing a complex product and the role of multimedia content in shaping the motivation to study it by representatives of various generational groups. For the actual implementation of the proposed approach, creative concepts submitted for testing should be developed taking into account the positioning and brand platform of a particular enterprise.

Keywords: perception, social groups, content, generations, multimedia content, media consumption

For citation: Lugantsev A.K. Comparative analysis of perception of multimedia content by different generations. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 45 – 51.

The article was submitted: July 9, 2025; Approved after reviewing: September 6, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Сегодня компании, работающие в различных секторах экономики, стремятся охватить коммуникационным воздействием не только непосредственных потребителей, которые, как правило, относятся к поколению X (рождены 1965-1980 годы), но и более молодые поколения Y (1981-1996 годы), Z (1997-2010 годы), A (2011-2024 годы) [7].

Основной целевой мишенью становятся дети (поколение A) и подростки (поколение Z). Их родители – представители поколений X и Y, влияют на мнения младших членов семьи, формируют ценностные ориентиры. Контент о сложных процессах адаптируют под восприятие молодежи и преподносят в форме сказок, увлекательных рассказов, повестей, мультфильмов, в которые вплетена поясняющая информация о производственных процессах, технологических цепочках и др. Для коммерческих компаний работа с молодым поколением является актуальной и востребованной, т.к. это потенциальная целевая аудитория потребителей товаров и услуг, «прогрев» и формирование лояльности которой начинается ещё на стадии становления их системы ценностей и убеждений, что является перспективным для рабо-

ты на потребительском сегменте в условиях жесткой конкуренции. При создании контента используются цифровые инструменты и искусственный интеллект.

Материалы и методы исследований

Сбор информации: опрос респондентов. Изменение: шкалирование от 0 (наименьший балл) до 5 (наибольший балл) по степени позитивного восприятия творческой концепции. Исследовались пять творческих концепций контента о технических аспектах вентиляции и кондиционирования, оформленных как MVP – (от англ. minimum viable product, «минимально жизнеспособный продукт») – текстовый контент и аниматики на базе 2D скетчей. Респонденты: по 20 человек – представителей поколений A, Z, X, Y. Всего 80 респондентов. В равных пропорциях мужчин и женщин.

Результаты и обсуждения

Перед разработкой творческих концепций в нише вентиляции и кондиционирования было проведено поисковое исследование. В табл. 1 представлены примеры молодежного мультимедийного контента, разработанного и внедренного предприятиями в различных отраслях экономики.

Таблица 1

Примеры мультимедийного контента для поколений A и Z в различных отраслях экономики.

Table 1

Examples of multimedia content for Generations A and Z in various economic sectors.

Отрасль	Предприятие/ тип образовательного контента	Вводимые понятия
Железнодорожный транспорт	Книга «Дорожные откровения в 3D-измерении» от АО «РЖД». В книге собраны веселые, познавательные истории из жизни железнодорожников. Основано на реальных фактах. В дополнение к книге разработана серия настольных и онлайн-игр.	Как устроены железные дороги. Железнодорожные профессии. Логистика на железных дорогах. Образовательные учреждения железнодорожного транспорта. Безопасность на железных дорогах и т.д.
Энергетика	Книга «Секреты природного газа» от ПАО «Газпром». История про мальчика и инопланетного пришельца Газзи, у которого был прибор, способный перемещать во времени. Газзи показал мальчику, как появился природный газ и как работает современная газодобывающая промышленность. По мотивам книги разработана онлайн-игра.	Образование полезных ископаемых. Роль температуры, давления и времени в образовании природного газа. Молекула метана. Добыча газа от X века до сегодняшних дней. Буровая установка. Газовая котельная / скважина. Газопровод / счетчик газа. Аварийная газовая служба. Сжиженный природный газ (СПГ).Одорант. Танкер. Морская буровая платформа. Парниковый эффект и др.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Банковская сфера	СберКот и его подружка СберКуса. СберКот – цифровой блогер, диджитал-амбассадор банка. Рассказывает о финансовой грамотности в своём блоге, ведёт стримы и снимается в рекламе. СберТян. Созданный нейросетью Kandinsky аниме-маскот. Присутствует на серии пластиковых платёжных карт, на заставках и стикерах. Сберик и Сберочка. Корпоративные герои Сбербанка, образовательную функцию не несут, используются как сувениры.	Кредит. Кредитная карта. Криптовалюта. Денежный перевод. Кредитование бизнеса. Вклады и др
Вода и безалкогольные напитки	2D мультфильмы «Люкс Вода спешит на помощь» от бренда «Люкс вода». В сериях сердце, желудок, мозг и т.д. раскрыта роль воды в работе внутренних органов человека.	Дана информация об анатомии и физиологии для каждого рассматриваемого внутреннего органа человека, о суточном потреблении воды, о расчете объема воды на массу тела человека и т.д.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что компании различных секторов экономики применяют при создании контента цифровые технологии и разрабатывают персонажи, привычные для восприятия молодежной аудитории, а не только прямых потребителей. При выборе концепции и персонажа тестируется восприятие представителей целевой аудитории.

Дискуссия. Важность вовлеченности подростков (поколения Z) в коммуникацию изучал Куликов Л.В. [3], его работа посвящена «сетевой коммуникации». К изучению восприятия контента в социальных сетях разными поколениями обращаются Марунькевич М.И. [4], Митрофанова К.К. [5]. Их работы ориентированы на изучение влияния контента социальных медиа, в котором встречаются такие единицы, как мем (идея, символ или образ, основан на вирусящих реальных событиях), маскот (фирменный персонаж), цифровой блогер (цифровой персонаж со своим образом и характером), стикер (графическое изображение для отправки в сообщениях). Передающийся цифровыми единицами контент носит преимущественно развлекательный характер. Информацию об особенностях бизнес-схем в нише при взаимодействии с продуктом может передавать маскот или цифровой блогер. Часто эти персонажи обладают веселым характером и преподносят сложную информацию с юмором, что ещё раз говорит о том, что требуется адаптировать сложные понятия под особенности восприятия молодого поколения, чтобы

получить позитивный отклик. О роли развлекательного контента в предпочтениях молодежи говорится и в работе Панасенко С.В. [6], в частности он пишет о «преобладающем клиповом мышлении и доминировании в предпочтениях развлекательно-игрового контента». К таким же выводам приходит Юркив М.Е. [10] в ходе анализа предпочтений современного медиа-контента у студенческой молодежи. Е.А. Салихова [8], описывая особенности восприятия «цифровой молодежи», указывает, что медиаорганизации теперь приходится «искать нетипичные способы воздействия на внимание и эмоции читателей». Исследователи Бараш, Р.Э и И.О. Тюрина [1] указывают, что молодежь, ориентированная на контент в интернете, часто обращается к игровой тематике, т.к. серьезные политические и экономические темы вызывают у неё эмоции тревоги, незащитности и неопределенности. Таким образом, для выстраивания коммуникационного взаимодействия с молодым поколением в цифровой среде следует изучить особенности восприятия сообщений и использовать цифровой инструментарий для создания концепций и образов.

Научная новизна. В статье предпринимается попытка на базе теории поколений, определить творческую концепцию для мультимедийного контента в нише вентиляции и кондиционирования, который будет позитивно воспринят как молодыми поколениями (А и Z – детьми потребителей услуг), так и более старшими (X и Y – потребителями услуг).

Таблица 2

Творческие концепции MVP контента.

Table 2

Creative concepts for MVP content.

Название	Тип контента
1. Продувино. По мотивам «Ромео и Джульетта» У. Шекспира. (автор Г. Логинов)	В жанре мелодрамы. В городе Продувино живут два враждующих клана, которые спорят про вентиляцию и кондиционирование в их дворцах. Спор разворачивается на фоне романтических отношений их детей.
2. Кот-экспериментатор (автор О. Короткова)	В жанре комедии. В истории использован образ-символ «кот» [9]. Когда хозяев нет дома, любознательный проказник изучает приборы, а к их возвращению мирно спит.
3. Как белка, сова и муравьи прохладу искали (автор Я. Мещеряков)	В жанре сказки. Звери ищут, как поселить прохладный ветерок в лесной пещере.
4. Городок в пустыне (автор Л. Болтенко)	В жанре приключений. Ребята пытаются создать комфортный микроклимат в доме и попадают в разные истории. На помощь приходят мастера.
5. История о Венти, Ула и Климе (авторы А. Велиев, Т. Макарова)	В жанре городское фэнтези. Три брата спасают город от злых сил: духоты и жары.

Пять творческих концепций мультимедийного контента представлены в разных жанрах: мелодрама, комедия, сказка, приключение, городское фэнтези (табл. 2). Жанры подобраны на основе медиапредпочтений представителей разных поколений. Разработку концепций предварял анкетный

опрос, в котором респонденты называли свои любимые фильмы, мультфильмы, онлайн-игры. Пять наиболее часто упоминаемых жанров по классификации С.И. Фрейлиха [2, с. 1-8] были положены в основу творческого брифа на разработку концепций. Результаты представлены на рис. 1.



Рис. 1. Восприятие творческих концепций представителями разных поколений (%).

Fig. 1. Perception of creative concepts by representatives of different generations (%).

Представителей поколения А (2011-2024 годы рождения) больше всего впечатлил кот-экспериментатор. Часть респондентов, у которых дома есть питомец, говорили: «Интересно, а чем занимается наш кот, когда никого нет дома?» История о Венти, Ула и Климе также положительно была воспринята А. «Это волшебная сказка» – говорили дети: «Герои как фиксика пытаются разобраться в технике». При этом, интрига хозяйничающего в одиночку любознательного кота привлекала больше.

Респонденты поколения Z (1997-2010 годы), позитивно восприняли историю по мотивам «Ромео и Джульетта», которую А оценили слабо. Романтические отношения привлекали девушек-подростков Z, а приборы и техническая составляющая сюжета юношей Z. Приключения с целью поиска решений проблем микроклимата оказалась для Z также привлекательна («Городок в пустыне»). Многие респонденты выражали мнение, что «История похожа на квест и они с удоволь-

ствием поучаствовали бы в таком, это познавательно и увлекательно».

Поколение Y (1981-1996 годы) привлёк «Кот-экспериментатор». Отмечали притягательный, яркий образ. «Встречается во многих сказках. Кот ученый. Такой и есть» – выражали мнение респонденты. Творческая концепция по мотивам «Ромео и Джульетта», а также «История о Венти, Ула и Климе» набрали равное количество баллов. Респонденты практически единогласно рекомендовали: «Главных героев с головами-приборами делать не нужно ни в коем случае. Следует разделить образ человека и прибора».

Поколение X (рождены 1965-1980 годы) наивысшие баллы отдавало «Ромео и Джульетте», на втором месте выбора этого поколения «Городок

в пустыне» и «История о Венти, Ула и Климе». Последние два сюжета были выбраны в силу понятного изложения в легкой ненавязчивой форме сложных технических процессов. Представители поколений X и Y являются основными потребителями товаров и услуг в нише вентиляции и кондиционирования. Их задача – разобраться и принять решение о покупке. Поколение Z (15-28 лет) ищут себя, своё место в жизни. Среди А (1-14 лет) больше всего «почемучек», они задают вопросы родителям Y (29-44 года), бабушкам и дедушкам X (45-60 лет), к которым нужно компетентно и доходчиво формулировать ответы. Коммуникационный алгоритм взаимодействия между поколениями приставлен на рис. 1.

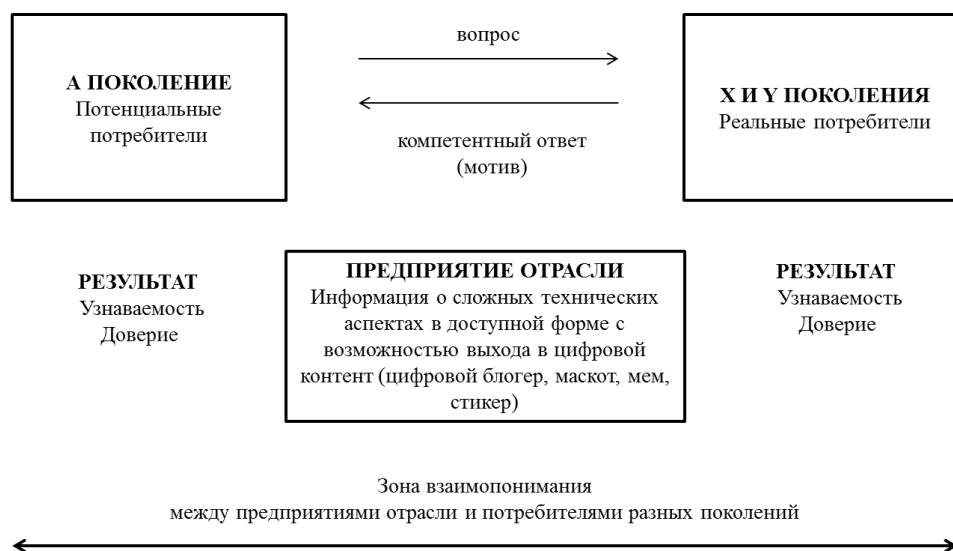


Рис. 1. Коммуникационный алгоритм взаимодействия между поколениями при выборе сложного продукта.

Fig. 1. Communication algorithm for interaction between generations when choosing a complex product.

Мотив поколения А получить информацию, мотив поколения X и Y – дать компетентный ответ. Поиск компетентных ответов на сложные вопросы может отнимать у представителей старших поколений много времени. Информация, донесенная через интересные сюжеты, позволит минимизировать данную проблему. Для предприятий от-

расли изучение особенностей восприятия образовательного мультимедийного контента различными социальными группами – это возможность наладить взаимопонимание между потенциальными и реальными потребителями продукта, а также сформировать узнаваемость и доверие к бренду.



Рис. 2. Сводный рейтинг по оценке восприятия творческих концепций представителями разных поколений (%).

Fig. 2. Summary rating for assessing the perception of creative concepts by representatives of different generations (%).

Сводный рейтинг рис. 2 показывает, что образ-символ «кот» набирает наибольшее количество положительных оценок и может быть использован в разработке мультимедийного контента о технических аспектах в нише вентиляции и кондиционировании. В зависимости от выбранной коммуникационной стратегии, кот может стать цифровым блогером, фирменным персонажем (маскот), стикером и использоваться в вебинарах, контенте социальных сетей, на фирменных носителях и т.д.

Выводы

В статье была предпринята попытка на базе теории поколений, определить творческую концепцию для мультимедийного контента в нише вентиляции и кондиционирования. Проведенный авторами сравнительный анализ восприятия мультимедийного контента представителями различных социальных групп, выделенных на основе теории поколений, показал, что предлагаемые творческие концепции по-разному ими воспринимаются. Если целью предприятия является формирование лояльной аудитории из числа потенциальных и реальных потребителей продукта, то целесообразно при выборе творческой концепции проводить эмпирические исследования. На их базе формировать образы для цифрового и иного вида мультимедийного контента, с учетом позиционирования и разработанной платформы бренда предприятия. В качестве примера применения указанного подхода было проведено изучение восприятия пяти возможных творческих концепций.

Список источников

1. Бараш Р.Э., Тюрина И.О. Студенческая молодежь: психоэмоциональный и социальный автопортрет (по результатам фокус-групп) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 430 – 444. DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444
2. Ермолаев А.И. Система киножанров: генезис, взаимодействие, подходы к классификации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 1 – 8. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13755> (дата обращения: 08.05.2025)
3. Куликов Л.В., Леоненко Н.О., Пульцина К.И. Вовлеченность подростков в сетевую коммуникацию: эмпирическое исследование // Человеческий капитал как фактор социальной безопасности: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 16 декабря 2021 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. С. 127 – 132.
4. Марунькевич М.И. Восприятие вирусной рекламы разными поколениями пользователей социальных медиа // Реклама, PR и дизайн в бренд-коммуникациях: Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, Москва, 25-26 апреля 2024 года. Москва: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2024. С. 407 – 417.
5. Митрофанова К.К., Пахалов А.М. Восприятие рекламного контента в социальных сетях с учетом межпоколенческих различий // Управление бизнесом в цифровой экономике: Сборник тезисов выступлений Четвертой международной конференции, Санкт-Петербург, 18-19 марта 2021 года / Под общей ред. И.А. Аренкова, М.К. Ценжарик. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 137 – 142.

6. Панасенко С.В. Исследование поведения представителей цифрового поколения потребителей // ПЛЕХАНОВСКИЙ НАУЧНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ. 2022. № 2 (22). С. 54 – 58.
7. Руткевич Е.Д. Молодые поколения и (не)религия // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 1. С. 81 – 97. DOI 10.35231/18186653_2023_1_81
8. Салихова Е.А. Игровые форматы контента в российских медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2024. Т. 49. № 1. С. 3 – 28. DOI 10.30547/vestnik.journ.1.2024.328
9. Союшкина М.А., Макарова Т.Л. Анализ рекламного образа – символа «кот» (2007-2023 гг.) // Экономика сегодня: глобальные вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 15 ноября 2023 года. Москва: Московский политехнический университет, 2024. С. 309 – 313.
10. Юркив М.Е. Анализ предпочтений современного медиа-контента у студенческой молодёжи // Психология XXI века в исследованиях молодых ученых: междисциплинарные проблемы и комплексные стратегии их решения: Материалы VI Молодежного Сибирского психологического форума, Томск, 26 октября 2024 года. Томск: Вайар, 2024. С. 122 – 124.

References

1. Barash R.E., Tyurina I.O. Student youth: psycho-emotional and social self-portrait (based on the results of focus groups). Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2024. Vol. 24. No. 2. P. 430 – 444. DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444
2. Ermolaev A.I. The system of film genres: genesis, interaction, approaches to classification. Modern problems of science and education. 2014. No. 3. P. 1 – 8. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13755> (date of access: 08.05.2025)
3. Kulikov L.V., Leonenko N.O., Pultsina K.I. Involvement of adolescents in online communication: An empirical study. Human capital as a factor of social security: Collection of materials from the international scientific and practical conference, Yekaterinburg, December 16, 2021. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2022. P. 127 – 132.
4. Marunkevich M.I. Perception of viral advertising by different generations of social media users. Advertising, PR and design in brand communications: Collection of scientific papers of the III International scientific and practical conference, Moscow, April 25-26, 2024. Moscow: Russian University of Economics. G.V. Plekhanov, 2024. P. 407 – 417.
5. Mitrofanova K.K., Pakhalov A.M. Perception of Advertising Content in Social Networks Taking into Account Intergenerational Differences. Business Management in the Digital Economy: Collection of Abstracts of the Fourth International Conference, St. Petersburg, March 18-19, 2021. Ed. by I.A. Arenkov, M.K. Tsenzharik. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2021. P. 137 – 142.
6. Panasenکو S.V. Study of the Behavior of Representatives of the Digital Generation of Consumers. Plekhanov Scientific Bulletin. 2022. No. 2 (22). P. 54 – 58.
7. Rutkevich E.D. Young Generations and (Non)Religion. Bulletin of the A.S. Pushkin Leningrad State University. 2023. No. 1. P. 81 – 97. DOI 10.35231/18186653_2023_1_81
8. Salikhova E.A. Game Formats of Content in Russian Media. Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2024. Vol. 49. No. 1. P. 3 – 28. DOI 10.30547/vestnik.journ.1.2024.328
9. Sonyushkina M.A., Makarova T.L. Analysis of the Advertising Image – the “Cat” Symbol (2007-2023). Economy Today: Global Challenges: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 15, 2023. Moscow: Moscow Polytechnic University, 2024. P. 309 – 313.
10. Yurkiv M.E. Analysis of preferences for modern media content among student youth. Psychology of the 21st century in the research of young scientists: interdisciplinary problems and comprehensive strategies for their solution: Proceedings of the VI Youth Siberian Psychological Forum, Tomsk, October 26, 2024. Tomsk: Vaia, 2024. P. 122 – 124.

Информация об авторе

Луганцев А.К., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия

© Луганцев А.К., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'367.625.41

Особенности синтаксиса переводов Нового Завета в аспекте изучения народной латыни

¹ Балута А.А., ¹ Балута А.Г.,
¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: статья посвящена изучению особенностей языка переводов Синоптических Евангелий на латинский язык в аспекте сопоставительного анализа с особенностями синтаксиса народной латыни. Основные методы исследования: сравнительно-сопоставительный и семантико-грамматического анализ. В ходе исследования удастся установить, что значительная доля переводного латинского Новозаветного текста, особенно его повествовательная часть, представляет собой хорошо обработанный литературный перевод и не вполне отражает особенности построения конструкций в разговорной речи. Библейская Новозаветная латынь еще достаточно насыщена полупредикативными конструкциями, которые в классическом языке служили аналогами придаточных конструкций. При переводе Синоптических Евангелий часто используются причастные и инфинитивные обороты, а также герундивные конструкции. Вместо изъяснительных придаточных, в том числе и со значением косвенного вопроса, могли встречаться полупредикативные инфинитивные конструкции *Accusativus cum infinitivo*. Постепенно, в русле общей тенденции к аналитизму романских языков, инфинитивные обороты заменяются придаточными предложениями. Этот процесс ещё не достаточно хорошо отражён в языке текстов Вульгаты. Переводная Библейская латынь часто испытывает влияние греческого оригинального текста, что отражается в калькировании некоторых оборотов и придаточных конструкций. Иногда даже греческие придаточные предложения с реальными наклонениями глагола-сказуемого переводятся на латынь конъюнктивными формами, что объясняется аналогизирующим влиянием частотных синтаксических моделей литературного языка. В отрывках, передающих проповеди Христа, напротив, хорошо отражены особенности народной разговорной речи, аналогичные особенностям народной латыни, что позволяет отчасти подтвердить теорию существования текста Протоэвангелия.

Ключевые слова: народная латынь, библейская латынь, синтаксис, Протоэвангелие

Для цитирования: Балута А.А., Балута А.Г. Особенности синтаксиса переводов Нового Завета в аспекте изучения народной латыни // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 52 – 57.

Поступила в редакцию: 10 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Features of the syntax of the New Testament translations in the aspect of studying folk Latin

¹ Baluta A.A., ¹ Baluta A.G.,
¹ Federal State University of Education

Abstract: the article is devoted to the study of the features of the language of the translations of the Synoptic Gospels into Latin in the aspect of comparative analysis with the features of the syntax of popular Latin. The main research methods are comparative and semantic-grammatical analysis. The study reveals that a significant portion of the translated Latin New Testament text, particularly its narrative sections, is a well-crafted literary translation that does not fully reflect the constructional features of spoken language. The Biblical New Testament Latin is still heavily influenced by semi-predicative constructions, which served as analogues of subordinate clauses in classical languages. When translating the Synoptic Gospels, participial and infinitive phrases, as well as gerundive constructions, are often used. Instead of explanatory clauses, including those with

the meaning of indirect questions, semi-predicative infinitive constructions *Accusativus cum infinitivo* could be found. Gradually, in line with the general trend towards analyticity in Romance languages, infinitive phrases are being replaced by subordinate clauses. This process is not yet fully reflected in the language of the Vulgate texts. The translation of the Bible into Latin is often influenced by the Greek original text, which is reflected in the translation of certain phrases and subordinate constructions. Sometimes, even Greek subordinate clauses with real moods of the verb-сказуемое are translated into Latin with conjunctive forms, which is due to the analogizing influence of the frequency of syntactic models in the literary language. In contrast, the passages that convey Christ's sermons reflect the characteristics of vernacular speech, similar to those found in vernacular Latin, which partially supports the theory of the existence of the Protoevangelium text.

Keywords: Vulgar Latin, Biblical Latin, syntax, Protoevangelium

For citation: Baluta A.A., Baluta A.G. Features of the syntax of the New Testament translations in the aspect of studying folk Latin. *Philological Bulletin*. 2025. 4 (5). P. 52 – 57.

The article was submitted: July 10, 2025; Approved after reviewing: September 7, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Выбор темы статьи определен необходимостью детального изучения особенностей языка переводов Синоптических Евангелий на латинский язык в аспекте сопоставительного анализа с особенностями синтаксиса народной латыни. Все исследования в этой области в отечественной и зарубежной лингвистики фрагментарны и, как правило, посвящены отдельным вопросам лексики или грамматики каждого языка, однако изолированное изучение этих пластов не дает полной картины исторических изменений народной латыни, необходимо исследовать не только оригинальные, но и переводные тексты. Особенно это касается текста Библии, который имеет огромное значение как для истории, так и для современности. **Целью** настоящего исследования является сопоставление особенностей синтаксиса сложного предложения народной латыни в сопоставлении с переводной латынью Новозаветных текстов.

В синтаксисе сложноподчиненного предложения народной латыни, как и в большинстве ранних народных форм гипотаксиса индоевропейских языков, преобладали бессоюзные и сложносочиненные конструкции. При этом следует помнить, что эволюция структуры сложного предложения происходит в такой закономерной последовательности [9, с. 97]. Вначале возникают бессоюзные сложные предложения, грамматическая связь между которыми осуществляется посредством видовременных форм глагола и системы согласования времен. Далее, от бессоюзных сложных конструкций, которые, по сути своей, представляют собой ряд простых предложений, объединенных смысловыми и модальными отношениями в единое целое, осуществляется постепенный переход к сложносочиненным структурам, где древние полифункциональные сочинительные союзы совмещают в себе функции сочинения и подчинения, а уже потом, на

базе ряда сочинительных союзов, предложно-местоименных образований и модальных частиц, формируется класс подчинительных союзов, сперва полифункциональных, как и ранние сочинительные союзы, а затем строго специализированных, предназначенных для введения придаточных конструкций определенного типа. И чем длиннее путь исторического развития языка, тем более дифференцированной становится эта система подчинительных союзов.

Однако также следует помнить, что представленная нами закономерность исторического развития языка свойственна, в большей степени, его письменной, литературной форме. Что же касается особенностей формирования синтаксиса народно-разговорного языка, то здесь часто общие закономерности развития гипотаксиса нарушаются по причине краткости и диалогичности речи [5, с. 195]. Поэтому главной задачей данного исследования является сопоставительный анализ развития отдельных аспектов синтаксиса народной латыни и синтаксиса переводной Библейской латыни, в основном, более поздних Новозаветных текстов с целью выявления сходств и различий развития гипотаксиса в этих двух направлениях эволюции латинского языка.

Материалы и методы исследований

В работе использованы следующие методы лингвистического исследования. Метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод семантико-грамматического анализа, метод сравнительно-исторического анализа текста, который является базовым для изучения определенного грамматического явления в синхронии и диахронии. Для изучения взаимоотношения языковых единиц были использованы методы дистрибутивного и трансформационного анализа, а также интроспективный метод.

Результаты и обсуждения

Говоря об особенностях исторического развития синтаксиса народной латыни всегда следует учитывать то обстоятельство, что мы исследуем разговорную живую речь, не подчиняющуюся застывшим нормам грамматики и стилистики. Особенности, в том числе и синтаксические, разговорной речи формируются на базе естественной потребности людей в общении, которая состоит из взаимообмена мыслями, желаниями и чувствами [6, с. 212]. Она имеет свою целевую аудиторию, обращена к определенному кругу слушателей, направлена на донесение информации и эмоционального фона в данную минуту, то есть, в основном проецирована в настоящее. В то время как речь письменная отличается от разговорной большей обработанностью и сложностью конструкций. Разговорная речь эфемерна, свободна по выражению и импульсивна по характеру, прерывиста и зигзагообразна по складу движения. Её сфера по преимуществу именно диалог, а содержание у нее всегда преобладает над формой [7, с. 111].

Библейская новозаветная латынь, как и любая форма письменной речи, ориентирована не на сиюминутное, а на неоднократное и осмысленное восприятие. При этом она одновременно обращена и к настоящему конкретному реципиенту, и в глубь времён [10, с. 216]. Однако, при изучении синтаксиса Новозаветного языка, как греческого текста, так и более поздних его переводов на латынь, следует помнить, что даже Канонические Четвероевангелия представляют собой более позднюю литературную обработку некоего первоисточника, который в научной литературе принято называть источником «Логий». Поэтому, для дальнейшего изучения Новозаветного синтаксиса следует кратко осветить особенности этого происхождения этого текста.

Поскольку сам текст Нового Завета дошел до нас только в рукописях, которые появились спустя несколько веков после его создания, а языком самых ранних рукописей официально признан греческий койне (несмотря на различные гипотезы о языках евангельских первоисточников), то все версии о происхождении и авторстве Новозаветных текстов, в том числе и Канонических, можно назвать гипотетичными. В отечественной и зарубежной текстологии Нового Завета существует несколько гипотез, которые иногда представлены в научной литературе как «теории», о первичном источнике текста Евангелий, или, о *Протоевангелии*. В настоящем исследовании нас, прежде всего, интересует *Теория двух источников*, родоначальниками которой считают Ф. Шлейермахера и К. Лахмана [2, с. 361]. Суть данной теории заключа-

ется в том, что Евангелие от Марка, как самое краткое из всех Канонических Четвероевангелий, признается наиболее древним текстом. Оно было написано раньше, предположительно на арамейском языке, а позже было переведено на греческий и послужило источником для Евангелий от Матфея и Луки.

Есть предположение, что в основе текстов Синоптических Евангелий (От Матфея, Марка и Луки) лежит еще один письменный источник, который и представлял собой подлинные записи изречений Христа, зафиксированные за ним непосредственно во время проповедей. И хотя текст этого источника до настоящего времени не сохранился, восстановить его содержание можно путем сопоставления текстов Синоптических евангелий. В научной литературе его обычно называют *Источником Логий*, сокращённое обозначение – буква Q (от немецкого Quelle – источник) [2, с. 361]. Выявлению отрывков этого источника, объединению этих частей в одно целое, изучению особенностей грамматики и организации синтаксических конструкций, включая статистические данные о частотности употребления идентичных типов предложений, использование не только собственно лингвистических, но и психолингвистических методов научного исследования позволит хотя бы частично установить принадлежность данного источника одному лицу, одному временному периоду.

Однако для выявления особенностей встроенного в Евангельские тексты утраченного источника прежде всего необходимо тщательно изучить строение различных типов синтаксических конструкций доступного письменного текста Синоптических Евангелий, а также ранних латинских переводов, поскольку сам греческий текст дошел до нас в довольно поздних списках, а переводы на латинский язык могут отражать текст более ранних использованных источников. Параллельно необходимо проводить сопоставительный анализ с иными источниками народной латыни, отражающими особенности устной речи. А при изучении синтаксиса Евангельских текстов, как на греческом койне, так и его переводов, следует принимать во внимание то обстоятельство, что повествовательная часть этого текста представляет собой речь письменную, местами прошедшую литературную обработку, как, например, в Евангелии от Луки.

Кроме того, необходимо помнить, что текст Евангелий, особенно тех его частей, которые предназначены для чтения в церкви и представляют собой восстановленный и переработанный источник Логий, рассчитан на устное восприятие, и

именно потому наиболее близок к народному разговорному языку по своей общей синтаксической организации. Это касается не только структуры и особенностей формирования высказывания, но и общей модальности текста. Поэтому при изучении Новозаветной Библейской латыни необходимо учитывать грамматические особенности и логику устной речи [3, с. 126].

Характерной особенностью устной речи является её большая синтетичность по отношению к речи письменной, поэтому смысловая связь между отдельными высказываниями в ней ярче выражена, чем связь грамматическая. Части сложного предложения могут соединяться без помощи подчинительных союзов. В народной латыни, как и в любом другом языке на ранней стадии формирования гипотаксиса, часто встречаются бессоюзные сложные конструкции. Однако, наравне с бессоюзием, в народной латыни также хорошо распространена сочинительная связь в сложном предложении, поскольку с позиций говорящего все его высказывания имеют одинаковое значение и выступают как равноправные компоненты синтаксических отношений. Таким образом, можно увидеть употребление сочинительных союзов вместо подчинительных. При этом следует признать, что в народной латыни также была распространена ступенчатая подчинительная структура речи, но в упрощенной форме, без того разнообразия союзов, которым богат литературный язык, без сложных синтаксических периодов, с нарушением системы согласования времен. Косвенная речь почти всегда заменяется прямой, можно отметить случаи смешения прямой и косвенной речи, как это было в ходе исторического развития других языков, например, в древнерусском: «Взяша и, мертвмящее, вынесшее положиша и пред пещерою и узрѣша, яко жив есть, и рече игумень Феодосии, яко се иматъ бытии отъ бѣсовскаго дѣиства» [8].

Непринужденность мышления отражается в народной латыни в неожиданных переходах от одного предмета к другому, в обилии модальных слов и вводных конструкций, замещающих собой субъективный конъюнктив, в плеоназмах и редупликации. Для усиления отрицательного смысла предложения начинает использоваться двойное отрицание, чуждое классической латыни. Речь оснащается грубыми просторечиями, присущими народному языку. Эти черты народной разговор-

ной речи периодически также можно увидеть в некоторых отрывках из Евангельских текстов, особенно в тех, которые опираются на источник «Логий» и даже в переводе отчасти передают синтаксические особенности самого раннего источника.

Выводы

Анализ различных типов сложных предложений Новозаветной части Вульгаты показал, что переводчик старался максимально точно передать структуру греческого источника для сохранения основной идеи, заложенной в нем [4, с. 16]. Большая часть переводного латинского Новозаветного текста, особенно его повествовательная часть, представляет собой хорошо обработанный литературный перевод и не вполне отражает особенности построения конструкций в разговорной речи. Библейская Новозаветная латынь еще достаточно насыщена полупредикативными конструкциями, которые в классическом языке служили аналогами придаточных конструкций. При переводе Синоптических Евангелий часто используются причастные и инфинитивные обороты, такие как *Accusativus/ Nomimativus cum infinitivo*, *Ablativus absolutus*, герундивные конструкции. Вместо изъяснительных придаточных, в том числе и со значением косвенного вопроса, могли встречаться полупредикативные инфинитивные конструкции *Accusativus cum infinitivo* [1, с. 94], однако постепенно, в русле общей тенденции к анализирующим романским языкам, инфинитивные обороты заменялись придаточными предложениями. Этот процесс ещё не достаточно хорошо отражён в языке текстов Вульгаты. Переводная Библейская латынь часто испытывает влияние греческого оригинального текста, что отражается в калькировании некоторых оборотов и придаточных конструкций. Но следует отметить, что периодически даже греческие придаточные с реальными наклонениями глагола сказуемого переведены на латынь конъюнктивными формами, и это можно объяснить аналогизирующим влиянием частотных синтаксических моделей литературного языка. В отрывках, передающих проповеди Христа, напротив, хорошо отражены особенности народной разговорной речи, аналогичные особенностям народной латыни, что позволяет отчасти подтвердить теорию существования текста Протоевангелия. Однако изучение этого вопроса требует отдельного, более глубокого исследования.

Список источников

1. Балута А.А., Епифанцева Н.Г., Михайлов М.К. Изменение синтаксических функций инфинитива в народной латыни // Современный ученый. 2022. № 6. С. 92 – 95.
2. Балута А.А. Эволюция средств выражения ирреальной модальности в сложноподчиненных предложениях русского языка (на материале текстов Евангелий): монография. М.: МГОУ, 2021. 398 с.

3. Балута А.А., Аваньянц М.А. Первичная аудиальная направленность Евангельских текстов // *Общественные науки*. 2016. № 2-1. С. 125 – 131
4. Балута А.А., Михайлов М.К. Обобщающие сложноподчиненные предложения как тип условных периодов в греческом тексте Канонических Евангелий и их переводах на латинский, церковнославянский и русский языки // *Вестник филологических наук*. 2024. Т. 4. № 5. С. 11 – 17.
5. Бобнев Б.А. Факторы дифференциации народной латыни как источника образования романских языков // *Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание: сборник статей и материалов / ГБОУ ВО «ЮУрГГИИ им. П.И. Чайковского»*. Челябинск: Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского, 2022. С. 194 – 197.
6. Дроздова П.Б. Народная латынь как палитра портрета итальянской души в "цветочках Святого Франциска Ассизского" // *Древняя и Новая Романия*. 2020. № 25. С. 200 – 218.
7. Дынников А.Н., Лопатина М.Г. Народная латынь. М., 1975. 314 с.
8. Лаврентьевская летопись. [Электронный ресурс]. URL: [psrl_tom01_lavrentjevskaya_letopis_1926.pdf](https://psrl.tom01.lavrentjevskaya_letopis_1926.pdf) – Яндекс Документы (дата обращения: 01.11.2024)
9. Конобулов, Г.Э. Народная латынь в истории возникновения французского языка // *Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы IX Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием: в 4-х ч. Новосибирск, 02-04 декабря 2020 года / Под редакцией Л.П. Полянской*. Том Часть 3. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2020. С. 86 – 87.
10. Томичева И.В., Прудников Н.А. К вопросу о латинском языке как одном из основных языков христианских текстов // *Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25-26 ноября 2022 года / Под общей ред. А.Д. Петренко*. Т. 2. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022. С. 214 – 221.

References

1. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Changes in the syntactic functions of the infinitive in folk Latin. *Modern scientist*. 2022. No. 6. P. 92 – 95.
2. Baluta A.A. Evolution of means of expressing unreal modality in complex sentences of the Russian language (based on the texts of the Gospels): monograph. M.: MGOU, 2021. 398 p.
3. Baluta A.A., Avanyants M.A. Primary auditory orientation of the Gospel texts. *Social sciences*. 2016. No. 2-1. P. 125 – 131
4. Baluta A.A., Mikhailov M.K. Generalizing Complex Sentences as a Type of Conditional Periods in the Greek Text of the Canonical Gospels and Their Translations into Latin, Church Slavonic, and Russian. *Bulletin of Philological Sciences*. 2024. Vol. 4. No. 5. P. 11 – 17.
5. Bobnev B.A. Factors of Differentiation of Vulgar Latin as a Source of Formation of Romance Languages. *Artistic Work in Contemporary Culture: Creativity – Performance – Humanities: Collection of Articles and Materials. State Budgetary Educational Institution of Higher Education “South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky”*. Chelyabinsk: South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, 2022. P. 194 – 197.
6. Drozdova P.B. Vulgar Latin as a Palette of the Portrait of the Italian Soul in the “Flowers of St. Francis of Assisi”. *Ancient and New Romania*. 2020. No. 25. P. 200 – 218.
7. Dynnikov A.N., Lopatina M.G. *Vulgar Latin*. Moscow, 1975. 314 p.
8. Laurentian Codex. [Electronic resource]. URL: [psrl_tom01_lavrentjevskaya_letopis_1926.pdf](https://psrl.tom01.lavrentjevskaya_letopis_1926.pdf) – Yandex Documents (date of access: 01.11.2024)
9. Konobulov, G.E. Vulgar Latin in the History of the French Language. *Youth of the 21st Century: Education, Science, Innovation: Proceedings of the IX All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation: in 4 parts. Novosibirsk, December 2-4, 2020. Edited by L.P. Polyanskaya. Volume Part 3. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2020. P. 86 – 87.*
10. Tomicheva I.V., Prudnikov N.A. On the Issue of Latin as One of the Main Languages of Christian Texts. *Convergent Technologies XXI: Variability, Combinatorics, Communication: Proceedings of the VII International Interdisciplinary Scientific Conference, Simferopol, November 25-26, 2022. Ed. by A.D. Petrenko*. Vol. 2. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 2022. P. 214 – 221.

Информация об авторах

Балута А.А., доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения

Балута А.Г., Государственный университет просвещения

© Балута А.А., Балута А.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 800.7

Лингвокультурные специфики вербального кода спортивного комментария и их роль в формировании вторичной языковой личности билингва

¹ Дун Лие,

¹ Забайкальский государственный университет

Аннотация: цель настоящего авторского исследования заключается в выявлении и анализе лингвокультурных особенностей вербального кода спортивного комментария как фактора формирования вторичной языковой личности билингва. В процессе проведения исследования, автором применялись следующие методы научного познания: лингвокультурологический анализ, сопоставительный метод, дискурс-анализ и социолингвистический подход. Основные результаты, полученные автором в процессе исследования, показывают, что спортивный комментарий представляет собой уникальный лингвокультурный феномен, характеризующийся специфической образностью, эмоциональной насыщенностью и культурно-маркированной лексикой. Полученные выводы исследования свидетельствуют о том, что восприятие и интерпретация спортивного комментария билингвами способствует формированию особых когнитивных структур вторичной языковой личности, отражающих национально-культурную специфику спортивного дискурса. Практическая значимость работы определяется возможностью применения результатов в теории и практике межкультурной коммуникации, лингводидактике и переводоведении.

Ключевые слова: спортивный комментарий, лингвокультурология, билингвизм, вторичная языковая личность, дискурс-анализ, межкультурная коммуникация, национально-культурная специфика

Для цитирования: Дун Лие Лингвокультурные специфики вербального кода спортивного комментария и их роль в формировании вторичной языковой личности билингва // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 58 – 64.

Поступила в редакцию: 11 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Linguistic and cultural specifics of the verbal code of sports commentary and their role in the formation of the secondary linguistic personality of a bilingual

¹ Dong Lie,

¹ Transbaikal State University

Abstract: the purpose of this author's research is to identify and analyze the linguistic and cultural features of the verbal code of sports commentary as a factor in the formation of the secondary linguistic personality of a bilingual. In the course of the research, the author applied the following methods of scientific cognition: linguistic and cultural analysis, comparative method, discourse analysis and sociolinguistic approach. The main results obtained by the author in the course of the research show that sports commentary is a unique linguistic and cultural phenomenon characterized by specific imagery, emotional saturation and culturally marked vocabulary. The findings of the study indicate that the perception and interpretation of sports commentary by bilinguals contributes to the formation of special cognitive structures of the secondary linguistic personality, reflecting the national and cultural specifics of the sports course. The practical significance of the work is determined by the possibility of applying the results in the theory and practice of intercultural communication, linguodidactics and translation studies.

Keywords: sports commentary, linguoculturology, bilingualism, secondary linguistic personality, discourse analysis, intercultural communication, national and cultural specifics

For citation: Dong Lie Linguistic and cultural specifics of the verbal code of sports commentary and their role in the formation of the secondary linguistic personality of a bilingual. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 58 – 64.

The article was submitted: July 11, 2025; Approved after reviewing: September 8, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Современное состояние лингвистической науки характеризуется повышенным интересом к изучению языковых явлений в контексте культуры и межкультурного взаимодействия. Безусловно, одним из наиболее динамично развивающихся направлений является исследование специфики формирования языковой личности в условиях билингвизма. Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, глобализация современного мира приводит к интенсификации межкультурных контактов, что делает изучение механизмов формирования вторичной языковой личности особенно значимым. Во-вторых, спортивный дискурс, представляя собой универсальную сферу человеческой деятельности, одновременно демонстрирует яркую национально-культурную специфику, что позволяет рассматривать его как уникальный материал для лингвокультурологических исследований.

Теоретическую базу исследования составляют современные научные исследования в области русского языка и лингвокультурологии.

Исследователь Пак Л.Е., в своей работе отмечает, что: "устные тексты, продуцируемые в рамках обоих дискурсов, характеризуются внутренней динамикой, поликодовостью (речь комментатора сопровождается видеорядом) и выстраиваются в соответствии с канонической нарративной последовательностью" [1].

Опарина Е. О., в своем исследовании отмечает, что: "Спортивное состязание – вид борьбы, поэтому многие элементы спортивного кода связаны с агонистическим кодом. Такая связь способствует развитию в спортивном дискурсе выражений, связанных с концептом героизма, характерным прежде всего для военной фразеологии" [2].

Исследователи Захра О.В., Бредихин С.Н., в своей работе отмечают, что: "Каждый из конвенционализированных компонентов метаязыка описания спортивного события имеет большей частью вербальное воплощение. Его обеспечивают установившиеся термины, квазiterмины, созданные в той или иной локальной социумной группе, профессионализмы и др. Весь арсенал средств спортивного метаязыка способствует понятности и узнаваемо-

сти спортивных репортажей, сводок, комментариев" [3].

Ма Т.Ю. в своем исследовании отмечает, что: "В процессе изучения спортивных комментариев, репортажей, интервью и спортивных аналитических статей в британских СМИ и их сравнения с аналогичными российскими публикациями было выявлено несколько отличительных особенностей, которые подтверждают наличие лингвокультурной специфики у жанров британского спортивного дискурса. Спортивный комментарий в британских СМИ более объективен и «динамичен», а в спортивной аналитической статье, как правило, подробно освещается одно спортивное событие". [4]

Исследователь Козырев Д.К., в своем исследовании отмечает, что: "устная форма спортивного дискурса служит своего рода платформой для реализации категории эмотивности" [5].

На основе проведенного анализа представленных исследований, можно с уверенностью сказать, что спортивный дискурс представляет собой весьма сложное и многогранное явление современной лингвистики. Автором установлено, что работы указанных авторов демонстрируют различные аспекты этой проблематики, что, впрочем, вполне закономерно для столь обширной области исследования.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и описании лингвокультурных особенностей вербального кода спортивного комментария и определении их роли в процессе формирования вторичной языковой личности билингва.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором впервые предпринята попытка комплексного анализа лингвокультурных характеристик спортивного комментария в аспекте их влияния на формирование билингвальной языковой личности. Впервые выявлены специфические механизмы воздействия культурно-маркированных элементов спортивного дискурса на когнитивные структуры билингва.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом автора в развитие теории языковой личности, лингвокультурологии и теории билингвизма. Практическая значимость исследования

состоит в возможности использования полученных автором результатов в практике преподавания русского языка как иностранного, в переводческой деятельности и межкультурной коммуникации.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили тексты спортивных комментариев на русском языке общим объемом около 500 словоупотреблений, извлеченные из телевизионных трансляций футбольных, хоккейных и фигурного катания матчей, а также интервью с билингвами, активно потребляющими спортивный контент на русском языке. Кроме того, в качестве дополнительного материала, автором использовались данные анкетирования 20 респондентов-билингвов различных возрастных групп.

При написании данной статьи, автором применялись следующие методы научного познания: лингвокультурологический анализ, сопоставительный метод, дискурс-анализ, социолингвистический подход, метод интроспективного анализа, статистический анализ.

Результаты и обсуждения

Проведенное исследование позволило автору выявить ряд существенных лингвокультурных особенностей вербального кода спортивного комментария, которые играют значительную роль в формировании вторичной языковой личности билингва.

Безусловно, современные исследования в области лингвокультурологии демонстрируют возрастающий интерес к изучению специализированных дискурсивных практик, среди которых спортивный комментарий занимает особое место. Несомненно, данный тип речевой деятельности представляет собой уникальный лингвистический феномен, сочетающий в себе элементы устной спонтанной речи и подготовленного публичного выступления. Более того, спортивный комментарий функционирует как мощный инструмент культурной трансляции, формирующий не только языковые компетенции, но и культурные представления билингвальной личности.

Следует отметить, что вербальный код спортивного комментария характеризуется высокой степенью национально-культурной обусловленности. В частности, анализируя русскоязычные футбольные трансляции, мы обнаруживаем устойчивые метафорические модели, отражающие специфику русской ментальности. Например, комментаторы часто используют военную метафорику: "атака захлебнулась", "оборона стоит насмерть", "артиллерийская подготовка перед штурмом ворот". Подобные языковые решения, очевидно, коррелируют с историческим опытом народа и его

коллективными представлениями о противоборстве [6].

Примечательно, что английский спортивный комментарий демонстрирует принципиально иные метафорические предпочтения. Действительно, британские комментаторы тяготеют к театральным образам: "drama unfolds", "the stage is set", "what a performance". Американские же коллеги, напротив, активно эксплуатируют бизнес-метафорику: "he delivered the goods", "that's a solid investment", "they're paying dividends now". Таким образом, национальная специфика проявляется не только в лексическом составе, но и в концептуальном моделировании спортивной реальности.

Кроме того, фразеологический компонент спортивного комментария обнаруживает глубокую культурную укорененность. В русском языке мы встречаем выражения типа "забить гол в раздевалку", "играть в одни ворота", "получить желтую карточку", которые, переходя в общеупотребительную речь, сохраняют свою образную основу. Английские аналоги "to score an own goal", "to move the goalposts", "to be in the same league" функционируют схожим образом, однако их культурные коннотации различаются.

Важно подчеркнуть, что просодические характеристики спортивного комментария также несут значительную лингвокультурную нагрузку. Русскоязычные комментаторы традиционно демонстрируют более эмоциональную манеру подачи материала, что проявляется в широком диапазоне интонационных модуляций, повышенной громкости в кульминационные моменты и характерных восклицаниях типа "Го-о-ол!", растягиваемых на несколько секунд. Англоязычная традиция, напротив, тяготеет к более сдержанной подаче, где эмоциональность передается преимущественно лексическими средствами.

Необходимо отметить, что процесс формирования вторичной языковой личности билингва под воздействием спортивного комментария протекает на нескольких уровнях одновременно. Во-первых, происходит усвоение специализированной лексики, включающей не только терминологию конкретного вида спорта, но и сопутствующий понятийный аппарат. Например, изучающий английский язык через футбольные трансляции осваивает не только термины "offside", "penalty", "corner kick", но и более сложные концепты "fair play", "sportsmanship", "the beautiful game", которые отражают культурные ценности англоговорящего сообщества [7].

Во-вторых, усваиваются специфические синтаксические конструкции, характерные для данного типа дискурса. Русский спортивный коммента-

рий изобилует эллиптическими конструкциями: "Мяч у Петрова", "Удар – мимо!", "Офсайд!". Английский комментарий демонстрирует предпочтение полных синтаксических структур: "The ball is with Petrov", "He shoots – and it's wide!", "The linesman has flagged for offside".

Следует также учитывать, что спортивный комментарий функционирует как источник прецедентных текстов, формирующих культурную память билингвальной личности. Знаменитые фразы комментаторов становятся частью коллективного языкового сознания: "They think it's all over... it is now!" Кеннета Уолстенхолма или "Матч состоялся!" Николая Озерова. Подобные высказывания, безусловно, требуют не только лингвистической, но и культурной компетенции для полноценного понимания.

Кроме этого, важную роль играет освоение национально-специфических речевых стратегий и тактик. Русскоязычные комментаторы часто прибегают к развернутым лирическим отступлениям, включающим исторические экскурсы, биографические справки, философские размышления о природе спорта. Например: "И вот сейчас, когда мяч катится по изумрудному газону стадиона, невольно вспоминаются слова великого Пеле о том, что футбол – это не просто игра, это поэзия в движении". Англоязычная традиция тяготеет к более лаконичной подаче фактической информации с вкраплениями статистических данных [8].

Примечательно, что гендерные аспекты спортивного комментария также демонстрируют культурную специфику. В русской традиции женщины-комментаторы пока остаются редкостью, что отражает определенные социокультурные установки. В англоязычных странах женский спортивный комментарий получил более широкое распространение, формируя новые дискурсивные практики и языковые стратегии. Более того, региональные варианты языка в спортивном комментарии создают дополнительные возможности для культурной идентификации билингва. Шотландский акцент комментатора, южнорусское произношение или особенности речи представителей других регионов становятся маркерами не только географической, но и социокультурной принадлежности.

Особенно интересным представляется анализ способов передачи культурно-специфической информации в переводном спортивном комментарии. Переводчики вынуждены адаптировать не только лингвистическое содержание, но и культурные коннотации, что порой приводит к значительным трансформациям исходного текста. Например, английское выражение "it's a game of two halves" при

переводе на русский язык может трансформироваться в "футбол – игра непредсказуемая", теряя при этом часть своей идиоматичности.

Исследование показало, что лингвокультурные особенности спортивного комментария проявляются также в специфике оценочных суждений. Русскоязычные комментаторы, как правило, демонстрируют более эмоциональную и субъективную манеру подачи информации по сравнению с представителями некоторых других лингвокультур. Это находит отражение в использовании оценочных прилагательных, наречий и междометий, создающих особую атмосферу спортивного события. [9]

Анализ интервью с билингвами показал, что восприятие лингвокультурных особенностей спортивного комментария происходит поэтапно. Установлено, что на начальном этапе билингвы фокусируются преимущественно на денотативном содержании высказываний, постепенно переходя к пониманию коннотативных и культурно-специфических смыслов. Этот процесс сопровождается формированием новых когнитивных структур, отражающих русскую концептуализацию спортивной деятельности. Отметим, что особенно значимым фактором в формировании вторичной языковой личности билингва, по мнению автора, является освоение прецедентных феноменов, активно используемых в спортивном комментарии. По мнению автора, ссылки на известные спортивные события, выдающихся спортсменов, цитаты из фильмов и литературных произведений создают богатый интертекстуальный фон, понимание которого требует глубокого знания русской культуры.

Результаты анкетирования показали, что 78% респондентов-билингвов отмечают влияние спортивного комментария на формирование их представлений о русской культуре. При этом 65% опрошенных указывают на то, что именно через спортивный дискурс они впервые столкнулись с определенными культурно-специфическими концептами и языковыми единицами. По мнению автора, важную роль в формировании вторичной языковой личности играет также просодическая организация спортивного комментария. Интонационные модели, ритмико-мелодические характеристики, паузация и темп речи комментатора создают особую звуковую картину, которая способствует не только пониманию содержания, но и эмоциональному вовлечению реципиента в происходящее действие.

Таким образом, необходимо отметить, что в ходе проведенного автором настоящей статьи исследования, удалось установить, что лингвокультурные особенности спортивного комментария

действительно оказывают весьма существенное воздействие на процесс формирования языковой картины мира у билингвов. Так же отметим, что освоение специфической спортивной терминологии и фразеологических оборотов, безусловно, способствует развитию концептуальной системы, которая отражает характерное для русской культуры понимание таких важных категорий, как соревновательность, справедливость, командный дух и индивидуальное мастерство.

Проведенный автором анализ показал, что спортивный комментарий выполняет крайне важную социализирующую функцию для билингвов. Нужно сделать вывод о том, что именно через восприятие и интерпретацию культурно-маркированных элементов спортивного дискурса происходит интеграция билингва в русскоязычное коммуникативное пространство, а также формирование чувства причастности у билингва к определенному культурному сообществу. Особенности синтаксической организации спортивного комментария, по мнению автора, также заслуживают пристального внимания исследователей. Установлено, что преобладание простых и неполных предложений, активное использование восклицательных и вопросительных конструкций, эллиптических структур создают характерную динамичность и экспрессивность текста, что, по всей видимости, способствует более эффективному воздействию на эмоциональную сферу реципиента [10].

Отметим так же, что процесс формирования вторичной языковой личности билингва под влиянием спортивного комментария носит явно нелинейный характер. В частности, можно выделить несколько основных этапов: первичное знакомство с базовой спортивной лексикой, последующее освоение культурно-специфических языковых единиц, понимание имплицитных культурных смыслов и, наконец, активное использование освоенных языковых средств в собственной речевой практике.

Важным аспектом, который, требует отдельного рассмотрения, является роль гендерного фактора в восприятии лингвокультурных особенностей спортивного комментария. Настоящее исследование показало, что мужчины-билингвы демонстрируют более высокую степень вовлеченности в спортивный дискурс и, соответственно, более активное освоение культурно-специфических языковых единиц. Проведенный в рамках настоящего исследования анализ выявил также региональные особенности спортивного комментария, которые отражают диалектную и социокультурную вариативность русского языка. Для билингвов это, очевидно, создает дополнительные сложности в про-

цессе языкового и культурного освоения, но одновременно способствует формированию более полного представления о русской лингвокультуре.

Выводы

В заключение настоящей статьи, необходимо сделать выводы о результатах проведенного исследования.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов относительно роли лингвокультурных особенностей спортивного комментария в формировании вторичной языковой личности билингва. Следует отметить, что исследование лингвокультурных специфик вербального кода спортивного комментария открывает широкие перспективы для понимания механизмов формирования вторичной языковой личности билингва. Данный тип дискурса, по мнению автора, представляет собой мощный инструмент культурной социализации, способствующий не только развитию языковых компетенций, но и формированию культурной идентичности в условиях билингвальной среды. Дальнейшие исследования в этом направлении, по моему убеждению, будут способствовать более глубокому пониманию процессов межкультурной коммуникации и языкового взаимодействия в современном мире.

В процессе исследования, автору удалось установить, что спортивный комментарий представляет собой уникальный лингвокультурный феномен, характеризующийся высокой степенью национально-культурной маркированности языковых средств. Эмоциональная насыщенность, метафоричность, активное использование фразеологических единиц и прецедентных феноменов создают богатую лингвокультурную среду, способствующую эффективному формированию вторичной языковой личности.

Необходимо так же обратить внимание на то, что процесс восприятия и интерпретации лингвокультурных особенностей спортивного комментария билингвами носит поэтапный характер и сопровождается формированием новых когнитивных структур, отражающих русскую концептуализацию спортивной деятельности и связанных с ней культурных феноменов. Спортивный дискурс выполняет важную социализирующую функцию, способствуя интеграции билингвов в русскоязычное коммуникативное пространство и формированию чувства причастности к культурному сообществу. В процессе исследования было доказано, что лингвокультурные особенности спортивного комментария оказывают значительное влияние на формирование языковой картины мира билингва, способствуя развитию концептуальной системы, адекватной русской лингвокультуре.

Результаты настоящего исследования имеют, важное теоретическое и практическое значение для развития теории языковой личности, лингвокультурологии и методики преподавания русского языка как иностранного. По мнению автора, полу-

ченные данные могут быть использованы при разработке учебных программ и материалов, направленных на формирование межкультурной коммуникативной компетенции билингвов.

Список источников

1. Пак Л.Е., Лингвокультурная специфика спортивного медианарратива (на материале спортивных комментариев Канады и России) // *Litera*. 2024. № 7. С. 136 – 147.
2. Опарина Е. О. Культурные коды в языке: диапазон действия и развитие // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 5 (873). С. 94 – 99.
3. Захра О.В., Бредихин С.Н., Лингвотипология гибридного делиберативного сетевого дискурса болельщиков // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025. № 3 (897). С. 56 – 64.
4. Ма Т.Ю., Михеев Д.С. Лингвокультурная специфика британского спортивного дискурса // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2022. Т. 8. № 2. С. 90 – 101.
5. Козырев Д.К., Панина Н.В. Средства выражения эмотивности в спортивном дискурсе (на материале англо- и русскоязычных спортивных комментариев) // *Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета*. 2022. № 2 (21). С. 346 – 350.
6. Лубышева Л.И. Спортивная культура в контексте категории «Национальный культурный код в спорте» // *Теория и практика физической культуры*. 2025. № 6. С. 107.
7. Пак Л.Е. Дискурс спортивного комментария на английском и русском языках: лексические особенности // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета*. 2022. Т. 14. № 4 (64). С. 210 – 218.
8. Калининченко М.О. Языковые шаблоны в спортивном комментировании // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2022. Т. 12. № 1. С. 44 – 56.
9. Калининченко М.О., Мухин М.Ю. Структура эпизодов и дискурсивные маркеры в спортивном комментировании // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2022. Т. 19. № 1. С. 5 – 14.
10. Дигалев Н.В., Карасик В.И. Лингвоаксиология спортивного состязания: ценности, нормы, традиции // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6, Языкознание*. 2025. № 1. С. 77 – 91.

References

1. Pak L.E., “Linguocultural Specificity of Sports Media Narrative (Based on Sports Commentary from Canada and Russia)”. *Litera*. 2024. No. 7. P 136 – 147.
2. Oparina E.O. Cultural Codes in Language: Range of Action and Development. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2023. No. 5 (873). P. 94 – 99.
3. Zakhra O.V., Bredikhin S.N., “Lingvotypology of Hybrid Deliberative Online Discourse of Fans”. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2025. No. 3 (897). P. 56 – 64.
4. Ma T.Yu., Mikheev D.S. Linguocultural Specificity of British Sports Discourse. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 90 – 101.
5. Kozyrev D.K., Panina N.V. Means of Expressing Emotivity in Sports Discourse (Based on English- and Russian-Language Sports Commentaries). *Bulletin of Young Scientists and Specialists of Samara University*. 2022. No. 2 (21). P. 346 – 350.
6. Lubysheva L.I. Sports Culture in the Context of the Category “National Cultural Code in Sports”. *Theory and Practice of Physical Education*. 2025. No. 6. P. 107.
7. Pak L.E. Sports Commentary Discourse in English and Russian: Lexical Features. *Territory of New Opportunities. Vladivostok State University Bulletin*. 2022. Vol. 14. No. 4 (64). P. 210 – 218.
8. Kalinichenko M.O. Language Patterns in Sports Commentary. *Bulletin of the South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 44 – 56.
9. Kalinichenko M.O., Mukhin M.Yu. The Structure of Episodes and Discursive Markers in Sports Commentary. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 2022. Vol. 19. No. 1. P. 5 – 14.
10. Digalev N.V., Karasik V.I. Lingvoaxiology of sports competition: values, norms, traditions. *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 6, Language studies*. 2025. No. 1. P. 77 – 91.

Информация об авторе

Дун Лие, аспирант, ORCID ID: <http://https://orcid.org/0009-0008-0876-2030>, Забайкальский государственный университет, dongliye@yandex.ru

© Дун Лие, 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 001.4

Парадигматика термина как критерий научности теории

¹ Каколири Иоанна,

¹ Кубанский государственный университет

Аннотация: в данной статье рассматривается парадигматика термина как критерий научности теории, с акцентом на лингвоэкологию. Целью исследования явился анализ и описание современных тенденций терминотворчества, включая транстерминологизацию и метафорические заимствования из других наук. Особое внимание уделяется критике лингвоэкологии за отсутствие четких критериев и инструментария исследования, а также за избыточное создание терминов без достаточного теоретического обоснования. Исследования показали, что проблема номинации терминов современных научных направлений в лингвистике остается актуальной вследствие междисциплинарного характера современного научного знания. Когнитивный аспект формирования современных лингвистических терминов обуславливает комплексное изучение научной информации, включающее экстралингвистические факторы появления новейших научных понятий в различных областях деятельности человека. В процессе исследования доказано, что появление новых терминов не всегда репрезентирует новое научное направление, но идея обособления новых знаний в новый раздел науки (новую науку) обязательно сопровождается появлением новых терминов (неологизмов, неонимов).

Сделан вывод: исследование способов формирования новейших лингвистических номинаций позволит прояснить их семантические и функциональные особенности в составе парадигм, что является индикатором научной состоятельности теории.

Ключевые слова: парадигматика термина, лингвоэкология, терминотворчество, транстерминологизация, научность теории, когнитивный аспект, метафорические заимствования

Для цитирования: Каколири Иоанна Парадигматика термина как критерий научности теории // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 65 – 69.

Поступила в редакцию: 12 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Paradigmatics of the term as a criterion of the scientific validity of a theory

¹ Kakolyri Ioanna,

¹ Kuban State University

Abstract: this article examines the paradigmatics of the term as a criterion for the scientific validity of the theory, with an emphasis on linguoecology. The purpose of the study was to analyze and describe current trends in terminology, including transterminologization and metaphorical borrowings from other sciences. Particular attention is paid to the criticism of linguoecology for the lack of clear criteria and research tools, as well as for the excessive creation of terms without sufficient theoretical justification. Research has shown that the problem of nominating terms of modern scientific trends in linguistics remains relevant due to the interdisciplinary nature of modern scientific knowledge. The cognitive aspect of the formation of modern linguistic terms determines the comprehensive study of scientific information, including extralinguistic factors of the emergence of new scientific concepts in various fields of human activity. In the course of the research, it was proved that the appearance of new terms does not always represent a new scientific direction, but the idea of separating new knowledge into a new branch of science (new science) is necessarily accompanied by the appearance of new terms (neologisms, neonyms).

The conclusion is made: the study of the ways of forming the latest linguistic nominations will make it possible to clarify their semantic and functional features as part of the paradigms, which is an indicator of the scientific validity of the theory.

Keywords: term paradigmatics, linguoecology, term creation, transterminologization, scientific validity, cognitive aspect, metaphorical borrowings

For citation: Kakolyri Ioanna Paradigmatics of the term as a criterion of the scientific validity of a theory. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 65 – 69.

The article was submitted: July 12, 2025; Approved after reviewing: September 9, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Современные исследования вопросов терминодеривации главным образом ориентированы на изучение способов создания новых терминов. Это ономаσιологический подход, но в узком понимании. Е.С. Кубрякова констатировала данный подход так: «Современная ономаσιология <...> занимается вопросами номинативной техники, способами формирования единиц номинации разного уровня, различной структуры, неодинаковых по способу представления действительности в знаках языка» [4, с. 345]. Значительно менее исследован когнитивный аспект терминов и их парадигматические свойства. Между тем важно изучать не только способы терминодеривации, но и необходимость и обоснованность новых номинаций, происходящие из логики развития научного знания.

Материалы и методы исследований

В исследовании использовался анализ для изучения способов деривации и номинативных способов терминов лингвистики. Был рассмотрен когнитивный аспект репрезентации научного знания в современных терминологиях, включая междисциплинарный аспект современных научных исследований, гибридный характер номинации терминов, называющих новейшие научные направления в современной лингвистике.

Результаты и обсуждения

Современный процесс интеграции наук, который констатируют ученые [9], дал дополнительный импульс терминотворчеству в междисциплинарных исследованиях. Это касается и названий новых разделов науки о языке, в которых отражается «гибридный» характер последних: *лингвоконцептология*, *лингвокультурология*, *лингвоаксиология*, *лингвогеография* (или *лингвострановедение*), *лингвоэкология* (или *эколингвистика*), *психоллингвистика*, *социоллингвистика*, *юрислингвистика* и т. д.

Терминоведы понимают термин «в качестве семиотического производного концептуализации и категоризации мира человеческим сознанием и мышлением» [2, с. 238]. Взаимопроникновение языков для специальных целей В.М. Лейчик

назвал важной приметой современной терминологии [5]. Заимствование из других терминосистем по аналогии с транспозицией получило название транстерминологизации [6].

Например, *онтология* в философии – учение о бытии; онтология в информатике – форма представления данных. Термин *синтаксис* (от греч. σύν "вместе, со" и τάξις "порядок", "расположение") изначально использовался для обозначения боевого построения войска, затем – для названия раздела грамматики, изучающего словосочетания и предложения; в информатике *синтаксисом* называют набор правил для комбинирования символов алфавита. Лингвистические термины используют в терминологии музыки (*музыкальная фраза*, *музыкальная идиома* и др.) [1]. Из химии в лингвистику заимствован термин *валентность*, а с биологией связана метафора «*слова-паразиты*» (хотя более подошла бы другая биологическая метафора – «сорные слова»). Исследователи называют такие номинации квазиомонимичными [11, с. 25].

Вместе с тем очевидно, что не может быть массовой экстраполяции в лингвистику терминов других наук. У метафорического терминотворчества, идущего по пути смешивания языков для специальных целей, есть разумные ограничения, и не стоит искать параллели в лингвистике буквально для каждого понятия биологии, химии, астрономии и т.д.

Еще во времена античности «врачи Александрийской школы впервые предложили метод создания терминов-неологизмов на основе греческих корней и аффиксов (в современном терминоведении – терминологических элементов). Этот способ терминологического словообразования используется до сих пор и является общепринятой моделью» [8]. Поэтому греческие терминологические элементы в составе неологизмов считаются признаками «терминологичности». Одним из самых востребованных терминологических элементов можно считать терминологический элемент *эко-*.

В мировом общественном мнении экология стала очень популярной, но не в широком понимании – науки о среде обитания, а в узком, при-

кладном смысле – науки и практики защиты окружающей среды, сохранения видов живых организмов. Прилагательное *экологичный* в употребительном языке стало синонимом прилагательных *чистый, безопасный, безвредный*, т.е. экологичный – значит, не несущий угроз для жизни и здоровья. На базе этой семантики возникли новые понятия и названия: «экокритика», «экопозитика», «экофеминизм», «экопсихология», «экосоциология», «экоистория» и т.д.

В конце XX века появилось и активно распространяется новое направление лингвистики, получившее название *лингвоэкологии*. Среди терминов, которые были специально созданы для этого раздела лингвистики, в основном встречаются заимствования из метаязыка естественных и точных наук – информатики (*буферная ёмкость лингвосистемы*), биологии («*Красная книга*», *лингвогомеостаз*), химии (*лингвотоксикология*) [8] и т.д.

Язык и общество в лингвоэкологии рассматриваются через метафоры живого организма и экосистемы. В биологии термин *экосистема* обозначает четкое понятие природного комплекса из живых организмов и среды обитания, которые связаны взаимодействием на уровне веществ и энергии. Лингвоэкология в подражание биоэкологии изучает язык и его среду «обитания» в их взаимосвязи. А среда возникновения, развития и функционирования языка – это человеческое общество. Всё остальное, будь то природная среда, солнечная система, демографическая ситуация, языковая политика, система образования, хозяйственная деятельность и т. д. – влияет на язык только через посредство его носителей, членов языкового коллектива. Взаимодействие же языка и общества давно исследуется в рамках других наук – социальной лингвистики, лингвокультурологии, лексикологии, прагматики и т.д.

Кроме того, включение в область интересов лингвоэкологии связей языка и неограниченного множества разнородных объектов лишает определенности предмет этой модной науки. К тому же, лингвоэкология не обладает собственным инструментарием исследования. Опираясь на понятия «загрязнения», «загрязнителей», «коэффициента загрязнённости речи», «уровня загрязнения окружающей языковой/речевой среды», данная наука при этом не дает четких критериев того, что считать «загрязнением»: речевые ошибки, иноязычные слова-варваризмы, инвективную лексику? Язык – это инструмент. В зависимости от интенции, он предлагает коммуникантам выбор разных средств в разных ситуациях общения. Люди строят свою речь по образцам, моделям, но в процессе речепорождения нормально, когда удачно

или неудачно подбираются нужные слова, когда путем проб и ошибок идет живой процесс воплощения намерения говорящего в тот или иной текст. Вопросы о «загрязнителях» языка, о речевых табу являются дискуссионными, потому что речевые ситуации могут быть разными.

Терминотворчество, которое идет путем излишне широкой транстерминологизации, можно уподобить языковой игре, когда новые термины создаются в отсутствие их необходимости, когда явления давно объяснены и знания зафиксированы в уже существующих терминах. Например, можно в шутку назвать конкуренцию старой и новой языковых форм *естественным отбором* (ср.: английское заимствование *прайс-лист* вытеснило пришедшее в русский язык ранее слово *прейскурант*), изменение семантики можно именовать *мутацией*, быстрое распространение негативной тенденции в употреблении языка – «лингвоэпидемией». Кстати, современной «лингвоэпидемией» можно также назвать массовое изобретение красивых, но неинформативных терминов. В современной науке «усматривается научная значимость установления лингвокогнитивных оснований для систематизации специальных знаний, коррелируемых с соответствующими языковыми знаками, а также потребность в исследовании системно-структурных характеристик терминологических единиц в рамках исследуемой области» [9, с. 3].

Науку характеризует наличие теории. Это может быть и ложная теория. Например, криптозоология или френология по формальному устройению подпадают под понятие науки, пусть и ложной. Критерием же научности теории, очевидно, является наличие системы терминов. «Значение конкретного термина может быть понято в полной мере только при понимании научной теории, оперирующей данным термином, и знании места, занимаемого данным термином в терминологической системе» [3, с. 65]. Терминосистема организуется через оппозиции понятий, представляющих теорию. Оппозиции (парадигмы), в которые вступают термины-понятия, как известно, бывают эквиполентные, градуальные или привативные. Самые простые противопоставления – привативные (наличие/отсутствие у пары понятий какого-либо признака) – требуют наличия соответствующих парных терминов.

Выводы

Наблюдения показывают, что в дефинициях терминов лингвоэкологии одно неизвестное может определяться через другое неизвестное. Например, термин *лингвогомеостаз* не информативен: лингвогомеостазом называется «способность языка или его подсистемы поддерживать динамически

устойчивое равновесие в изменяющихся внешних (экстралингвистических) условиях» [8]. Вместе с тем не приведено ни количественных, ни качественных критериев упоминаемого равновесия. Не ясно в целом, что именно следует считать «равновесием», что с чем должно уравниваться и, наконец, непонятно, почему бы вместо *лингвостатуса* не говорить об *инварианте* и *вариантах* в истории языка? Названия *буферная ёмкость лингвосистемы*, *лингвостатус*, *лингвотоксикология* образованы по моделям терминологической деривации, но при этом не несут объяснительной функции, потому что их денотаты не определены количественно, границы между «этим» и «не этим» не проведены. Так, «Красная книга» в лингвостатистике подразумевает фиксацию устаревающих, исчезающих слов. Если говорить о вымирающих языках, там есть четкие критерии – малое количество говорящих и тот факт, что этим языкам не обучают детей. А как посчитать «краснокнижные слова» (по числу употреблений в речи всех носителей языка во всех сферах общения) и, главное – зачем? Архаизмы, историзмы были, есть и будут.

Когда появляется новая информация, она либо вписывается, либо не вписывается в существую-

щую структуру знаний. Во втором случае информация может оказаться ложной, или же структуру знаний следует изменить в связи с новыми понятиями, используя принцип дополнительности. Информация имеет границы применения, большинство законов имеет ограниченное действие, понятия детерминированы в системе. «Если ученый развивает и обогащает уже существующую концепцию или создает новую, он должен отразить это приращение знания в термине» [11, с. 23]. Иными словами, появление новых терминов не всегда сопровождается выделением нового направления в науке, но идея обособления новых знаний в новый раздел науки (новую науку) обязательно сопровождается появлением новых терминов (неологизмов, неонимов).

Таким образом, можно сформулировать один из принципов терминологической номинации: термины должны создаваться сразу в составе парадигмы, одновременно с концепциями. Одиночный термин, не включенный в тематический блок (кластер), состоящий хотя бы из пары терминов, – это сигнал того, что за новым наименованием не стоит теория, что это новая форма номинации явления, которое уже было известно и названо ранее.

Список источников

1. Барсукова Е. А. Лингвистическая лексика в английской музыкальной терминологии (в области фиксации и функционирования) // *Ното Loquens: Вопросы лингвистики и транслятологии: Сб. статей. Вып. 13.* Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2020. С. 137 – 146.
2. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: монография. 5-е изд. Москва : Флинта, 2021. 390 с.
3. Крапивник Е.В. Метаязыковые термины-метафоры как отражение парадигм лингвистических исследований // *Гуманитарные исследования.* 2020. № 3 (75). С. 63 – 67.
4. Кубрякова Е.С. лингвистический энциклопедический словарь. Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. С. 345.
5. Лейчик В.М. Взаимопроникновение лексики ЯСЦ // *Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей рус. яз., 18-21 марта 2004 г., Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. фак.: Труды и материалы / Сост.: М.Л. Ремнёва и др. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2004.*
6. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000.
7. Патрикеева Н.С., Байкова О.В., Конвенциональность медицинской терминологии // *Вестник Вятского государственного университета. Филологические науки.* 2017. С. 44 – 49.
8. Сковородников А.П. Лингвистическая экология // *Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Ширяева Е.Н., Иванова Л.Ю., Сковородникова А.П. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2007. 840 с.*
9. Туманян Р.Г. Фреймовое моделирование терминологии предметной области «Энергетика» как способ представления специальных знаний: на материале английского и русского языков // *Современный ученый.* 2022. № 1. С. 114 – 118.

10. Успенская Г.А. Необходимость и проблемы интеграции наук в современности // Наука и современность. 2015. № 35. С. 90 – 94.

11. Щепалин М.Д. Терминотворчество М.В. Панова как отражение особенностей мышления ученого [Эл. ресурс] // Язык и текст: научный журнал. 2024. Т. 11. № 4. С. 23 – 31. URL: <https://scinetwork.ru/articles/27991?ysclid=mbjqtjog57610612708> (дата обращения: 01.06.2025)

References

1. Barsukova E.A. Linguistic Lexicon in English Musical Terminology (in the Field of Fixation and Functioning). Homo Loquens: Issues of Linguistics and Translation Studies: Collection of Articles. Issue 13. Volgograd: Volgograd State University, 2020. P. 137 – 146.

2. Buyanova L.Yu. Terminological Derivation in the Language of Science: Cognitiveness, Semiotics, Functionality: Monograph. 5th ed. Moscow: Flinta, 2021. 390 p.

3. Krapivnik E.V. Metalinguistic Metaphor Terms as a Reflection of Linguistic Research Paradigms. Humanitarian Studies. 2020. No. 3 (75). P. 63 – 67.

4. Kubryakova E.S. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Encyclopediya, 2002. P. 345.

5. Leychik V. M. Interpenetration of the Vocabulary of the Linguistic System. Russian Language: Historical Fates and Modernity: II International Congress of Russian Language Researchers, March 18-21, 2004, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology: Works and Materials.Comp.: M. L. Remneva et al. Moscow: Moscow University Publishing House, 2004.

6. Lemov A. V. System, Structure, and Functioning of the Scientific Term (Based on Russian Linguistic Terminology). Saransk: Mordov State University Publishing House. University, 2000.

7. Patrikeyeva N.S., Baykova O.V., Conventionality of Medical Terminology. Bulletin of Vyatka State University. Philological Sciences. 2017. P. 44 – 49.

8. Skovorodnikov A.P. Linguistic Ecology. The Culture of Russian Speech. Encyclopedic Dictionary and Reference Book. edited by Shiryayev E.N., Ivanov L.Yu., Skovorodnikov A.P. Moscow: FLINTA: Nauka, 2007. 840 p.

9. Tumanyan R.G. Frame Modeling of Terminology in the Subject Area "Energy" as a Way of Representing Specialized Knowledge: Based on the English and Russian Languages. Modern Scientist. 2022. No. 1. P. 114 – 118.

10. Uspenskaya G.A. The Necessity and Problems of Integration of Sciences in Modernity. Science and Modernity. 2015. No. 35. P. 90 – 94.

11. Shchepalin M.D. M.V. Panov's Creation of Terms as a Reflection of the Peculiarities of a Scientist's Thinking [Electronic resource]. Language and Text: Scientific Journal. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 23 – 31. URL: <https://scinetwork.ru/articles/27991?ysclid=mbjqtjog57610612708> (date of access: 01.06.2025)

Информация об авторе

Каколири Иоанна, Кубанский государственный университет, ikakolyri@yahoo.com

© Каколири Иоанна, 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'25(470+569.4)

Концепт «любовь» в русской и арабской лингвокультурах

¹ Магомедова С.И., ¹ Саруханова А.А.А.,

¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается лингвокультурный концепт «любовь», описываемый лингвистическими средствами русского и арабского языков. Проводится лингвокультурологическое сопоставление вербальных реализаций данного концепта с целью выявления лексико-семантических средств выражения любви в обоих языках с точки зрения эмоционального состояния, отношения, поведения, а также определения стереотипов русского и арабского социума, связанных с понятием любовь.

Выявлено общее и национально-специфичное в употреблении лингвистических средств при концептуализации данных концептов в ЯКМ посредством сопоставления их вербальных реализаций как внутри языка, так и в сопоставлении с исследуемым, что позволило определить ценностные доминанты каждого культурного социума.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, языковая картина мира, этнолингвистика, концептосфера

Для цитирования: Магомедова С.И., Саруханова А.А.А. Концепт «любовь» в русской и арабской лингвокультурах // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 70 – 75.

Поступила в редакцию: 13 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

The concept of "Love" in Russian and Arabic linguocultures

¹ Magomedova S.I., ¹ Sarukhanova A.A.A.,

¹ Dagestan State University

Abstract: this article examines the linguocultural concept of "love," described through the linguistic means of the Russian and Arabic languages. A linguocultural comparison of the verbal realizations of this concept is conducted to identify the lexico-semantic tools used to express love in both languages, considering emotional states, relationships, behaviors, and the stereotypes of Russian and Arab societies associated with the notion of love.

Commonalities and national-specific features in the use of linguistic means for conceptualizing these ideas within the linguistic picture of the world (LPW) are revealed through a comparison of their verbal realizations both within each language and in relation to one another. This approach allows for the identification of value dominants in each cultural society.

Keywords: linguocultural concept, linguistic picture of the world, ethnolinguistics, conceptual sphere

For citation: Magomedova S.I., Sarukhanova A.A.A. The Concept of "Love" in Russian and Arabic Linguocultures. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 70 – 75.

The article was submitted: July 13, 2025; Approved after reviewing: September 10, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Внутренний мир человека, отраженный в языковом знаке, представляет большой интерес для лингвистов, т.к. является одним из важнейших источников культурологической информации о наивной картине мира, «обыденном сознании» носителей языка [5].

Концепт «любовь», являясь одним из основных ценностных ориентиров, присущих каждому человеку, заключают в себе культурную специфику этноса.

Этим обусловлена актуальность нашей темы – необходимостью сопоставления вербальных реализаций концепта «любовь» с целью выявления их этноспецифических особенностей на всех уровнях концепта для лучшего понимания культурной специфики арабского и русского этносов.

Научная новизна работы заключается в описании лингвокультурных концепта «любовь» посредством анализа парадигм ее вербальных реализаций в арабском и русском языках, их сопоставления как внутри языка, так и в сопоставлении с исследуемым.

Цель исследования – анализ парадигм вербальных реализаций концепта «любовь» в арабском и русском языках, сопоставление лексико-семантических средств выражения любви в обоих языках с точки зрения эмоционального состояния, отношения, поведения и определение стереотипов русского и арабского социума, связанных с дружбой и любовью.

В соответствии с целью исследования в работе ставятся следующие задачи:

- анализ вербальных реализаций парадигм концептов любовь в обоих языках;
- сопоставление лексико-семантических средств описания любви в обоих языках с точки зрения эмоционального состояния, отношения, поведения;
- выявить общее и национально-специфичное в употреблении лингвистических средств при концептуализации данного концепта в ЯКМ посредством сопоставления ее вербальных реализаций как внутри языка, так и в сопоставлении с исследуемым и на основе этого определить ценностные доминанты каждого культурного социума.

Теоретическая значимость исследования состоит в актуальности исследования культуры и ЯКМ социума, отображенных в его языке, в частности в концепте «любовь», а также в изучении характеристик языкового сознания представителей русской и арабской лингвокультурной общности.

Практическая значимость настоящей работы обусловлена возможностью применения выводов

и материалов исследования в теории и практике перевода, в исследованиях по межкультурной коммуникации, при разработке тематики курсовых, дипломных и магистерских работ.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования лингвокультурологический концепт «любовь», описываемый лингвистическими средствами русского и арабского языков.

Предметом исследования являются лексические единицы всех уровней, вербализующие данный концепт в обоих языках.

В работе использованы методы лингвокультурологического и контрастивного анализа, элементы когнитивной семантики; материалом послужили русские и арабские паремии, фразеологизмы, примеры из классической поэзии и религиозных текстов, а также данные электронных словарей [Glosbe, Almaany].

Результаты и обсуждения

Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса, человеческой личности, окрашивая через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета [5].

В основе наших знаний о мире лежит лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры [4].

Определение концепта разнится среди ученых лингвистов: «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [6]. Н.Ф. Алефиренко понимает под концептом некое целостное смысловое образование (описательно-образного и ценностно-ориентированного характера), являющееся источником семантической структуры языкового знака, которая формируется в процессе языковой объективации концепта [1]. А.П. Бабушкин определяет концепт как любую дискретную единицу коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата [2]. [<https://cyberleninka.ru/article/n/termin-kontsept-v-sovremennoy-lingvistike>]

Концепт «любовь» – один из основных ценностных ориентиров этноса, понимание которого требует понимания культурной специфики языка данного этноса, т.к. язык во все времена является идентифицирующей характеристикой этноса, окрашивающий через систему своих значений и

их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета [4].

Концепт *любовь* в арабском языке включает в себя более 20 лексем, каждая из которых отражает степень и характер любви, ввиду чего в арабском языке редко употребляются атрибутивные прилагательные, различающие данный концепт по показателям. Можно выделить следующие периферийные признаки любви:

- чистая любовь (مَحَبَّة).

Лексема *мحبّة* чаще всего встречается в религиозных текстах, в которых говорится о любви Бога к людям и людей к Богу:

غرس محبة يهوه في قلوب اولادنا

«Мы прививали нашим детям любовь к Иегове»
وكم هو مهم ان يساعد والدون اولادهم على تنمية محبة لكلمة الله!

«Как же важно родителям прививать детям любовь к Слову Бога!» [онлайн словарь: <https://ru.glosbe.com/>]

مَنْ لَأَنْتَ إِلَهْتُهُ وَجَبَتْ مَحَبَّتُهُ

«Мягкий в речах обязательно добьется Его любви».

- истинная (глубокая) любовь (صِبَابَة)

В отличие от семемы *мحبّة* употребляется, когда речь идет о глубоком и сильном чувстве, испытываемом к любимому человеку:

رُبَّ صِبَابَةٍ غُرِسَتْ مِنْ لَحْظَةٍ

Иной раз глубокая любовь возникает в одно мгновение

- нежная любовь (مِقَّة)

Лексема *мِقّة* используется, как правило, в поэзии, например:

وَقَدْ يُؤْدِي مِنَ الْمِقَّةِ الْحَبِيبُ
يُجَمِّشُكَ الزَّمَانُ هَوًى وَحُبًّا
(شعر الشاعر: المتنبي)

Время прикасается к тебе со страстью и любовью;

И любимый может испытать боль от любви.
هَذَا عِتَابُكَ إِلَّا أَنَّهُ مِقَّةٌ قَدْ ضَمِنَ الذَّرَّ إِلَّا أَنَّهُ كَلِمٌ (شعر الشاعر: المتنبي)

Это - упрек в твой адрес, однако он - любовь.

Это - просто слова, однако внутри них жемчужина. [онлайн словарь: <https://www.almaany.com/>]

и в религиозной литературе:

الْمِقَّةُ فِي السَّمَاءِ، فَإِذَا أَحَبَّ اللَّهُ عَبْدًا، قَالَ: إِنِّي أَحْبَبْتُ فَلَانًا، فَأَحْبَبُوهُ، قَالَ: " فَتَنْزِلُ لَهُ الْمِقَّةُ فِي أَهْلِ الْأَرْضِ

Любовь на небесах. Если Бог полюбит раба, он говорит: «Поистине, Я полюбил такого-то, так полюбите же его», и он сказал: И любовь к нему нисходит на людей». [Муснад имама Ахмада, №22233 <https://sunnah.com/ahmad>] [8]

- любовь, привязанность (حُب، علافة)

Являясь отглагольным существительным глагола *علق* цепляться, цепко держаться, любить, быть привязанным (к чему-либо), включает в себя

семы: *плотская любовь, привязанность, дружеские отношения*. Однако в современном арабском языке чаще всего употребляется в значении *дружеские отношения*.

أَيُّهَا الْقَلْبُ مَا أَرَاكَ تُفِيْقُ طَالَمَا قَدْ تَعَلَّقَكَ الْعُلُوْقُ

О сердце, ты все еще не пробудилось,

Пока ты приковано цепями любви [онлайн словарь: <https://www.almaany.com/>]

- любовь, влюбленность عشق

Название дерева *عشقة* производное от *عشق* любить, быть влюбленным, которое быстро зеленеет, но затем желтеет и увядает подобно влюбленности, указывает на то, что любовь/влюбленность воспринимается арабским этносом, как быстро угасающее чувство. Это чувство воспринимается как боль, если оно не взаимно:

وَالْعِشْقُ كَالْمَعْشُوقِ يَعْذِبُ قُرْبُهُ لِلْمُبْتَلَى وَيَنَالُ مِنْ حُوبَانِهِ

Влюбленность как и возлюбленный, нахождение его вблизи мучает, пораженного любовью. [онлайн словарь: <https://www.almaany.com/>]

Согласно исламскому вероисповеданию джинн, вселяющийся в человека из-за влюбленности к нему, называется *عاشق* влюбленный, чем объясняется употребление данной лексемы только когда речь идет о плотской любви. Данная лексема не употребляется, когда речь идет о любви к ребенку, близким, родине, религии, знаниям.

- страсть (غرام، جوى، هوى، وجد، كلف، نيم)

Страсть в отличие от любви воспринимается арабским социумом как то, что делает человека слепым, лишает разума:

إِنَّ الْهَوَى شَرِيكُ الْعَمَى

Страсть – спутник слепоты

إِذَا نَصَرَ الرَّأْيَ بَطَلَ الْهَوَى

Когда торжествует здравомыслие, страсти нет.

Страстная любовь в понимании арабского этноса делает человека безвольным, психологически зависимым, рабом своей любви, на что указывает глагол *تام* быть рабом любви, сходить с ума от любви:

لَمَّا رَأَانِي فِي هَوَاهُ مُنِيْمًا عَرَفَ الْحَبِيبُ مَقَامَهُ فَتَدَلَّلَ

Когда он увидел, что я стала рабой из-за любви к нему,

Понял возлюбленный свое положение и стал забавляться. [онлайн словарь: <https://www.almaany.com/>]

Любовь перерастает в страсть, когда она остается неразделенной, и становится источником страданий и печали. В большинстве своем любовь ассоциируется у арабского этноса с болью и печалью, на что указывает наличие в арабском языке лексем *وجد* 1 (وجد) горевать, скорбеть (о ком-либо); любить (кого-либо); горевать, скорбеть; проникаться

страстной любовью (к кому-либо); и 1) быть охваченным страстью; 2) быть постигнутым горем:

على كبدي من حب عفراء قرحة عيناى من وجد بها تكفان
На моей печени рана из-за любви к Афре,
И мои глаза из-за чувств к ней текут слезами.
[онлайн словарь: <https://www.almaany.com/>]
أَمْ هُوَ الدَّمْعُ عَنْ جَوَى الْحَبِّ بَادٍ، وَالْجَوَى فِي جَوَانِحِ الصَّدْرِ خَافٍ
Или это слезы, появившиеся из-за любовной страсти,

А страсть та скрыта среди грудных ребер.
[онлайн словарь: <https://www.almaany.com/>]
كَيْفَ أَدَاوَى مِنْ جَوَى لِي، وَالْجَوَى أَمِيَّةٌ أَهْلُ الْفَسَنِ وَالْتِبَاعِ
Как мне лечиться от моей страсти, ведь страсть –

Это служанка нечестия и вреда. [онлайн словарь: <https://www.almaany.com/>]
شعر (الشاعر: البحتري) .

غرامى غريمى وهو لا شك قاتلى وكَمْ ذَلَّ مِنْ يَهْوَى غَرَامًا
и يخضع (الشاعر: عبد الغفار الأخرس)

Любовь моя – соперник мой, и без сомнения мучает меня...

И как презрен тот, кто впал в нее и покорился ей... [онлайн словарь: <https://www.almaany.com/>]

Возможно страсть, как сильное плотское влечение, воспринимается в арабском социуме как боль, мучение, которое постоянно сопровождает человека, делая его своим рабом, в силу того, что в самом Коране (сура Фуркан 65 аят) говорится о том, что *страсть* - вечное зло, которое не отпускает человека, принося ему вред.

والذين يقولون ربنا اصرف عنا عذاب جهنم إن عذابها كان غراما
Они говорят: «Господь наш! Отврати от нас мучения в Геенне, поскольку мучения там не отступают.

• (وَلَعَّ، شَغَفَ هَوًى، صَبَا) увлечение, влечение
Лексемы *وَلَعَّ، شَغَفَ هَوًى* означают, как страстную, сильную любовь к кому-либо, так и влечение к чему-либо:

إنَّ العقلَ البشري لديه شغف غير منته بالمعرفة
Человеческий разум имеет бесконечную тягу к знаниям

كان لديها شغف بالأفلام الأمريكية.
У неё слабость к американским фильмам
فأعجب ومُپر بهذه الجبال وصار تسلق الجبال شغفه.

Уимпер был очарован этими горами и увлекся альпинизмом. [онлайн словарь: <https://ru.glosbe.com/>]

Лексема: *صَبَا* любовь (к кому-либо), склонность (к чему-либо), чаще всего употребляется в значении юношеский пыл, увлечение молодости:

مُحِبُّ النَّدَى الصَّابِي إِلَى بَذْلِ مَالِهِ صُبُورًا كَمَا يَصُبُّو الْمُحِبُّ الْمُتَنِيمُ
Любящий щедрость склонен растрачивать деньги свои,

Подобно стремлению пленного любовью. [онлайн словарь: <https://www.almaany.com/>]

Проанализировав фразеологизмы и поговорки арабского языка мы пришли к выводу, что арабский социум воспринимает любовь, как чувство, которое ослепляет, лишает разума:

حُبُّكَ الشَّيْءَ يُغْمِي وَيُصِمُّ
Твоя любовь к какой-то вещи лишает тебя зрения и слуха.

عين الحب عمياء
любовь слепа (глаз любви слеп)

Об отсутствии в любви здравого рассуждения гласят арабские пословицы: *ليس في الحب مشورة* В любви не советчика; *من العبث أن تناقش عاشقا في عشقه* Бесплезно спорить с влюбленным о его любви, т.е. влюбленный человек руководствуется только своим сердцем, и ни какие советы, даже самые здравые бесполезны.

كل منّا يحب ولده حتى الحبارى
Каждый любит свое дитя, даже дрофа. Дрофа известна своей предельной тупостью, но несмотря на это она способна любить. Пословица подтверждает, что любовь в понимании арабов – чувство, ни как не связанное с разумом. Как и пословицы: *كل فرد في عين أمه غزال* Каждая обезьяна в глазах своей матери газель; *إذا نصر الرائي بطل الهوى* -

Когда торжествует здравомыслие, пристрастия уходят. Пословица: *التي تكتلى تحب التكتلى* Потерявшая ребенка мать любит мать, потерявшую ребенка вновь подтверждает то, что в видение арабов любовь возникает и зиждется на эмоциях и чувствах.

В то же время любовь для араба – чувство очень сильное, способное примирить, удержать любящие сердца в любых жизненных ситуациях:

غَضَبُ الغشاق كمطر الربيع
Гнев влюбленных подобен весеннему дождю
ضرب الحبيب زبيب وحجارته من عسل
Удар любимого изюм, а его камни из меда.

Любовь настолько сильное и неподвластное чувство, что человек готов умереть, чем жить без любимого: *تقبرني* похорони меня. Такой фразой в левантийском арабском объясняются в любви: «Я люблю тебя» т.е. не могу прожить без тебя ни дня.

«Знай – да возвеличит тебя Аллах! – что любви присуща действительная власть над душами и решающая сила; повелению ее не перечат, запрета ее не ослушаешься и власти ее не преступить; покорность ей неотвратима, и проникновение ее неотразимо. Она расплетает плотно свитое, ослабляет крепкое, размягчает застывшее, колеблет устойчивое, поселяется в оболочке сердца и разрешает запретное». Ибн Хазм «Ожерелье голубки». [https://librebook.me/ojerele_golubki]. [7]

Любовь в арабском этносе ассоциируется с болью, страданием, что подтверждается идиомати-

ческими выражениями, употребляемыми при описании состояния влюбленного человека: *قلب مكسور* *разбитое сердце*, *قلب مجروح* *раненое сердце*, *قلب محزون* *опечаленное сердце*, *قلب محروق* *сожжённое сердце*. В то же время любовь – вдохновляет, делает сильнее: *عمر الله البلدان بحب الأوطان* *долголетие стране дарует любовь к родине*

«Любовь – да возвеличит тебя Аллах! – обессиливающая болезнь, и в ней же возникает от нее лекарство, по мере ее действия. Это болезнь усладительная и желанный недуг; больному ею неприятно выздороветь, и страдающий не желает от нее избавиться. Она украшает человеку то, от чего он отворачивался, и облегчает то, что было ему трудно, изменяя его врожденные свойства и первоначальную природу». Ибн Хазм «Ожерелье голубки» [https://librebook.me/ojerele_golubki] [7]

В арабских пословицах отражаются качества, которыми должен обладать человек, чтобы добиться любви и быть любимым: *مَنْ لَانَ كَلَامَهُ وَجَدَ مَحَبَّتَهُ* *Мягкий в речах добьется любви*.

Тем самым, общим для русского и арабского социумов в концепте любовь – это чувство, которое делает человека слепым, т.е. лишает рассудка: *Любовь слепая; Любовь зла, полюбишь и козла*. Данные фразеологизмы обычно используются как ироничный комментарий к чьей-либо крайне странной и непонятной влюбленности, выбору партнера по семейной жизни, который человеку совершенно не подходит.

Фразеологизм *Любовь с первого взгляда* указывает на безрассудство любви, на ее не подвластность здравому уму, т.к. она может возникнуть к совершенному незнакомому человеку при первой же встрече. На отсутствие здравого смысла указывают также пословицы: *Потерять голову от любви; Любовь без памяти; По уши влюбиться, Души не чаять*.

Пословицы: *От любви до ненависти один шаг, Любовь и ненависть идут рука об руку*, указывают на то, что любовь, в понимании русского социума, сродни эмоциям, которые могут переходить из одной крайности в другую.

О силе любви, удерживающей влюбленные сердца, можно судить по русским поговоркам: *Милые бранятся – только тешатся; Любовь до гроба; Любовь всё прощает; Любви все возрасты покорны*.

Для обоих социумов любовь – чувство очень сильное, способное примирить, удержать любящие сердца в любых жизненных ситуациях, срав. араб.:

غَضَبُ الْعُشَّاقِ كَمَطَرِ الرَّبِيعِ

Гнев влюбленных подобен весеннему дождю

ضرب الحبيب زبيب وحجارته من عسل

Удар любимого изюм, а его камни из меда.

русс.: *Милые бранятся – только тешатся; Любовь до гроба; Любовь всё прощает*.

Любовь в обоих социумах любовь ассоциируется с болью, страданием, что подтверждается идиоматическими выражениями, употребляемыми при описании состояния влюбленного человека: *قلب مكسور* *разбитое сердце*, *قلب مجروح* *раненое сердце*, *قلب محزون* *опечаленное сердце*, *قلب محروق* *сожжённое сердце*.; русск.: *разбитое сердце, израненное сердце*.

Любовь воспринимается в обоих социумах как безрассудное чувство, неподвластное логике, здравому уму: *Потерять голову от любви; Любовь без памяти; Любовь слепая*; араб.:

حبك الشيء يُغمي ويصم

Твоя любовь к какой-то вещи лишает тебя зрения и слуха.

عين الحب عمياء

любовь слепая (глаз любви слеп)

Понятие *страсть*, как сильное плотское влечение, ее воздействие на человека, нашло большее отражение в арабском языке, чем в русском. Страсть воспринимается арабским социумом как то, что делает человека слепым, лишает разума:

إِنَّ الْهَوَى شَرِيكَ الْعَقْلِ

Страсть – спутник слепоты

إِذَا نَصَرَ الرَّأْيَ بَطَلَ الْهَوَى

Когда торжествует здравомыслие, страсти нет.

Страстная любовь делает человека безвольным, психологически зависимым, рабом своей любви, на что указывает глагол *تام* *быть рабом любви, сходить с ума от любви*:

لَمَّا رَأَيْتُ فِي هَوَاهُ مُتَمِّمًا.....عَرَفْتُ الْحَبِيبَ مَقَامَهُ فَتَدَلَّلْتُ

Когда он увидел, что я стала рабой из-за любви к нему,

Понял возлюбленный свое положение и стал забавляться.

Страсть – источник боли и мучений:

أَمْ هُوَ الدَّمْعُ عَنْ جَوَى الْحَبِّ بَادٍ، وَالْجَوَى فِي جَوَانِحِ الصَّنَدَرِ خَافٍ

Или это слезы, появившиеся из-за любовной страсти,

А страсть та скрыта среди грудных ребер.

(شعر الشاعر: البحرني)

فَكَيْفَ أَدَاوَى مَنْ جَوَى لِي، وَالْجَوَى أُمِّيَّةُ أَهْلِ الْفِسْقِ وَالنَّبْعَاتِ

Как мне лечиться от моей страсти, ведь страсть – Это служанка нечестия и вреда. (شعر الشاعر: دعبيل الخزاعي)

Выводы

Идеографическое пространство концепта любовь не имеет четких границ и пересекается с пространствами других смежных явлений: симпатия, влечение, духовная близость и т.д. В то же время концепт противопоставлен – равнодушию и ненависти, здравомыслию.

Концепт любовь находит различные способы выражения в исследуемых языках, частично совпадающие в языковом сознании исследуемых культур. Наблюдаются универсальные и специфические характеристики оценки любви. Этнокультурная специфика оценки связана с культурными доминантами поведения.

Лингвокультурологическое сопоставление вербальных реализаций данных концептов выявило различия в их лингвистическом описании.

Список источников

1. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1996. 29 с.
3. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер.: Гуманитарные науки. Краснодар, 2003. Т. 17, вып. 2. С. 1 – 276.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. 80 с.
5. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 5 – 48.
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 982 с.
7. Ибн Хазм Ожерелье голубки: о любви и влюбленных: пер. с араб., вступ. ст. и примеч. А.Р. Куделина. М.: Наука, 1997. 288 с.
8. Ахмад ибн Ханбаль Муснад / под ред. Ахмада Мухаммада Шакира. Бейрут: Дар аль-Маариф, 1995. Т. 1-6.

References

1. Alefirenko N.F. Problems of Concept Verbalization: A Theoretical Study. Volgograd: Peremena, 2003. 96 p.
2. Babushkin A.P. Types of Concepts in the Lexical-Phraseological Semantics of Language. Voronezh: Voronezh State University, 1996. 29 p.
3. Vorkachev S.G. Cultural Concept and Meaning. Transactions of the Kuban State Technological University. Series: Humanities. Krasnodar, 2003. Vol. 17, issue 2. P. 1 – 276.
4. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvocultural Concept as a Unit of Research. Methodological Problems of Cognitive Linguistics. Voronezh: VSU, 2001. 80 p.
5. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I., et al. How is the picture of the world reflected in language? The role of the human factor in language: language and picture of the world. Moscow: Nauka, 1988. P. 5 – 48.
6. Stepanov Yu.S. Constants: A dictionary of Russian culture. Moscow: School “Languages of Russian Culture,” 1997. 982 p.
7. Ibn Hazm The Dove’s Necklace: About Love and Lovers: Trans. from Arabic, Introduction and notes by A.R. Kudelin. Moscow: Nauka, 1997. 288 p.
8. Ahmad ibn Hanbal Musnad. edited by Ahmad Muhammad Shakir. Beirut: Dar al-Maarif, 1995. Vols. 1-6.

Информация об авторах

Магомедова С.И., кандидат филологических наук, Дагестанский государственный университет, sakinat.0111@gmail.com

Саруханова А.А.А., Дагестанский государственный университет, abdullazizovna2003@mail.ru

© Магомедова С.И., Саруханова А.А.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'33

Семантическая диффузия: лингво-синергетическое исследование кинодискурса

¹ Бутенко Е.В.,

¹ Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Аннотация: синергетический характер исследования кинотекста, а именно сопряжение лингвостилистических и междисциплинарных аспектов способствует всестороннему и более детальному изучению дискурса как открытой динамической системы. Понятия, заимствуемые из точных наук, не противоречат языковой специфике, а вносят существенную конкретику в описание и истолкование рассматриваемых явлений. Особое значение этот фактор приобретает в осмыслении и трактовании исследуемой темы – семантической диффузии и ее когнитивно-прагматического значения. Диффузность, то есть «недоопределенность», размытость речемыслительной деятельности является свойством, присущим естественному общению. Реализацией диффузности в высказываниях персонажей передаются значимые эксплицитно непроявленные смыслы и модальности. Неизбежное присутствие диффундирующих лингвостилистических структур и элементов в диалоге обуславливает необходимость их идентификации, типологизации и ситуативно-контекстуального истолкования. Отображение феномена семантической диффузии адекватными транслатологическими средствами способствует достижению эквивалентности восприятия кинотекста в языке принимающей культуры.

Ключевые слова: диффузность, диссипация, идиома, бином, эмерджентный, лингвостилистические средства

Для цитирования: Бутенко Е.В. Семантическая диффузия: лингво-синергетическое исследование кинодискурса // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 76 – 81.

Поступила в редакцию: 14 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Semantic diffusion: a linguo-synergetic study of cinematic discourse

¹ Butenko E.V.,

¹ St. Petersburg State Institute of Film and Television

Abstract: the synergistic nature of the cinematic text study, namely the convergence of linguistic-stylistic and interdisciplinary aspects, contributes to a comprehensive and more detailed examination of discourse as an open dynamic system. Concepts borrowed from the exact sciences do not contradict linguistic specificity; they rather introduce substantial preciseness in the description and interpretation of the phenomena under consideration. This factor gains particular importance in the understanding and analysis of the studied topic – semantic diffusion and its cognitive-pragmatic significance. Diffuseness, that is, the vagueness of speech-thought activity is a property inherent to natural communication. The realization of diffuseness in the characters' statements conveys explicitly unmanifested essential meanings and modalities. The inevitable presence of diffusing lingua-stylistic structures and elements in dialogue necessitates their identification and situational-contextual interpretation. Verbalizing the phenomenon of semantic diffusion by adequate translational means contributes to achieving an equivalent film text perception in the language of the receiving culture.

Keywords: diffuseness, dissipation, idiom, binomial, emergent, linguistic-stylistic means

For citation: Butenko E.V. Semantic diffusion: a linguo-synergetic study of cinematic discourse. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 76 – 81.

The article was submitted: July 14, 2025; Approved after reviewing: September 11, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Семантическая неоднозначность, диффузность, рассматриваемая как способность языковой единицы иметь и продуцировать различные смыслы, является свойством, которое обнаруживается в речевом употреблении. Размытость вербальной репрезентации определяется как имманентный, неотъемлемый признак повседневного общения, процессуальный параметр формирования и речевой реализации мысли. Диффузное употребление способно создать многомерный, разноуровневый контекст, отличающийся семантико-стилистической компликативностью и имплицитностью. Осмысление и интерпретация такого контекста, в частности в транслатологических целях, требует установления релевантных языковых средств, логико-дискурсивных связей, когнитивно-прагматических ориентиров и опор.

Материалы и методы исследований

Материалом теоретико-эмпирического исследования стали высказывания персонажей анимационного фильма *The Lion King. Hakuna Matata* (Король Лев. Акуна Матата), 2004, историко-драматического телесериала *Downton Abbey Episode # 3.1* (Аббатство Даунтон), 2022, боевика, детектива, драмы *NCIS: Naval Criminal Investigative Service: Chimera* (Морская полиция: спецотдел), 2007.

В соответствии с целью изучения – выявлением в кинодискурсе лингвостилистических средств и приемов создания семантической диффузии – методами исследования становятся описательный, структурный, семантико-когнитивный.

Результаты и обсуждения

Диффузность значения языковой единицы, ее реализация в речи

Природа диффузности, как отмечает А.В. Леонтьева, неизбежно наблюдается «в ментальном и языковом конструировании действительности, предполагающем как выбор слова, так и его восприятие и осмысление» [8, с. 104]. В лингвистическом толковании «семантическая диффузия» – это свойство смысловой размытости, разреженности языковой единицы или конструкции. Л.В. Ворониной термин «диффузность» трактуется «через понятия неопределенности, широкозначности, неоднозначности, недоопределенности» [3, с. 78].

Рассматривая диффузность как возможность и процесс смещения или «скольжения» значения в языковой единице, Е.В. Генералова подчеркивает в частности «связь явления семантической диффузности с полисемией» [4, с. 97]. Так, примером может служить высказывание персонажа анимационного фильма *The Lion King. Hakuna Matata* (Король Лев. Акуна Матата). Одной и той же упорядоченной последовательностью элементов *From Pride Rock to the pit of shame* могут быть реализованы разные смыслы: Со Скалы Гордыни в яму позора/ Со Скалы Предков в яму позора. Процесс размежевания – семантической диффузии – запускается полисемантической единицей *pride* в двухзвенной именной номинации *Pride Rock*. Амбивалентность прочтения порождена двойной семантикой лексемы *pride*: гордость/гордыня и стая (львов) [13, с. 211]. В границах многозначного слова, по мнению Л.М. Васильева, возможна «семантическая омонимия, то есть наличие значений, не имеющих общих компонентов, общей семантической части» [2, с. 142]. У лексем *pride* (стая львов) и *pride* (гордыня) отсутствует единый смыслообразующий компонент, но он может быть выделен на основе когнитивно-ассоциативных интерпретаций: царям зверей гордыня присуща.

В данном случае контекст не устраняет семантическое разночтение, а выполняет двойную функцию, реализуя авторский замысел «намеренной размытости содержания, его семантической диффузности» [6, с. 110]. Толкование топонима самими персонажами способствует скорее не снятию, а разъяснению «недоопределенности». Так, Тимон указывает на семантическую несостыковку в названии: “How can a rock be proud? It’s a rock!” (Как скала может быть гордой? Это же скала!). Прилагательное *proud* (гордый) является однокорневым существительному *pride*, оно образовано аблаутом/апофонией (изменением гласной в корне, то есть внутренней флексией). В истолковании фразы элемент *proud* становится исключительно значимым, что подчеркивается приемом «остранения» (от «странный»). Сочетаемый с одушевленными существительными в узуальном употреблении, в анализируемом примере он соотнесен с противоположной морфологической категорией и это делает его

смещенным эпитетом, стилистически релевантным. В реплике Пумбы звучит другое трактование: "I think, it's because a pride is what they call a group of lions" (Думаю, потому что «прайд» – так называется стая львов.)

Двоичность смысла ощутима в языке оригинала, где фраза *From Pride Rock to the pit of shame* может восприниматься и как нравоучительное изречение, сентенция; ее пословичный прототип – *Pride goes before a fall* (Гордыня предшествует падению). Поскольку «полисемия одного языка, как правило, не совпадает с полисемией другого» [7, с. 14], передача двойственности смысла фразы русскоязычному зрителю становится проблематичной. В итоге, в субтитрах представлен следующий вариант: «Со Скалы Предков в яму позора».

Диффузность дискурсивного сегмента

Семантическая размытость, неоднозначность может быть ингерентным, присущим конкретной единице свойством независимо от ее контекстуального окружения. Однако диффузные проявления языкового знака могут генерироваться контекстом, а именно его разреженностью, порождаемой, в частности, диссипативным (диссипация – лат. *dissipatio* рассеивание) [14, с. 169] характером речевого процесса.

Так, например, биномиальному сочетанию, квалифицируемому в качестве идиомы *Forgive and forget* (Понять и простить), свойственна прочная структурно-смысловая взаимосвязь компонентов и устойчивость. В контексте представляемой ситуации эта идиоматическая единица диффундирует, расщепляясь на свои составляющие. При этом в случаях функциональной замены конструкций с сохранением семантики, по наблюдениям Н.Д. Голева и А.В. Ирковой, отмечается «наличие смысловой диффузии в минимальной степени, так как смысл текста остается неизменным» [5, с. 8].

- Tom has been the victim of a cruel prank which I know you'll all be kind enough to forget. (Том стал жертвой жестокого розыгрыша, который всеми вами, надеюсь, забудется).

- Forgive, perhaps. Forget? Never. Is this true, Larry? (Простить, возможно. Забыть? Никогда. Верно, Ларри?)

- I don't know why you are getting so hot under the collar. He's only a grubby little chauffeur. (Не понимаю, почему ты так горячишься. Он ведь просто никудышный шоферишка).

/Downton Abbey Episode # 3.1 (2022)/

В динамичном стохастическом процессе коммуникации возникновение диффузии может

быть вызвано случайностью – включением эмерджентного элемента. Употребление лексемы *forget* в зачинной фразе, скорее, не подразумевало говорящим фразеологизированного бинорма. Появление компонента *forgive* в реагирующей реплике эмерджентно и объясняется наличием «устойчивых психо-когнитивных конструкций в сознании индивида» [9, с. 1649]. Иными словами, в восприятии говорящего первый компонент как бы вбирает в себя целый бинорм и элементы клишированного сочетания связываются воедино в силу ситуативной уместности и привычной употребительности. В итоге идентифицируется та схема, которая «фрактально-иерархически организовано, гомотопически подобно» [12, с.5] воспроизводит и сохраняет бинарный порядок. Помещенная в событийно-коммуникативный абрис высказывания, фразеологическая единица – бинорм *Forgive and forget* – становится ядром и выполняет «функцию когнитивного аттрактора» [10, с. 1375]. В моделируемом пространстве происходит осцилляция, колебание между фразеологическим и буквальным значением лексем; зарождаемый таким образом диффузный процесс носит подчеркнутый, намеренный характер экспрессивного наращивания. В восстанавливаемом бинорме синтаксически эквивалентные единицы *forgive* и *forget* воспринимаются как резко противопоставленные, мыслимые говорящим конкретно в прямом значении.

Формирование и формулирование речевых смыслов в диффузионном дискурсивном блоке вполне ожидаемо сопровождается определенными аксиологическими и модальными значениями. Так, фраза *I know you'll all be kind enough to forget* наделена модальностью оптиматива (складывающейся из семантики желательности и предположительности), включая имплицитный каузативный компонент «воздействия» на слушающих. Реагирующая парцеллированная реплика *Forgive, perhaps. Forget? Never* откликается модальностью делибератива (рассуждения, сомнения) и – наконец – резюмирующим *Never*, содержащим модальную характеристику уверенного знания. Таким образом в дискурсивном пространстве формируется комплексирование, при котором процессами диффузии и диссипации создается семантико-стилистическая многомерность.

Как замечает В.В. Химик, «диффузность, или содержательная энтропия, востребована языком и объясняется речевой потребностью говорящего» [11, с. 717] – вывод, в полной мере подтверждаемый диалогическим единством из

триллера, драмы NCIS: Naval Criminal Investigative Service: Chimera (Морская полиция: спецотдел), 2007:

– So did the Russians, and we've spotted their fishing trawlers in areas of the Bering Sea that aren't considered fishable. (Русские делали то же самое, и мы обнаружили их рыболовецкие траулеры в зонах Берингова моря, неразрешенных для рыболовства.)

– So, two wrongful fishing expeditions make a right? (Итак, из двух зол незаконного лова получается добро?)

– We're just trying to get our hands on the next generation of biological weaponry before our enemies do. (Мы просто хотим заполучить следующее поколение биологического оружия раньше, чем это сделает противник.)

– Do you file that under deception or hypocrisy? (Это что – обман или лицемерие?)

Пропозицией представлена ситуация, событийное содержание которой неоднозначно, размыто, диффузно. Отенок некоторой неопределенности замечен также в ответной реплике, ее вопросительно-уточняющей форме, выражающей негативную оценку происходящего: So, two wrongful fishing expeditions make a right? Действительно, провербиальной модификацией указывается на оспаривание или опровержение общеизвестной истины: two wrongs don't make a right. (Минус на минус – не всегда плюс/ Из двух зол добра не будет/ Две ошибки еще не правило). Единицы фразеологического фонда, пословицы в том числе, допускают, по утверждению Ю.Д. Апресяна, «всевозможные синтаксические перестройки, эксплуатирующие индивидуальные валентные свойства составляющих их слов» [1, с. 33]. Так, флуктуационные изменения, отклонения приводят к формульным различиям: ситуативно обусловленной инклюзией компонентов wrongful fishing expeditions создается развернутая номинализация. В результате флуктуации на морфологическом уровне лексема wrong, употребляемая в качестве имени существительного в конвенциональной пословичной форме, присоединяет в трансформе суффикс

прилагательного – ful, изменяя тем самым и категориальную принадлежность, и семантику словоформы: wrongful означает «неправомерный», «незаконный».

Некоторая степень диффузности, зыбкости суждения ощущается в объяснительной фразе: We're just trying to get our hands on the next generation of biological weaponry before our enemies do. При этом в качестве реакции звучит абсолютно определенный, четко сформулированный альтернативный, бифуркационный вопрос: Do you file that under deception or hypocrisy? Чтобы ответить на него, преодолеть точку бифуркации (смыслового ветвления), собеседнику придется отказаться от кажущейся расплывчатости, «удобной» диффузности и нечеткости границы между понятиями, в основе которых – ложь, только разной направленности.

Выводы

В прагматико-ориентированном ракурсе явление семантической диффузии понимается как конвергенция содержательно-когнитивного, модального и аксиологического аспектов речемыслительной деятельности. Многомерным коммуникативным блоком отражается специфика естественного речевого общения, его размытость, некоторая степень неопределенности. Синергетический подход способствует более четкому и детализированному выявлению и описанию разноуровневых языковых средств, транслирующих семантику диффузности. В частности, как показывают результаты исследования, диффузионное свойство способны проявить полисемантические единицы, а также контекстуально модифицируемые устойчивые выражения фразеологического характера. Диффундирующими ориентирами при этом могут быть использование осцилляции прямого и переносного значений, аддитивные и эмерджентные элементы, различного рода флуктуации, отклонения от узуальных способов употребления. Проводимое лингво-синергетическое изучение видится актуальным и перспективным в теории и практике перевода.

Список источников

1. Апресян Ю.Д. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1971 № 1. С. 23 – 36.
2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Либроком, 2009. 192 с.
3. Воронина Л.В. Факторы семантической диффузности в синтаксических конструкциях цели // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2017. № 3 (59). С. 77 – 86.
4. Генералова Е.В. О диффузности семантики как свойстве лексико-семантической системы старорусского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 7. С. 95 – 101.

5. Голев Н.Д., Иркова А.В. Смысловая диффузия как семасиологическая, конфликтологическая и лингвоюридическая категория в цифровом измерении // Вестник Волгоградского государственного университета. 2025. Т. 24. № 1. С. 5 – 14.
6. Жуков А.В., Жуков К.А. Семантика неопределенности (О словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 25. С. 106 – 111.
7. Коваль В.И., Амагов А.М., Кураш С.Б. Эволюция естественного языка: механизмы диссипации и самоорганизации // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. № 2. С. 10 – 18.
8. Леонтьева А.В. Проблемы семантической диффузности (на примере научного лингвистического текста) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3 (040). С. 104 – 110.
9. Мильгунов Д.С. Системные сбои синергетической модели коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 4. С. 1647 – 1653.
10. Седых А.П., Акимова Э.Н., Машкова Л.А. Фразеологические корреляции, история и лингвокультура: русский, французский и английский языки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 4. С. 1371 – 1381.
11. Химик В.В. Диффузное варьирование слов, значений и формантов в русской разговорно-обиходной речи // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 717 – 720.
12. Черкашин А.К. Метатеоретическое семиотическое моделирование в науке и технике // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2022. № 2 (26). С. 5 – 23.
13. Большой англо-русский словарь в 2-х т. / общ. ред. и сост. И.Р. Гальперин. М.: Русский яз. 1988. Т. II. 1072 с.
14. Словарь иностранных слов. 9-е изд. / общ. ред. и сост. А.Г. Спиркин. М.: Русский яз., 1982. 608 с.

References

1. Apresyan Yu.D. On Some Controversial Issues in Semantics Theory. Problems of Linguistics. Moscow: Nauka, 1971. No. 1. P. 23 – 36.
2. Vasiliev L.M. Modern Linguistic Semantics. Moscow: Librokom, 2009, 192 p.
3. Voronina L.V. Factors of Semantic Diffuseness in Syntactic Constructions of Purpose. Bulletin of the North-Eastern Federal University. 2017. No. 3 (59). P. 77 – 86.
4. Generalova E.V. On the Diffuseness of Semantics as a Property of the Lexical-Semantic System of the Old Russian Language. Scientific Notes of Petrozavodsk State University. 2024. Vol. 46. No. 7. P. 95 – 101.
5. Golev N.D., Irkova A.V. Semantic diffusion as a semasiological, conflictological, and lingualegal category in the digital dimension. Bulletin of Volgograd State University. 2025. Vol. 24. No. 1. P. 5 – 14.
6. Zhukov A.V., Zhukov K.A. Semantics of uncertainty (On words and phraseological units with vague and broad meaning). Bulletin of Novgorod State University. 2003. No. 25. P. 106 – 111.
7. Koval V.I., Amatov A.M., Kurash S.B. Evolution of natural language: mechanisms of dissipation and self-organization. Research result. Issues of theoretical and applied linguistics. 2015. No. 2. P. 10 – 18.
8. Leontyeva A.V. Problems of semantic diffuseness (on the example of scientific linguistic text). Issues of cognitive linguistics. 2014. No. 3 (040). P. 104 – 110.
9. Milgunov D.S. Systemic failures of the synergetic communication mode. Philological sciences. Issues of theory and practice. 2025. Vol. 18. Issue 4. P. 1647 – 1653.
10. Sedykh A.P., Akimova E.N., Mashkova L.A. Phraseological correlations, history and linguaculture: Russian, French and English languages. Philological sciences. Theory and Practice. 2025. Vol. 18. Issue 4. P. 1371 – 1381.
11. Khimik V.V. Diffuse Variation of Words, Meanings, and Formants in Russian Colloquial Speech. Bulletin of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2011. No. 6 (2). P. 717 – 720.
12. Cherkashin A.K. Metatheoretical Semiotic Modeling in Science and Technology. Information and Mathematical Technologies in Science and Management. 2022. No. 2 (26). P. 5 – 23.
13. Comprehensive English-Russian Dictionary in 2 volumes. general editor and compiler I.R. Galperin. Moscow: Russian language. 1988. Vol. II. 1072 p.
14. Dictionary of foreign words. 9th ed. general ed. and comp. A.G. Spirkin. M.: Russian language, 1982. 608 p.

Информация об авторе

Бутенко Е.В., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, elena.butenko.54@mail.ru

© Бутенко Е.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.521

Лингвистическая специфика заголовков как инструмента формирования читательской позиции

¹ Середенко В.М., ¹ Вьюнов А.С.,

¹ Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ

Аннотация: статья посвящена анализу лингвистических особенностей заголовков японских новостных СМИ как инструмента формирования позиции читателя. Объектом анализа является освещение мероприятий, посвящённых 80-летию Победы в Великой Отечественной войне в России, японскими СМИ в период с 4 по 9 мая 2025 года. Цель исследования заключается в выявлении языковых стратегий и тактик, посредством которых крупнейшие национальные издания NHK, Asahi Shimbun и Sankei Shimbun формируют интерпретационные рамки события и побуждают читателя принять транслируемые идеологические установки. Эмпирическим материалом послужили более тридцати онлайн-публикаций указанных СМИ, применялись методы критического дискурс-анализа, прагмалингвистического и семантического анализа.

В ходе исследования было выявлено, что японские заголовки сочетают информативную, катафорическую и персуазивную функции; их манипулятивный потенциал реализуется через эллиптичность синтаксиса, импликации, пресуппозиции и культурно-маркированный лексический выбор. NHK в ходе освещения мероприятий акцентировало внимание на угрозе атак беспилотников, формируя тревожный эмоциональный фон; Asahi сочетала дипломатическую повестку с темой безопасности, усиливая драматизм количественными гиперболами; Sankei сфокусировалась на геополитическом измерении, отмечая противостояние России и США с одновременным сближением России и КНДР. Тем самым все три издания смещают фокус с коммеморативного характера события на политический контекст и формируют у читателя образ Дня Победы как политического события, используемого различными субъектами в своих интересах.

Научная новизна работы заключается в комплексном описании механизмов скрытого идеологического воздействия при помощи заголовков в медиадискурсе Японии и сопоставлении используемых для этого тремя национальными медиа Японии микролингвистических приёмов.

Ключевые слова: заголовок, СМИ Японии, медиалингвистика, манипуляция, критический дискурс-анализ, 80-летие Победы, Великая Отечественная война, Россия

Для цитирования: Середенко В.М., Вьюнов А.С. Лингвистическая специфика заголовков как инструмента формирования читательской позиции // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 82 – 89.

Поступила в редакцию: 14 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Linguistic specifics of headlines as a tool for forming a reader's position

¹ Seredenko V.M., ¹ Vyunov A.S.,

¹ Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract: the article is devoted to the analysis of the linguistic features of the headlines of the Japanese news media as a tool for shaping the reader's position. The object of the analysis is the coverage of events dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War in Russia by the Japanese media in the period from May 4 to May 9, 2025. The purpose of the study is to identify the linguistic strategies and tactics through which the largest national publications NHK, Asahi Shimbun and Sankei Shimbun form the interpretative framework of the event and encourage the reader to accept the transmit-

ted ideological attitudes. Empirical material was provided by more than thirty online publications of these media outlets, using methods of critical discourse analysis, pragmalinguistic and semantic analysis.

The study revealed that Japanese headlines combine informative, cataphorical, and perceptual functions; their manipulative potential is realized through elliptical syntax, implication, presupposition, and culturally marked lexical choice. NHK, during its coverage of the events, focused on the threat of drone attacks, forming an alarming emotional background; Asahi combined diplomatic news with the topic of security, enhancing the drama with quantitative hyperbole; Sankei focused on the geopolitical dimension, noting the confrontation between Russia and the United States with the simultaneous rapprochement of Russia and the DPRK. Thus, all three editions shift the focus from the commemorative nature of the event to the political context and form the reader's image of Victory Day as a political event used by various actors in their interests.

The scientific novelty of the work consists in a comprehensive description of the mechanisms of hidden ideological influence using headlines in Japanese media discourse and a comparison of microlinguistic techniques used by three national media of Japan for this purpose.

Keywords: headline, Japanese media, media linguistics, manipulation, critical discourse analysis, 80th anniversary of Victory, Great Patriotic War, Russia

For citation: Seredenko V.M., Vyunov A.S. Linguistic specifics of headlines as a tool for forming a reader's position. *Philological Bulletin*. 2025. 4 (5). P. 82 – 89.

The article was submitted: July 14, 2025; Approved after reviewing: September 12, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Заголовок новостной статьи традиционно рассматривается как ключевой элемент медиатекста, который формулируется так, чтобы привлечь внимание адресата, заинтересовать его и побудить прочитать материал. Заголовок выделяет главные смысловые компоненты и определяет направление дальнейшей интерпретации содержания читателем. Тем самым заголовок выполняет информативную и конативную функции: с одной стороны, сообщает основную информацию (тематику и суть новости), а с другой привлекает внимание и побуждает к прочтению, убеждая читателя в значимости материала. Кроме того, в 1983 году в работе «Стратегии понимания дискурса» Т.А. ван Дейк и В. Кинч выделили катафорическую функцию заголовка: «...понимание заголовка новостной статьи или названия статьи уже дает полезные гипотезы об общем значении (семантической макроструктуре) текста» [11]. Однако современные исследователи заявляют о том, что эффективный заголовок также выполняет персуазивную функцию, направленную на активное воздействие на читателя. Так, А. Кронрод и А. Энгель отмечают, что заголовок должен не только предоставлять читателю основную информацию, содержащуюся в статье, но и убеждать его прочитать всю статью. Описывая заголовки, они утверждают, что «заголовок является началом и самой важной частью статьи, а поэтому заголовки имеют особый стиль: они характеризуются плотностью информации, содержат смелые выражения, преувеличения, поляризацию, провокационные формулировки и выделяются более крупным шрифтом, а иногда и цветом» [9]. Стремясь привлечь максимальное внимание аудитории, авторы и редакторы нередко прибегают к

особым языковым стратегиям, которые можно охарактеризовать как манипулятивные. И.Р. Гальперин утверждает, что заголовок – «это компрессированное, нераскрытое содержание текста, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [2]. Подобный тезис позволяет предположить, что в эпоху, когда современный читатель зачастую оценивает событие по заголовку в СМИ, заголовок, являясь частью большей системы, т.е. текста, обладает наибольшим манипулятивным потенциалом. В то же время А.А. Амзин и Н.А. Фатеева [1, 7] говорят о том, что заголовки представляют собой коммуникативное целое, самостоятельное от других систем и не всегда зависящее от дополнительных текстовых элементов.

Манипулятивный потенциал заголовка обусловлен ограниченностью его объема при необходимости привлечения как можно большего внимания читателей. Кроме того, манипулятивный потенциал проявляется и на прагматическом уровне – через импликации и пресуппозиции. Заголовок может подразумевать некоторые оценки или факты, при этом заставляя читателя делать самостоятельные выводы. Еще одна характерная особенность заголовков – их эллиптичность. Заголовки пишутся в телеграфном стиле: опускаются служебные слова, часто отсутствуют сказуемые, в результате чего заголовок превращается в сжатый список ключевых слов. Все эти приёмы – от лексического выбора до умолчаний – формируют у читателя определенный ракурс восприятия новости и могут использоваться для манипуляции мнением до ознакомления с полным текстом. Помимо перечисленных функций, заголовок несет еще и

значительную дискурсивную нагрузку в тексте СМИ. Он задает рамки повествования, выделяя центральную тему и фокусируя внимание на тех аспектах события, которые издание считает существенными. В политическом новостном дискурсе заголовки часто становятся ареной для выражения идеологических позиций и рамок интерпретации. В рамках критического дискурс-анализа отмечается, что медиа способны транслировать свои скрытые установки, например, критику власти, консервативные или либеральные ценности, драматизировать или сглаживать конфликт посредством выбора слов и логического построения заголовков.

Материалы и методы исследований

Отдельного внимания заслуживает национально-культурная специфика реализации перечисленных явлений в японских новостных медиа. В настоящем исследовании применены методы критического дискурс-анализа, а также семантического и прагматического анализа. Теоретической основой послужили работы Т.А. ван Дейка, А. Кронрода, А. Энгеля, И.Р. Гальперина, А.А. Амзина и Н.А. Фатеевой.

Японский язык позволяет опускать подлежащие и даже сказуемые, что активно используется в заголовках: значительная часть заголовков представляет собой неполные предложения, оканчивающиеся на существительные или частицы. Смысловая насыщенность и отрывочность японских заголовков требуют от читателя хорошего знания контекста: подразумевается, что адресат знаком с темой и «восстановит» недостающие звенья фразы. Кроме того, культурные нормы Японии влияют и на степень выразительности заголовков: в японской качественной прессе (такой как Asahi Shimbun или NHK News) традиционно принято избегать чрезмерной эмоциональности и агрессивной лексики в новостных заголовках, особенно на политические темы. Наконец, нельзя не отметить влияние общего медийного контекста Японии на прагматику заголовков. Японские новостные сайты и агрегаторы (Yahoo News Japan и др.) активно используют в заголовках короткие фразы или даже одиночные слова, понятные только в сочетании с предыдущими сообщениями. Это создает эффект серии заголовков, совместно рассказывающих развивающуюся историю. Читатель привыкает следить за новостной повесткой через подобные заголовочные ленты, где каждый новый заголовок добавляет штрих к общему нарративу.

Таким образом, заголовок несёт на себе значительную идеологическую нагрузку и задаёт тон всему повествованию, вписывая частное событие в более широкий контекст медийного дискурса. Учитывая вышесказанное, можно предположить,

что газетные заголовки играют существенную роль в формировании позиции читателя. Фактически заголовок выступает первым и зачастую решающим фильтром восприятия: через него адресат знакомится с событием и нередко именно на основе заголовка выстраивает своё первоначальное отношение к новости, а значит и к событию, которое эта новость описывает.

Результаты и обсуждения

Для анализа нами были выбраны материалы крупных национальных СМИ Японии, посвященные празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне в России. Мы проанализировали, как освещали это событие интернет-издания NHK, Asahi и Sankei.

Выбор изданий для анализа сообщений не случаен. Телерадиокомпания NHK в Японии выполняет роль основного источника официальной информации и экстренных сообщений, а ее особенностью является система финансирования. Финансирование издания осуществляется исключительно за счет абонентской платы, которую вносят все владельцы телевизоров и устройств, способных принимать сигнал NHK. Такая система обеспечивает отсутствие рекламы, а также направлена на обеспечение независимости от коммерческих и политических интересов. Asahi является либеральным левоцентристским изданием, известным расследованиями и критикой власти. Sankei занимает право-консервативную националистическую позицию, активно поддерживает традиционные ценности, выступает за усиление обороны Японии, а также критически относится к Китаю и Северной Корее. Согласно ежегодному отчету Института изучения журналистики Рейтер за 2024 год, NHK доверяют 59% пользователей, 13% не доверяют, Asahi пользуется доверием 44% пользователей, не доверяют изданию 20%, Sankei вызывает доверие у 42% пользователей, 15% заявляют о своем недоверии [10].

Национальные СМИ Японии внимательно следят за развитием обстановки вокруг специальной военной операции ВС РФ на Украине, что характеризуется ежедневным появлением новостных сообщений на эту тему, а также присутствием на ряде сайтов интернет-изданий, включая NHK и Asahi, отдельных разделов, посвященных специальной военной операции на Украине. Мероприятия, посвященные Дню Победы в России, выбранные для анализа национальные СМИ Японии поместили в раздел, посвященный СВО. Рассмотрим, как СМИ Японии представили эти мероприятия в национальном информационном пространстве.

Освещение праздничных мероприятий, посвященных 80-летию Победы в Великой Отечествен-

ной войне, все издания начали заранее. Так, на сайте NHK первая новость, посвященная праздничным мероприятиям, датирована 4 мая и освещает парад учащихся начальных классов во Владивостоке: «Парад учащихся младших классов во Владивостоке в преддверии Дня Победы» – «ロシア 戦勝記念日を前にウラジオストクで小学生がパレード» [13]. Данный заголовок нейтрален, носит информативный характер, на наш взгляд, факт выбора мероприятия для освещения подчеркивает символичность участия детей в патриотических мероприятиях, приуроченных ко Дню Победы. Через несколько дней, 6 мая, вышла следующая новость с заголовком: «Россия усиливает меры безопасности перед Днём Победы из-за атаки беспилотников на Москву» – «ロシア 戦勝記念日前に モスクワへの無人機攻撃で警戒強める» [13]. Заголовок в этом случае так же нейтрален, не содержит каких-либо тропов, однако, учитывая участие иностранных лидеров в праздничных мероприятиях, факт упоминания атак БПЛА на Москву для отдаленной японской аудитории призван создать ощущение небезопасности мероприятий, проводимых на главной площади России для всех, кто в них принимает участие. С 7 мая началось активное освещение мероприятий: трехдневное прекращение огня, объявленное Президентом России, прибытие иностранных лидеров, репетиции парада и сам парад. «Россия в одностороннем порядке объявила о «трехдневном перемирии», но до его начала продолжаются взаимные обстрелы» – «ロシア 一方的に宣言“3 日間停戦” 前に攻撃の応酬続く» [13] – таким сообщением NHK впервые рассказали своим читателям о мирной инициативе со стороны России. Данный заголовок построен по формуле контраста: с одной стороны, он рассказывает о перемирии, объявленном Россией, а с другой отмечает продолжение боевых действий. Продолжение боевых действий до начала действия перемирия очевидно, так как специальная военная операция продолжается, а значит вторая часть заголовка для информирования читателя о мирной инициативе, на наш взгляд, необязательна. Напрашивается вывод, что вторая часть подобрана неслучайно и нацелена «оттенить» мирные намерения Российской Федерации.

Интернет-издание Asahi начало освещение праздничных мероприятий 4 мая с новости о прибытии Си Цзиньпина в Москву: «Си Цзиньпин 7-го числа отправится с официальным визитом в Россию для участия в мероприятиях по случаю 80-летия Победы» – «習近平氏、7 日からロシア公式訪問へ 「戦勝 80 年」 記念行事に出席» [12]. Данный заголовок выполнен в характерном офи-

циальном стиле, подчеркивает дипломатическую важность визита лидера крупной державы Азиатско-Тихоокеанского региона, политического конкурента Японии, для участия в символических мероприятиях. После фамилии китайского лидера употреблен суффикс «氏» – *shi* – «господин/госпожа», который используется в новостях, особенно в отношении глав государств и официальных лиц, является более нейтральным и формальным, чем «さん» – *san* – «господин/госпожа», но менее официальным, чем «様» – *sama* – «господин/госпожа». Вечером 6 мая на сайте газеты появилось сообщение: «ВС КНДР не примут участие в параде в честь 80-летия Победы в России, возможно, по дипломатическим соображениям в отношении других стран» – «ロシア戦勝 80 年パレード、北朝鮮軍は参加せず 他の出席国に配慮か» [12]. Частица «~か», употребленная в новостном заголовке, придает ему информационно-аналитический характер, отражает неофициальное, но логичное предположение. Лексическая единица «配慮» – *hairyo* – «забота, внимательность – проявление внимания к другим, учет их интересов и обстоятельств. Примеры употребления: «учитывать позицию собеседника»» [8] – отражает японскую склонность к непрямому, уважительному и гармоничному стилю общению, его сила – в мягкости, двусмысленности и способности скрыть напряженные аспекты ситуации за фасадом вежливости. Утром 7 мая на сайте Asahi вышла новость с заголовком: «Атаки дронов на Россию продолжаются – в аэропортах хаос накануне 80-летия Победы» – «ロシアへのドローン攻撃が止まらず 空港混乱、戦勝 80 年式典を前に» [12]. Заголовок с одной стороны информативный, но с другой – эмоциональный, выражающий некоторую долю тревоги. Он подчеркивает продолжающиеся атаки дронов, преувеличивает их последствия (空港混乱 – «хаос в аэропортах»), а его вторая часть, привязывающая атаки дронов к предстоящим праздничным мероприятиям, и вовсе заставляет читателя думать о нависшей опасности над торжественной частью. Следующая новость вышла вечером 7 мая, на наш взгляд, усиливая эффект от предыдущей, с заголовком: «Крупнейшая за всё время атака дронов на территорию России – массовые закрытия аэропортов, затронуто более 60 тысяч человек» – «ロシア側へ過去最大級ドローン攻撃相次ぐ空港閉鎖、6 万人超に影響» [12]. Заголовок подчеркивает беспрецедентность атаки «過去最大級ドローン攻撃» – «крупнейшая за все время атака дронов», а также последствия для большого количества людей (приведена цифра в 60 тысяч человек без ссылки на источник). Данное сообщение связано с утренней новостью, в содержании упоминаются торжественные мероприятия, посвященные празднованию 80-летия Победы, что позволяет предположить о тиражировании рядом СМИ Японии тезиса о том, что

«праздничные мероприятия в России, посвященные Дню Победы, небезопасны».

Сайт газеты Sankei отличается от сайтов NHK и Asahi тем, что на нем отсутствует отдельный раздел, освещающий ход боевых действий в зоне специальной военной операции. Новости, относящиеся к России и Европе, публикуются в разделе международной деятельности. Первое сообщение, отражающее подготовку к праздничным мероприятиям, вышло 6 мая с заголовком: «Лидеры более чем 25 стран и военные из 13 государств примут участие в мероприятиях, посвященных 80-летию Победы России над Германией» – «25 カ国超の首脳、13 カ国の軍隊出席へ ロシアの対ドイツ戦勝 80 年式典» [14]. Заголовок носит официальный информационный характер, создает образ широкомасштабного торжественного события с политическим контекстом. В тот же день вышла еще одна новость: «Путин и Си Цзиньпин проведут переговоры 8-го числа, что станет первой личной встречей в текущем году, планируется подписание совместного заявления» – «プーチン氏と習近平氏が 8 日に会談 今年初の直接会談、共同声明を署名へ» [14]. Официально-нейтральный заголовок в стиле международных новостей подчеркивает важность встречи (今年初の – *kotoshi-hatsu no* – «первая в этом году»), а также высокий уровень контакта (直接会談 – *chokusetsu kaidan* – «личные переговоры»). 7 мая Sankei опубликовала сообщение: «Северная Корея не участвует в военном параде в России – возможные причины: непривычность для Ким Чен Ына и ухудшение отношений с Китаем» – «北朝鮮がロシア軍事パレード不参加 金正恩氏の不慣れ、対中関係悪化背景か» [14]. Заголовок носит нейтрально-аналитический стиль, с одной стороны, сообщает факт отсутствия Северной Кореи на параде, что выглядит несколько обобщенно, а с другой – добавляет возможные объяснения с осторожной формулировкой при помощи вопросительной частицы «~か» – *ka*. Такой прием помогает читателю понять, что причин официально не заявлено, но есть некие аналитические предположения. Содержание новости раскрывает понятие «不慣れ» – *funare* – «неопытность, непривычность», употребленное в заголовке в отношении лидера Северной Кореи. Авторы новости предполагают, что отсутствие Ким Чен Ына на торжественных мероприятиях вызвано тем, что он не привык посещать мероприятия, на которых присутствуют лидеры многих стран. В тот же день вышла еще одна новость, посвященная международной деятельности России на фоне праздничных мероприятий, «Си Цзиньпин сегодня по-

сетит Россию – 8-го числа состоится встреча с Путиным, ожидается укрепление сотрудничества на фоне противостояния с США» – «習近平氏、きょうロシア訪問 8 日に首脳会談 米国にらみプーチン氏と連携強化へ» [14]. Заголовок нейтрален, без эмоционально-окрашенных слов, что характерно для СМИ Японии, однако, представляет интерес включение словосочетания «米国にらみ» – *beikoku nirami* – «с оглядкой на США», «наблюдая за реакцией США», что придает новости геополитический оттенок. Речь идет уже не просто о визите, а о встрече, представляющей собой стратегическую важность. Толковый словарь японского языка Daijirin дает следующие определения ключевой лексической единицы анализируемого словосочетания «にらむ»: 1) пристально впиться строгим взглядом; 2) напряженно, полностью сконцентрировавшись всматриваться; 3) взять под наблюдение как подозрительный элемент; включить в список лиц, требующих особого внимания. Однако в политическом контексте данная единица может принимать значения «иметь ввиду как оппонента», «держаться в поле зрения».

Таким образом, издания, сообщения которых мы анализировали, сконцентрировали внимание своей аудитории преимущественно на трех темах: «угроза атак БПЛА», «отношения России и Китая на фоне официального визита Си Цзиньпина в Россию», «причины отсутствия ВС КНДР на параде» но в зависимости от темы, выбранной для освещения праздничных мероприятий на начальном этапе, разделились. Сообщения NHK на начальном этапе носили информативный характер с долей негатива в адрес России, акцент был сделан на угрозе атак дронов во время праздничных мероприятий. Asahi начала освещать праздничные мероприятия с акцентом на международные отношения, рассказала о прибытии Си Цзиньпина в Москву, заставила читателей задуматься о возможной причине отсутствия ВС КНДР на параде, но затем так же, как NHK, поставила во главу угла тему небезопасности мероприятий, ввиду угрозы БПЛА. Sankei сделала акцент на международной деятельности: с первых дней занялась активным освещением визита председателя КНР в Россию, а также затронула тему отсутствия Ким Чен Ына на торжественных мероприятиях в Москве. Рассмотрим, как издание NHK, пользующиеся наибольшим доверием у своих читателей в сравнении с другими онлайн-СМИ, выбранными для анализа, подошла к освещению событий в дальнейшем.

Как мы писали ранее, с 7 мая в СМИ Японии началось активное освещение мероприятий, посвященных 80-й годовщины Победы в Великой

Отечественной войне. Нами рассмотрены и представлены в хронологическом порядке наиболее яркие новости в период до 9 мая включительно.

Интернет-издание NHK публиковало новости со следующими заголовками:

«Председатель КНР Си прибыл в Россию, планирует переговоры с Президентом Путиным, возможно, для подтверждения сотрудничества» – «中国 習主席 ロシア到着 プーチン大統領と会談へ連携を確認か» [13].

Президент России объявил трехдневное перемирие в дни 80-летней годовщины Победы в период с нуля часов 8 мая до нуля часов 11 мая, но при этом в случае нарушений перемирия украинской стороной за Вооруженными силами РФ было сохранено право «адекватного и эффективного ответа» [6]. Украинская сторона его отвергла, о чем и написали в NHK:

«Россия в одностороннем порядке объявила о начале трёхдневного перемирия – Украина отвергла предложение» – «ロシアが一方的に発表“3日間停戦”開始 ウクライナ側は反発» [13].

Известно, что ВСУ нарушили объявленное Россией перемирие 5026 раз [5]. Однако японские СМИ факт нарушения перемирия Украиной не освещают, вместо этого публикуют следующее сообщение:

«Украина обвинила Россию в нанесении удара во время одностороннего перемирия: есть погибшие и раненые – глава МИД Украины выступил с осуждением» – «ウクライナ“ロシア 一方的停戦中に爆撃で死傷者” 外相が非難» [13].

Вызывает интерес и новость, которую публикует бывшая страна «оси», в которой действующий президент другой бывшей страны «оси» называет страну-потомка победителей фашизма «агрессором»:

«Президент Германии выступил с осуждением Президента Путина: «Бывший Советский Союз стал новым агрессором»» – «独大統領“旧ソビエトが新たな侵略者に”プーチン大統領を非難» [13].

Далее тон сообщений немного смягчается, издание переключается на освещение мирных инициатив и международной деятельности:

«Ожидается участие лидеров более 20 стран в церемонии ко Дню Победы в России» – «ロシア「戦勝記念日」式典に 20 か国以上の首脳 出席の見通し» [13].

«Президент Трамп призвал Россию и Украину объявить 30-дневное прекращение огня без предварительных условий» – «トランプ大統領 “ロシアとウクライナ 30 日間無条件停戦を”» [13].

«Россия и Украина обвиняют друг друга в продолжении атак – возможно ли перемирие?» – «ロ

シア ウクライナ 双方が相手の攻撃継続を主張 停戦実現は?» [13].

Однако долго удерживать миролюбивый тон у NHK не получается и сообщения вновь начинают приобретать агрессивный характер:

«Россия оправдывает вторжение в Украину на церемонии ко Дню Победы при участии лидеров других стран» – «ロシア 戦勝記念日式典 ウクライナ侵攻正当化 各国首脳も出席» [13].

«Встреча ЕС и партнёров: планируется учреждение специального суда по делу российской агрессии» – «ロシアの「ウクライナ侵略罪」追及 特別法廷設置へ EU など会合» [13].

Новостная лента NHK за 9 мая завершается новостью о рукопожатии Президента Путина и высокопоставленного северокорейского офицера, что символизирует, по мнению издания, сближение России и Северной Кореи:

«Путин пожал руку высокопоставленному военному КНДР, демонстрируя сближение двух стран» – «プーチン大統領 北朝鮮軍幹部と握手 両国の接近ぶり印象付け» [13].

Выбор темы завершающей новости, подводящей итог в освещении праздничных мероприятий не случаен. В Японии подобная новость, на наш взгляд, может быть рассмотрена как тревожный сигнал, способный негативно отразиться на отношении японских граждан к России. Объясняется это двусторонними отношениями Северной Кореи и Японии. Согласно исследованию Дьячкова И.В., отношения между упомянутыми двумя странами «деградировали настолько, что существуют лишь в форме обмена историко-политическими претензиями» [3].

Выводы

Анализ заголовков, посвященных праздничным мероприятиям по случаю Дня Победы в России, в некоторых СМИ Японии показал, что в заголовках отражена не только культурно-языковая традиция японской журналистики, но и с их помощью издания транслируют свою идеологическую позицию, формируя определенное восприятие событий у читателей.

Несмотря на сдержанный стиль подачи заголовков, анализируемые СМИ, на наш взгляд, через лексический выбор, структуру фраз и контекстуальные отсылки заставляют читателя воспринимать День Победы в России не как торжественное событие мирового масштаба, ознаменовавшее героическую победу советского народа над фашизмом, а как политическое событие, часть напряженной международной обстановки, где Россия, с одной стороны, выступает инициатором мира, а с другой продолжает оставаться объектом для критики.

Список источников

1. Амзин А.А. Новостная интернет-журналистика. Москва: Аспект Пресс, 2011. 144 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука, 1981. 138 с.
3. Дьячков И. В. Современные японо-северокорейские отношения: между стагнацией и напряженностью // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 5. С. 84 – 93.
4. Интервью с Т.А. ван Дейком // Open Edition Journals URL: <https://journals.openedition.org/asp/9211> (дата обращения: 30.05.2025)
5. Минобороны: ВСУ нарушили перемирие ко Дню Победы 5026 раз // Российская газета URL: <https://rg.ru/2025/05/09/minoborony-vsu-narushili-peremirie-ko-dniu-pobedy-5026-raz.html> (дата обращения: 30.05.2025)
6. По решению Президента России в дни 80-летия Победы российская сторона объявляет перемирие // Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76807> (дата обращения: 30.05.2025)
7. Фатеева Н.А. Заглавие и текст в русской поэзии конца XX века: параллельная динамика // Текст. Интертекст. Культура: сб. докл. междунар. научн. конф. (Москва, 4-7 апр. 2001 г.) / ред.-сост. В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева. Москва: Российская академия наук, Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова, 2001. С. 395 – 411.
8. Daijirin [Электронный ресурс] / MONOKAKIDO Co. Ltd. Вер. 4.2.3. Tokyo: MONOKAKIDO Co. Ltd., 2008. – Доступно через App Store.
9. Kronrod A., Engel A. «Accessibility theory and referring expressions in newspaper headlines» // Journal of Pragmatics. 2001. № 33. P.685 – 686. DOI: 10.1016/S0378-2166(00)00013-8
10. Reuters Institute Digital News Report 2024 / Nic Newman et al. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism, University of Oxford, 2024. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/>
11. van Dijk T.A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press, 1983. 413 с.
12. Интернет-портал // Asahi URL: www.asahi.com
13. Интернет-портал // NHK URL: www3.nhk.or.jp
14. Интернет-портал // Sankei URL: www.sankei.com

References

1. Amzin A.A. “Online News Journalism.” Moscow: Aspekt Press, 2011. 144 p.
2. Galperin I.R. “Text as an Object of Linguistic Research.” Moscow: Nauka, 1981. 138 p.
3. Dyachkov, I.V. “Modern Japanese-North Korean Relations: Between Stagnation and Tension.” Vostok. Afro-Asian Societies: History and Modernity. 2020. No. 5. P. 84 – 93.
4. Interview with T.A. van Dijk. Open Edition Journals URL: <https://journals.openedition.org/asp/9211> (date of access: 30.05.2025)
5. Ministry of Defense: The Ukrainian Armed Forces violated the ceasefire on Victory Day 5,026 times. Rossiyskaya Gazeta URL: <https://rg.ru/2025/05/09/minoborony-vsu-narushili-peremirie-ko-dniu-pobedy-5026-raz.html> (date of access: 30.05.2025)
6. By decision of the President of Russia, the Russian side declares a ceasefire on the days of the 80th anniversary of Victory. President of Russia URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76807> (date of access: 30.05.2025)
7. Fateeva N.A. Title and Text in Russian Poetry of the Late Twentieth Century: Parallel Dynamics. Text. Inter-text. Culture: Coll. Reports of the International Scientific Conf. (Moscow, April 4-7, 2001). Ed. V.P. Grigoriev, N.A. Fateeva. Moscow: Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language, 2001. P. 395 – 411.
8. Daijirin [Electronic resource]. MONOKAKIDO Co. Ltd. Ver. 4.2.3. Tokyo: MONOKAKIDO Co. Ltd., 2008. – Available via the App Store.
9. Kronrod A., Engel A. “Accessibility Theory and Referring Expressions in Newspaper Headlines”. Journal of Pragmatics. 2001. No. 33. P. 685 – 686. DOI: 10.1016/S0378-2166(00)00013-8
10. Reuters Institute Digital News Report 2024. Nic Newman et al. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism, University of Oxford, 2024. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/>
11. van Dijk T.A., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. New York: Academic Press, 1983. 413 pp.
12. Internet portal. Asahi URL: www.asahi.com
13. Internet portal. NHK URL: www3.nhk.or.jp
14. Internet portal. Sankei URL: www.sankei.com

Информация об авторах

Середенко В.М., старший преподаватель, Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ, кандидат филологических наук, ichi210@mail.ru

Вьюнов А.С., преподаватель, Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ, vi-unart@yandex.ru

© Середенко В.М., Вьюнов А.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-2

Приветствия в русской и китайской культурах

¹ Лю Син, ¹ Чжун Инчао,

¹ Хуайиньский технологический институт, Китай

Аннотация: приветствия являются основой и началом межличностного общения. Как важное средство передачи социокультурных знаний, их правильное использование оказывает решающее влияние на эффективность коммуникации. В настоящей статье основное внимание уделяется приветствиям в русской и китайской культурах, систематически исследуются различия в их использовании с помощью сопоставительного анализа, а также выясняются культурные причины. Автором отмечается, что приветствия представляют собой динамично развивающееся социальное явление, глубоко обусловленное социокультурными факторами. Их различия отражают различные национальные системы ценностей и логику социального взаимодействия. В то же время существуют и различия внутри отдельных сообществ. Подчеркивается, что для организации эффективной межкультурной коммуникации необходимо выйти за рамки языка и получить представление о культурных традициях, стоящих за приветствиями. Надеемся, что данное исследование послужит четким руководством для преподавания языка и переводческой практики.

Ключевые слова: приветствия, русская культура, китайская культура, вежливость, речевой этикет, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Лю Син, Чжун Инчао Приветствия в русской и китайской культурах // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 90 – 95.

Поступила в редакцию: 15 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Greetings in Russian and Chinese cultures

¹ Liu Xing, ¹ Zhong Yingchao,

¹ Huaiyin Institute of Technology, China

Abstract: greetings are the foundation and beginning of interpersonal communication. As an important means of conveying sociocultural knowledge, their proper use has a crucial impact on the effectiveness of communication. This article focuses on greetings in Russian and Chinese cultures, systematically exploring the differences in their use through comparative analysis and identifying the cultural reasons behind them. The author highlights that greetings are a dynamic social phenomenon deeply influenced by sociocultural factors. Their differences reflect different national value systems and the logic of social interaction. At the same time, there are also differences within individual communities. It is emphasized that in order to establish effective intercultural communication, it is necessary to go beyond language and gain an understanding of the cultural traditions behind greetings.

Keywords: greetings, Russian culture, Chinese culture, politeness, verbal etiquette, intercultural communication

For citation: Liu Xing, Zhong Yingchao Greetings in Russian and Chinese cultures. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 90 – 95.

The article was submitted: July 15, 2025; Approved after reviewing: September 13, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Вежливость является отличительной чертой человеческой цивилизации и служит важным руководящим принципом в социальных взаимодействиях. Этикет, как конкретное проявление вежливости, «в широком смысле относится к нормам уважительного и уместного поведения, включая как вежливые слова, так и вежливые жесты» [1]. Люди при встрече всегда приветствуют друг друга, чтобы выразить свое уважение, доброжелательность и почтение к собеседнику. И это называется «этикетом приветствия». В китайском языке существует несколько терминов для обозначения данного явления: «*wen hou li*» (问候礼), «*jian mian li*» (见面礼), «*zhao hu li*» (招呼礼) или «*han xuan li*» (寒暄礼). Как в русском, так и в китайском языках, этикет приветствия рассматривается как первый шаг в межличностном взаимодействии, а приветствия – это его важная составляющая, чья наиболее фундаментальная функция заключается в подтверждении ранее установленных отношений между людьми [2].

В последние годы приветствия как актуальная тема в области лингвистики, межкультурной коммуникации и педагогики привлекло внимание немало китайских русистов. Например, Хэ Сюемэй в статье «Употребление приветствий как вежливых слов в русском языке» (2002), учитывая особенности изменений русского языка в современное время, подробно рассмотрела использование таких приветствий, как «Здравствуйте!», «Добрый день!», «Привет!», «Добро пожаловать!», «Здорово!» и др., в различных коммуникативных ситуациях. В статье «Анализ приветствий в речевом этикете русского языка» (2014) Лу Сяолань и Сюй Юпин не только раскрыли содержание понятия речевого этикета, выяснили роль приветствий в речевом этикете, но и конкретно проанализировали ситуации использования и роли часто встречаемых русских приветствий, как «Здравствуйте!», «Привет!», «Здорово!», «Салют!», в том числе выражений «Хай!», «Хелло!», заимствованных из английского языка. В работе «Сопоставительно-прагматический анализ приветствий в русском и китайском языках: на материалах СМС-сообщений и жестов» (2015) Чжао Яньбин на основании теории речевого акта доказал, что приветствия широко существуют в вопросительных и восклицательных предложениях, а также в перформативных высказываниях и невербальных формах, таких как жесты, мимики и

СМС-сообщения. Между тем с трех позиций автор проанализировал сходства и различия выражения приветствия в русском и китайском языках, а также причинных из возникновения. В статье «Изменение приветствий и прощаний в русском языке» (2016) Лю Син рассмотрела изменения русских приветствий с точки зрения ситуаций общения и способов выражения, и выявила тенденцию «европеизация» в системе русского речевого этикета.

В России ученые также провели исследования приветствий с различных точек зрения. Например, К.А. Иванова в статье «Влияние фактора <Время> и <Место> на выбор и содержание приветствий в русском и китайском языках» (2012) с помощью метода опроса провела сравнительный анализ влияния фактора «время» и «место» встречи на выбор способов для выражения приветствий в русском и китайском языках. В статье «Речевой этикет в русской и китайской лингвокультурах (на примере обращения и приветствия)» (2015) Сюн Цзын на примере обращения и приветствия рассмотрел культурные особенности русского и китайского этикета в различных речевых ситуациях, таких как повседневное общение, официальное общение, общение между знакомыми и незнакомыми людьми, с использованием таких методов исследования, как метод сравнительного анализа, метод сбора литературы и т.п. Н.Б. Руженцева и Чжан Ифан в статье «Специфика коммуникативного поведения китайцев: восприятие носителями российской лингвокультуры» (2016) применили методики свободного и направленного ассоциативного эксперимента для изучения восприятия россиянами специфики вербального и невербального поведения граждан КНР, включая китайские приветствия.

Материалы и методы исследований

Что касается содержания понятия «приветствия», то среди ученых пока нет единого мнения. Например, некоторые определяют приветствия как общеупотребительные выражения и фразы для общения, которые помогут начать разговор. Обычно они имеют форму простых вопросительных или восклицательных предложений. Очевидно, что такое определение не в полной мере отражает сложную природу и отличительные особенности русских и китайских приветствий. Ввиду этого, в следующем намерены сначала дать определение понятию «приветствия» на основе предыдущих результатов исследований в данной области, и потом с помощью методов конкретных примеров и сопоставительного анализа раскрыть

различия в выборе и употреблении приветствий в русской и китайской коммуникативных ситуациях. Надеемся, что настоящее исследование поможет углубить знания учащихся об этикете приветствия в двух языках, и улучшить их навыки межкультурного общения.

Результаты и обсуждения

По мнению Лу Сяолань и Сюй Юпин, приветствия – это слова, жесты и движения, используемые для выражения дружелюбия при встрече. Это способ поздороваться и передать добрые пожелания и доброжелательность другим [3]. Ву Фанци и Ян Лина выдвинули, что приветствия можно разделить на узкие и широкие: первые в основном включают слова, произносимые при встрече и, как правило, короткие и не требующие ответа от другой стороны; вторые охватывают более широкий спектр форм, включая вежливые выражения в знак приветствия, жесты, мимики и т.д. [4] Российский ученый К.А. Андросенкова отметила, что приветствия как средства выражения вежливости являются необходимым условием осуществления человеческого общения, и используются в повседневной речи каждого члена любого лингвокультурного общества. В то же время, она разделила приветствия на три типа в зависимости от семантического содержания и употребления: 1) собственно приветствия; 2) фразы «вопросы-ответы»; 3) обращения [5]. В настоящей статье будем анализировать приветствия в широком смысле, к которым относятся как речевые высказывания, которыми обмениваются участники при встрече, так и жесты, выполняющие аналогичную функцию. Далее намерены раскрыть национально-культурные приветствий на примерах типичных средств выражения в русском и китайском языках.

В русском языке «Здравствуйте!», несомненно, представляет собой наиболее часто используемое приветствие. С точки зрения его происхождения это повелительная форма глагола «здравствовать», корень которого – «здоровье», что ясно демонстрирует глубокое уважение русского народа к физическому здоровью. В официальных ситуациях, как на деловых встречах, крупных мероприятиях или при первой встрече, «Здравствуйте!» – это наиболее распространенная и приемлемая форма приветствия, наилучшим образом выражающая вежливость и уважение.

В России также широко используется приветствие «Привет!», имеющее ярко выраженный разговорный оттенок, особенно среди молодых людей, которые хорошо знают друг друга. На самом деле, и люди других возрастных групп часто используют ее в неформальных ситуациях, отражая небрежное и бесцеремонное отношение к обще-

нию. Однако это не означает, что его можно произвольно использовать. Ряд прагматических факторов, включая уровень формальность в социальных ситуациях, взаимоотношения между участниками, а также их возраст, социальный статус и роли, ограничивает правильное использование этого приветствия. Например, неуместно, когда младшие обращаются к старшим, подчиненные – к начальникам, ученики – к учителям с приветствием «Привет!», или незнакомые люди обмениваются данным приветствием, так как это будет воспринято как невежливость и нарушение приличий.

Кроме того, приветствия, связанные с временем встречи обеих сторон, как «Доброе утро!», «Добрый день!», «Добрый вечер!», также часто употребляются в русском языке. В повседневной жизни многие люди предпочитают использовать пожелания вместо традиционных приветствий. Например, встречая кого-то на работе, они могут сказать «Труд на пользу!», «Весело работать!»; встречая кого-то за обедом, они говорят «Приятного аппетита!», «Хлеб да соль!»; или, если кто-то недавно переехал в новый дом, его приветствуют словами «С новосельем!». Эти приветствия передавались из поколения в поколение и превратились в стандартизированное речевое поведение россиян при приветствии друг друга. [6] Соответственно, «в китайском языке приветствия в подобных ситуациях часто принимают форму вопроса о самом событии» [7]. Например, когда знакомые встречаются друг с другом, они могут обмениваться дежурными словами, такими как «*mai cai ne?*» (买菜呢?), «*zai san bu a?*» (在散步啊?), «*ban jia ne?*» (搬家呢?). Это не расспросы, направленные на получение подробной информации; адресат обычно отвечает кратким подтверждением.

В 1990-е годы глубокие преобразования, пережитые российским обществом, в сочетании с непрерывным притоком западных культурных влияний оказали значительное влияние на языковое самосознание и речевое поведение людей. В результате появлялись новые выражения, заимствованные из других языков, преимущественно из английского, такие как «Хай!», «Хелло!» и «Чао!». Наряду с этим, в современном русском языке появилось несколько новых «нестандартных» приветствий. Например, наиболее часто встречающимся в Интернете является «Доброго времени суток!». В последние годы, с развитием современных коммуникационных технологий и онлайн-СМИ, все большее внимание уделяется лаконичности и индивидуальности языка. В результате в онлайн-дискуссиях и текстовых сообщениях мо-

лодежи появились нестандартные приветствия, такие как «Превед» и «Прив», тогда как стандартные формы должны быть «Привет». Такие нестандартные приветствия постепенно превращаются в «Интернет-сленг» [8].

В повседневном общении люди часто используют невербальные средства, такие как телодвижения, выражения лица, взгляды и жесты, чтобы передать смысл, который невозможно выразить словами, или подчеркнуть словесное сообщение. Не являются исключением и этикетные ситуации приветствия. Во время приветствия рукопожатие является наиболее распространенной формой физического контакта. Для русских рукопожатие, как относительно формальный социальный этикет, относится к типичным мужским жестам. Русские женщины обычно не пожимают друг другу руки при приветствии, а при общении с противоположным полом женщина должна первой протянуть руку. В официальных случаях при рукопожатии с вышестоящим лицом следует проявить инициативу и протянуть правую руку, сопровождая это приветствием «Здравствуйте!», улыбаясь и слегка наклоняясь вперед, что считается наиболее подходящим способом приветствия. В большинстве случаев русские обмениваются рукопожатиями с большей силой, чтобы показать свой энтузиазм, способности и уважение к другой стороне. В русском языке объятия воспринимаются как типичный способ выражения дружеских и интимных отношений при приветствии. Русские, как правило, предпочитают приветствовать друзей и родственников объятиями, проявляя эмоции открыто и бурно, в то время как китайцы предпочитают обниматься только по особым случаям или с очень близкими людьми.

Фактически, приветствия, как речевые акты, обладающие разговорным характером в межличностном общении, тесно связаны с этнической культурой, народными обычаями и социальными традициями. Например, в Китае приветствия типа «Вы сыты?» и «Вы уже пообедали?» были когда-то популярными на протяжении многих лет. Это, несомненно, связано с китайским традиционным представлением о том, что «еда имеет первостепенное значение для людей», передаваемым из века в век, а также с исторической реальностью бедности, когда питание часто было нестабильным. Сегодня, хотя эта форма приветствия сохраняется в некоторых сельских районах, со временем она постепенно заменяется словом «*nin hao*» (您好) и еще реже встречается среди более образованных людей. Русские особенно часто испытывают недоумение, когда слышат такое приветствие, не в силах понять истинные намерения говорящего:

«Вы хотите пригласить меня на ужин?». Дело в том, что эта фраза служит вступительной фразой для приглашения на обед. Следовательно, если китаец в России использует данное приветствие для начала разговора с местными жителями, это может легко привести к недоразумениям. Более того, русские воспринимают вопросы «Ели ли вы или нет» как вторжение в личную жизнь, что само по себе является невежливым.

И невербальные приветствия носят ярко выраженную национальную специфику. Например, в России поцелуй в щеку – это очень распространенный способ поприветствовать друзей и родственников, обычно в порядке: сначала в правую щеку, затем в левую и затем снова в правую. Когда русские женщины целуются, они обычно также обнимаются и нежно прижимаются щеками друг к другу, в то время как мужчины похлопывают друг друга по спине и плечам. В Китае, хотя древние феодальные обряды предписывали, что «мужчины и женщины, передавая что-либо друг другу – да не соприкасаются» (*nan nv shou shou bu qin*, 男女授受不亲), поцелуи влюбленных для обмена нежностью и выражения привязанности существовали с древних времен [9]. Однако этикетные жесты «поцелуй в знак приветствия» и «поцелуй на прощание» следует рассматривать как заимствованные, и они были ограничены взаимодействием между влюбленными и родственниками.

Китай, долгое время находившийся под властью феодального общества, неизбежно испытал влияние конфуцианской философии, которая всегда ставила во главу угла соблюдение приличий. В результате в китайском языке сформировался набор общепринятых вежливых выражений в социальных взаимодействиях, включая приветствия. Как правило, приветствия служат двум целям: во-первых, они используются просто для проявления вежливости, и ответ от другой стороны не требуется. Это просто указывает на то, что один человек признает другого и выражает свое почтение без намерения продолжать разговор. Во-вторых, приветствуя собеседника, говорящий показывает свою готовность к дальнейшему диалогу. Как в русском, так и в китайском языке приветствия являются одним из наиболее распространенных способов начать разговор.

В китайском языке существуют различные методы классификации приветствий. Например, по мнению Сюй Цяна, можно выделить следующие типы приветствий: 1) в зависимости от стиля – общедоступные (например, «*chi le ma?*» (吃了吗?), «*zai mang shen me?*» (在忙什么?), «*xian zai zai*

na li fa cai ya?» (现在在哪里发财呀?) и элегантные (например, «xing hui xing hui» (幸会幸会), «jiu yang jiu yang» (久仰久仰), «jiu wen da ming, ru lei guan er» (久闻大名, 如雷贯耳), «bie lai wu yang» (别来无恙), «ni hao» (你好)); 2) в зависимости от времени использования – повседневные (например, «zui jin sheng yi zen me yang?» (最近生意怎么样?), «ni mei xia gang ba?» (你没下岗吧?), «zhe liang tian tian qi zhen re a!» (这两天天气真热啊!)) и праздничные (например, «xin nian kuai le» (新年快乐), «guo qing jie kuai le» (国庆节快乐), «zhong qiu kuai le» (中秋快乐), «wan shi ru yi» (万事如意)); 3) в зависимости от содержания приветствий – традиционные (например, «nin zhe shi qu na er ya?» (您这是去哪儿呀?), «zai mang sha ne?» (在忙啥呢?), «jin tian ni zhen shuai a!» (今天你真帅啊!)) и новые (например, «wan an» (晚安), «hai» (嗨), «hen gao xing ren shi ni» (很高兴认识你)) [10].

В связи с тем, что выбор и использование приветствий остаются показателем моды и средством передачи информации, в современном быстро развивающемся информационном обществе китайцы больше не ограничивают свои приветствия простыми любезностями, как в прошлом. Вместо этого они уделяют больше внимания передаче и сбору информации через приветствия, чтобы адаптироваться к быстро меняющемуся и сложному миру. При встрече можно спросить: «ni jin tian qiang yan le ma?» (你今天抢盐了吗?), «zuo tian shi jie bei kai mu shi ni kan le ma?» (昨天世界杯开幕式你看了吗?), «shuang xiu ri qu na er xiu xian?» (双休日去哪儿休闲?), «zui jin hai chao gu ma?» (最近还炒股吗?) [10]. Такие разговоры служат не только приветствиями, но и способом обмена и получения информации. Таким образом, в этом насыщенном информацией обществе эффективное использование приветствий может помочь отражать обширные знания человека и его чувствительность к актуальным проблемам во время социальных взаимодействий, что позволяет добиться замечательных результатов с минимальными усилиями в общении.

На самом деле, не только в различных коммуникативных культурах, даже в одном государстве наблюдаются различия в употреблении приветствий. Например, мужчины и женщины, как основные участники социального взаимодействия, демонстрируют различные модели использования приветствий, которые несут ярко выраженную гендерную окраску, что в результате формирует определенные гендерные стереотипы речевых поведений. Например, В русском языке наиболее часто встречаемое приветствие среди женщин – «Здравствуй (-те)!»; для мужчин, помимо стандартного приветствия «Здравствуй (-те)!», чаще всего используется неформальное выражение «Здорово!». Объятия включают в себя два противоположных типа действий: «бросаться в объятия другого человека» и «обнимать друг друга». Первый жест чаще встречается в ситуациях «снизу вверх» и часто используется женщинами; второй встречается между людьми разного возраста или социального положения, но здесь также существуют гендерные различия. Молодые женщины часто обнимают друг друга обеими руками, с большой площадью соприкосновения, и это часто сопровождается сближением лицом к лицу и поцелуями в качестве дальнейшего выражения привязанности. Мужчины, напротив, обычно обнимают друг друга за плечи, что сближает их, сохраняя при этом мужское достоинство.

Выводы

Приветствия как шаблонное выражение этикета, повторяющееся день за днем в течение длительного периода, одновременно находятся под влиянием ряда социальных факторов. Для обеспечения эффективности межкультурной коммуникации участникам рекомендуется не только идти в ногу со временем, использовать общепринятые формы приветствий, но и обладать высоким уровнем культурной восприимчивости, выходить за рамки своей собственной культуры, и уважать обычаи и традиции других народов или других социальных групп. В повседневном общении, помимо словесных приветствий, люди часто используют жесты в качестве способа вежливо поприветствовать человека. Об этом вопросе мы будем проводить отдельное исследование в будущем.

Список источников

1. Чжоу Миньчуань, Чжоу Вэй, Чэн Чуньхун Сопоставительно-прагматическое исследование гендерных стереотипов в русском и китайском языках. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2018. 434 с.
2. Му Цянь Приветствия китайского языка в преподавании китайского языка как иностранного: дис. ... магис. филолог. наук. Хэйлунцзянский университет. 2012. 59 с.
3. Лу Сяолань, Сюй Юпин Анализ приветствий в речевом этикете русского языка // Вестник Мунданьцзянского педагогического университета. 2014. № 4. С. 118 – 119.

4. У Фаньци, Ян Лина Анализ различий в выражении приветствий в китайской и западной культурах // Современное и древнее литературное творчество. 2023. № 2. С. 116 – 118.
5. Андросенкова К.А. Проблема классификации приветствий современного китайского языка // Известия Восточного института. 2011. № 1. С. 18 – 32.
6. Ван Лумэй Исследование Стереотипы поведения в межкультурной коммуникации: дис. ... магис. филолог. наук. Столичный педагогический университет. 2014. 65 с.
7. Сун Хуньин Исследование этнических культурных стереотипов с точки зрения речевых актов // Вестник Университета иностранных языков НОАК. 2012. № 2. С. 32 – 37.
8. Юй Исин Современный русский речевой этикет: обращение, приветствие, прощание: дис. ... магис. филол. наук. Пекинский университет. 2015. 94 с.
9. Чжоу Гогуан, Ли Сяннун Язык тела китайского народа. Гуанчжоу: Издательство высшего образования провинции Гуандун. 2017. 292 с.
10. Сюй Цян Исследование современных китайских приветствий: дис. ... магис. филол. наук. Университет Хуацяо. 2012. 76 с.

References

1. Zhou Minchuan, Zhou Wei, Cheng Chunhong Comparative and Pragmatic Study of Gender Stereotypes in the Russian and Chinese Languages. Beijing: Peking University Press, 2018. 434 p.
2. Mu Qian. Greetings in the Chinese Language in Teaching Chinese as a Foreign Language: Dis. ... Master's Degree in Philology. Heilongjiang University. 2012. 59 p.
3. Lu Xiaolan, Xu Yupin Analysis of Greetings in Speech Etiquette of the Russian Language. Bulletin of Mudanjiang Normal University. 2014. No. 4. P. 118 – 119.
4. Wu Fanqi, Yan Lina Analysis of Differences in Expressing Greetings in Chinese and Western Cultures. Modern and Ancient Literary Creativity. 2023. No. 2. P. 116 – 118.
5. Androsenkova K.A. The Problem of Classifying Greetings in Modern Chinese. Bulletin of the Eastern Institute. 2011. No. 1. P. 18 – 32.
6. Wang Lumei Study of Behavioral Stereotypes in Intercultural Communication: Diss. ... Master's Degree in Philology. Capital Normal University. 2014. 65 p.
7. Song Hongying A Study of Ethnic Cultural Stereotypes from the Point of View of Speech Acts. Bulletin of the PLA University of Foreign Languages. 2012. No. 2. P. 32 – 37.
8. Yu Yixing Modern Russian Speech Etiquette: Address, Greeting, Farewell: Diss. ... Master's Degree in Philology. Peking University. 2015. 94 p.
9. Zhou Guoguang, Li Xiangnong Body Language of the Chinese People. Guangzhou: Guangdong Provincial Higher Education Press. 2017. 292 p.
10. Xu Qiang A Study of Modern Chinese Greetings: Dis. ... Master's Degree in Philology. Huaqiao University. 2012. 76 p.

Информация об авторах

Лю Син, доктор филологических наук, старший преподаватель, Хуайиньский технологический институт, Китай, liuxing19880222@126.com

Чжун Инчао, Хуайиньский технологический институт, Китай, 3358857775@qq.com

© Лю Син, Чжун Инчао, 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.512.157

Терминографический анализ музыкальных терминов, зафиксированных в «русско-якутском термино-орфографическом словаре» П.А. Ойунского

¹ Акимова А.С.,

¹ *Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук*

Аннотация: целью данного исследования является терминографический анализ терминов музыкального искусства зафиксированных в «Русско-якутском термино-орфографическом словаре» П.А. Ойунского. В нашу задачу входит: 1. Краткий обзор истории создания словаря. Данный научный труд составлялся в то время, когда якутский литературный язык только начинал формироваться и в составе якутского языка отсутствовали термины по многим важным отраслям знаний. В те годы, велись горячие дискуссии по вопросам алфавита, терминологии, орфографии и передаче русских заимствований. Издание данной работы был значительным событием для якутского языка, поскольку он стал важным шагом в его дальнейшем развитии и помог в стандартизации письменности. 2. Терминографический анализ музыкальных терминов включенных в словарь П.А. Ойунского, с целью выявления основных терминообразующих средств в якутском языке, использованных автором при составлении «Русско-якутского термино-орфографического словаря». Данное исследование может найти *практическое применение* при анализе идей П.А. Ойунского по важнейшим вопросам языкового строительства таких как: орфография и терминология. Научные труды П.А. Ойунского и в наше время имеют действенную силу, и требуют осмысления применительно к решению важнейших задач языковой политики в Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: аффикс, музыкальные термины, словарь, термин, транслитерация, эквивалент, якутский язык

Для цитирования: Акимова А.С. Терминографический анализ музыкальных терминов, зафиксированных в «русско-якутском термино-орфографическом словаре» П.А. Ойунского // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 96 – 101.

Поступила в редакцию: 16 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Terminographic analysis of musical terms recorded in the “Russian-Yakut Dictionary of Terminology and Orthography” by P.A. Oyunsky

¹ Akimova A.S.,

¹ *Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of SB RAS*

Abstract: the purpose of this study is a terminological analysis of musical art terms recorded in P.A. Oyunsky's “Russian-Yakut Dictionary of Terminology and Orthography”. Our objectives include: 1. A brief overview of the dictionary's history. This scholarly work was compiled at a time when the Yakut literary language was just beginning to develop and the Yakut language lacked terms for many important fields of knowledge. During those years, heated debates raged over the alphabet, terminology, orthography, and the transmission of Russian loanwords. The publication of this work was a significant event for the Yakut language, as it became an important step in its further development and helped in the standardization of writing. 2. Terminographic analysis of musical terms included in the dictionary of P.A. Oyunsky, with the aim of identifying the main term-forming means in the Yakut language used by the author in compiling the “Russian-Yakut terminological and orthographic dictionary”. This study can find practical application in the analysis of P.A. Oyunsky's ideas on the most important

issues of language construction such as graphics, spelling and terminology. The scientific works of P.A. Oyunsky are still effective today and require consideration in relation to solving the most important problems of language policy in the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: affix, musical terms, dictionary, term, transliteration, equivalent, the Yakut language

For citation: Akimova A.S. Terminographic analysis of musical terms recorded in the “Russian-Yakut Dictionary of Terminology and Orthography” by P.A. Oyunsky. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 96 – 101.

The article was submitted: July 16, 2025; Approved after reviewing: September 14, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

В данной статье речь пойдет о музыкальных терминах, которые вошли в «Русско-якутский термино-орфографический словарь» П.А. Ойунского. Прежде чем мы перейдем, к анализу музыкальных терминов, в целях лучшего понимания материала, мы хотим вкратце остановиться на истории создания этого труда.

У некоторых книг, как и у людей, есть своя история жизни. «Представляется необходимым отметить, что жизнь и деятельность П.А. Ойунского пришлось на сложный период революционного переворота, перестройки во всех областях жизни якутского народа» [3, с. 87]. Так, «Русско-якутский термино-орфографический словарь» П.А. Ойунского был издан в 1935 году в городе Москва. Выход в свет данной работы был значительным событием для якутского языка, поскольку он стал важным шагом в его дальнейшем развитии и помог в стандартизации письменности. В работе по составлению словаря Платону Алексеевичу помогали С.П. Харитонов и Г.С. Тарский. Но, к великому сожалению в начале 1938 г., из-за изменившейся политической обстановки повлекшей за собой репрессию автора, книга была изъята из обращения и с тех пор не издавалась. Затем, в 1993 году, спустя 55 лет после полного запрета распространения и пользования эта книга была переиздана издательством «Бичик» под названием: «Ойуунускай П.А. Талыллыбыт айымньылар: III том. Научнай үлэлэр».

Материалы и методы исследований

В качестве материала для исследования использовались литературно-художественное издание Ойунский Платон Алексеевич. Сочинения. Том III. Научные труды изданный, в 1993 году национальным издательством «Бичик», а также его прижизненные статьи посвященные вопросам развития якутского языка, опубликованные в газете «Кыым» в 1937 г. В книгу сочинений П.А. Ойунского вошли текст его кандидатской диссертации «Якутский язык и пути его развития» и «Русско-якутский термино-орфографический словарь», включающий 13018 слов. Словарь был со-

ставлен Платоном Алексеевичем при содействии С.Б. Харитонova и К.С. Тарского. Выбор методов определено целью и совокупностью поставленных задач. Так, при помощи методов лингвистического описания и терминографического анализа были выявлены основные способы и направления в терминотворчестве применявшихся на начальном этапе развития и становления якутского литературного языка. Материал для анализа отбирался методом сплошной выборки из словаря П.А. Ойунского.

Результаты и обсуждения

«Словарь был составлен согласно плану Института национальностей по заказу Всесоюзного Центрального Комитета Нового Алфавита. Согласно договоренности, как отмечает профессор Гранде Б., предполагалось выпустить серию небольших словарей по всем предметам в объеме средней школы... Однако в процессе работы все они были объединены в один словарь» [6, с. 458].

«Русско-якутский термино-орфографический словарь» относится к двуязычным переводным словарям. Тип словаря является универсальным, т.к. он охватывает термины по всем предметам школьной программы, а также включает общественно-политическую лексику. Здесь нужно отметить, что данный труд составлялся в те годы, когда якутский литературный язык только начал формироваться, поэтому в его составе отсутствовали многие термины по важным отраслям знаний. В те годы, велись горячие дискуссии по вопросам алфавита, терминологии, орфографии и передаче русских заимствований. Некоторые представители языкового строительства тех лет предлагали создавать термины исключительно из собственных ресурсов якутского языка или же использовать слова из родственных тюркских языков, а другие, наоборот выступали против любой якутизации терминов. Поэтому данный словарь стал отражением этих двух тенденций, которые представляют начальный этап по зарождению и развитию терминотворчества в якутском языке. Эти идеи наглядно отразились в содержании словаря, где автор, с одной стороны обильно напол-

нял словарь русскими заимствованиями даже несмотря на то, что в якутском языке имелись полные эквиваленты терминов, и в то же время создавал новообразования с помощью деривации и средствами терминообразования.

Платон Алексеевич Ойунский свои идеи по поводу заимствованных терминов написал в статье «О якутской письменности», которая была издана в газете «Кыым» 15, 16 декабря 1937 г. Он пишет, «...Поэтому слова, имена, термины, входящие из русского языка, мы должны писать или точно по их корням-основам, или приближенно к ним» [5, с. 2].

Важно отметить, что исходя из особенности, стремления автора зафиксировать, как можно больше интернациональных и русских терминов в словаре, привело к тому, что исконно якутские музыкальные термины остались вне поля зрения и не были включены в словарь. Музыкальные термины в словаре П.А. Ойунского полностью представлены заимствованными, интернациональными терминами. Это было напрямую связано с сознательной ориентацией автора на формирование и обогащение терминологии путем заимствований и их стабилизацией якутского написания.

В «Русско-якутском термино-орфографическом словаре» мы нашли 50 терминов музыки. В ходе терминографического анализа этих терминов, мы выявили 6 способов их передачи на якутский язык. Ниже рассмотрим подробнее каждый из них.

Как показывает собранный нами материал, большая доля терминов музыки зафиксированных в словаре переданы способом фонетизированного написания. Фонетизированное написание (или фонетическая транскрипция) – это передача звучания слова с помощью букв, с максимальным приближением его фонетических, графических, грамматических и лексических характеристик к нормам конкретного языка, в данном случае – якутского. Этот процесс помогает адаптировать иноязычные термины к фонетической системе якутского языка, делая их более понятными и произносимыми для носителей этого языка. В отношении фонетического оформления заимствуемых слов было принято решение о постепенном подчинении их действующим фонетическим нормам якутского языка [9, с. 140]. Например, *акустика* ‘акуустука’, *баритон* ‘барытуон’, *вокализация* ‘бакалысаассыйа’, *домбра* ‘дуомбура’, *дуэт* ‘дуйиэт’, *кларнет* ‘кылараньыат’, *концерт* ‘кэнсиэр’, *куплет* ‘куппүлүөт’, *мотив* ‘матыып’, *музыка* ‘муусука’, *музыкант* ‘мусукаан’, *нота* ‘нуота’, *октава* ‘актаава’, *оркестр* ‘эркиэстир’, *репетиция* ‘эрэпэтииссийэ’, *репертуар* ‘эрэпэртууар’, *рояль* ‘арайаал’, *струнный оркестр* ‘устурууналаах

аркыастыр’, *сцена* ‘иссиэнэ’, *трио* ‘тирийуо’, *флейта* ‘пилиэйтэ’, *фортениано* ‘партытыйаана’.

Нужно отметить, что фонетическая передача термина в разговорной речи проще, чем его графическое отображение, поскольку устная речь передает звуки, а письменная – их визуальное представление, что требует соблюдения строгих правил орфографии и пунктуации. В разговорной речи допускаются более свободные варианты передачи звуков, что снижает сложность.

Как пишет, Е.И. Оконешников словарь П.А. Ойунского «...придерживался в основном фонетического принципа в орфографировании заимствованных слов. Однако для сохранения их первоначального правописания автор сознательно допускал нарушения закона гармонии гласных и отступления от норм сочетаемости согласных в якутском языке» [6, с. 461].

Изафет является грамматической конструкцией, характерной для тюркских языков. В якутском языке изафет в определенных условиях может лексикализироваться и приобрести терминологическое значение. «Есть и определительные словосочетания, члены которых связаны между собой аффиксами принадлежности. Их обозначают в тюркологической литературе термином изафет. Многие изафетные словосочетания употребляются как термины» [7, с. 156]. Как пишет, Иванова И.Б. «При этом необходимо, чтобы одно из двух существительных было подчинено другому, и являлось его определением, причем определение, всегда предшествует определяемому» [4, с. 59]. Этот необычный способ терминообразования в якутском языке впервые был использован П.А. Ойунским. Например: *симфония* ‘дорѳоон дьүөрэтэ’, *музыкальный инструмент* ‘муусука үнүстүрүмүнэ’.

Среди примеров обозначающих музыкальные понятия встречаются термины, образованные способом эквивалентной передачи. Эквивалентами называют слова из принимающего языка, которые имеют близкое или точное по значению значение и полностью передают смысл исходного слова при переводе заимствований. Например, *голос* ‘сана’; *горло* ‘хабарѳа’; *дыхание* ‘тыыныны’. Эквиваленты могут быть разделены на полные эквиваленты – эквиваленты с тождественным значением и квази-эквиваленты – эквиваленты с нетождественным, но частично совпадающим значением, используемые при переводе как равнозначные [2, с. 108].

В словаре, при передаче иноязычных музыкальных терминов, автор использовал способ *опи-сательного перевода*, когда невозможно было подобрать соответствующий эквивалент или передать значение термина одной лишь транслитера-

цией. Приведем примеры терминов образованные с помощью описательного перевода: *билабиальный звук* ‘уостаабы бүтэй доржоон’; *билатеральный звук* ‘ойоѳостооѳу, омуттаабы доржоон’; *голосовые связи* ‘куолас, сана быалыктара’; *гортанные звуки* ‘күөмэй доржоотторо’; *серенада* ‘сэрэнээдэ, кизһээ тапталлаабы чистээн ыллыыр ырыа’; *тебр* ‘тиэмбир, куолас доржооно хайтах лынгыныыта, дырылыыта, барылыыта’; *тенор* ‘тиэнэр, эр киһи үрдүк куолаһа’; *тониический стих* ‘дьүөрэ тыл (чабырѳах; ырыа)’; *фонограмма* ‘поногыраамма, доржоону баалыкка суруйуу’; *фонограф* ‘понуогурап, доржоон долгуттарын суруйар аппарат’.

Аффиксальное словообразование и терминообразование являются одним из насущных разрабатываемых разделов в якутском языкознании [11, с.31]. В словаре прослеживаются следующие *аффиксальные* новообразования, например:

Аффикс принадлежности *-а*: Например: *вокализм* ‘бакалыысыма’, *роялизм* ‘арайалыысыма’, *ритм* ‘ириитимэ’. Здесь «аффикс принадлежности 3-го лица, присоединяясь к основам имен существительных, выступает в качестве словообразующего элемента» [10, с. 47].

Производная и непроизводная именная основа в сочетании с аффиксом *-лаах/-даах* подвергаются терминологизации в форме неперенной субстантивации и могут обозначать свойства предметов объективной реальности, типа: *репертуарный* ‘эрэпэртуаардаах’, *симфонический* ‘симпуоньуйалаах, дьүөрэлээх’, *вокальный* ‘бакааллаах’, *концертный* ‘кэнсиэрдээх’.

«Категория множественного числа во всех тюркских языках – это прежде всего морфологическая категория, в которой основным средством выражения выступает аффикс *-лар* и его алломорфы. Категория числа, будучи одной из общих категорий, занимающих важное место в грамматической структуре тюркских языков, охватывает практически все части речи» [8, с. 155]. Некоторые термины в словаре зафиксированы во множественном числе, например: *-лар роялисты* ‘арайалыыстар’, *флейтисты* ‘пилэйтиистэр’.

Для преодоления терминологических трудностей автор стремился давать ряд *синонимических* выражений с дополнительными

пояснениями, типа: *темп* ‘тиэмтэ, түргэн тэтимэ, тэтим’; *тон* ‘туон; сана, куолас доржоонун иһилиитэ’; *тональность* ‘туоннааха, доржоон төһө үрдүгэ’; *тоника* ‘туоньука, төрүт доржоон, дьүөрэ’. «Положительной стороной синонимического метода определения является и то, что читатель будучи поставленным перед необходимостью выбора наиболее точного эквивалента, сам находит его, как правило, верно, исходя из контекста» [1, с. 104].

Выводы

В данной статье мы подвергли терминографическому анализу 50 терминов музыки зафиксированных в «Русско-якутском терминоорфографическом словаре» П.А. Ойунского. В результате анализа отобранных терминов мы пришли, к выводу о том, что подавляющее большинство терминов музыки образовано с помощью фонетизированной передачи (транслитерации) и описательного перевода.

П.А. Ойунский своим научным трудом заложил основы развития якутской терминологии и орфографии. Несмотря на то, что «...многие дериваты автора не прижились в лексико-семантической системе языка, но сам факт использования словообразовательных средств якутского языка заслуживает внимания и распространения в практике как положительный опыт» [6, с. 459]. Автор осознавал терминологию как систему, которая формируется в результате научной и профессиональной работы людей. Он показал пример использования словообразовательных ресурсов якутского языка. Использовал продуктивные, непродуктивные и омертвелые аффиксы для образования новых терминов.

Словарь имеет богатый материал по всем отраслям знаний. В нем можно найти множество интересных примеров, у которых нынешнему поколению якутских языковедов есть чему поучиться. Как мы уже говорили выше, предисловием данной книги является текст кандидатской диссертации Платона Алексеевича и нам следует снова скрупулезно изучить этот ценный труд выдающегося деятеля языкового строительства Якутской АССР 20-х-30-х гг. Нужно пересмотреть его предложения и идеи с нового ракурса, чтобы потом их творчески использовать для дальнейшего развития якутской терминологии.

Список источников

1. Акимова А.С. Терминографический разбор «Русско-якутского словаря» Н.Н. Павлова, И.Н. Попова (1948; 1949 гг.) // Языковые процессы и функционирование языков в поликультурном пространстве. Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора Г.Г. Филиппова. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2024. С. 102 – 105.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Издательский центр Академия, 2008. 305 с.
3. Данилова Н.И., Попова Н.И. Лингвистическая концепция П.А. Ойунского как фундаментальная основа языкового строительства в Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 2 (47). С. 84 – 94. DOI: 10.25693/SVG.V.2024.47.2.007
4. Иванова И.Б. Изафет как средство выражения функционально-семантической категории меры в якутском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 4. С. 58 – 69. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-58-69
5. Ойунский П.А. Саха суругун туһунан=О якутской письменности // Кыым. 1937. 15, 16 декабры. (На якут. яз.).
6. Ойуунускай П.А. Талылыбыт айымнылар: III том. Научнай үлэлэр. / Аан тылын П.А. Слепцов, сыгарымын Е.И. Оконешиников суруйдулар, А.Е. Евстафьев ойуутун онордо. Дьокуускай: «Бичик» кинигэ кыһата. 1993. 480 с.
7. Оконешиников Е.И. Лингвистические аспекты терминологии языка саха. (На материале общей и отраслевой лексикографии). Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2004. С. 156.
8. Сагдиева Р.К., Фаттахова Р.Ф. О генезисе аффикса *-лар* в тюркских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). Ч. 1. С. 155 – 157.
9. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. Новосибирск: Наука, 1986. С. 133 – 165.
10. Чиркочева Д.И. О сложных словах с аффиксом принадлежности в якутском языке // Алтаистика № 4 (07) 2022. С. 42 – 48. DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.69.84.004
11. Ядрихинская С.И., Филиппов Г.Г. Соотношение семантики (типология семантики) производных основ, образованных аффиксами *-һыт* и *-ааччы* в якутском языке // Алтаистика. 2022. № 4 (07). С. 31 – 41. DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.10.86.003

References

1. Akimova A.S. Terminographic analysis of the “Russian-Yakut Dictionary” by N.N. Pavlova, I.N. Popova (1948; 1949). Language processes and the functioning of languages in a multicultural space. Materials of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor G.G. Filippova. Yakutsk: NEFU Publishing House, 2024. P. 102 – 105.
2. Grinev-Grinevich S.V. Terminology. M.: Publishing Center Academy, 2008. 305 p.
3. Danilova N.I., Popova N.I. Linguistic concept of P.A. Oyunsky as the fundamental basis of language construction in Yakutia. North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2024. No. 2 (47). P. 84 – 94. DOI: 10.25693/SVG.V.2024.47.2.007
4. Ivanova I.B. Izafet as a means of expressing the functional-semantic category of measure in the Yakut language. Bulletin of NSU. Series: Linguistics and intercultural communication. 2023. T. 21. No. 4. P. 58 – 69. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-4-58-69
5. Oyunsky P.A. Sakha surugun tuhunan = About Yakut writing. Kyym. 1937. December 15, 16. (In Yak.).
6. Oyuunuskay P.A. Talylybyt aimnyylar: Volume III. Scientific uleler. Aan tylyn P.A. Sleptsov, Sykarymyn E.I. Okoneshnikov suruidular, A.E. Evstafiev oyuutun ordo. Dyokuuskai: “Bichik” kinige kykhata. 1993. 480 p.
7. Okoneshnikov E.I. Linguistic aspects of the terminology of the Sakha language. (Based on general and sectoral lexicography). Yakutsk: Publishing house SB RAS. Yakut. branch, 2004. P. 156.
8. Sagdieva R.K., Fattakhova R.F. On the genesis of the affix *-lar* in Turkic languages. Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2015. No. 12 (54). Part 1. P. 155 – 157.
9. Sleptsov P.A. Yakut literary language. Origins, formation of norms. Novosibirsk: Nauka, 1986. P. 133 – 165.
10. Chirkocheva D.I. On compound words with the affix of belonging in the Yakut language. Altaistics No. 4 (07) 2022. P. 42 – 48. DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.69.84.004
11. Yadrinhinskaya S.I., Filippov G.G. Correlation of semantics (typology of semantics) of derived stems formed by the affixes *-hyt* and *-aachchy* in the Yakut language. Altaistics. 2022. No. 4 (07). P. 31 – 41. DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2022.10.86.003

Информация об авторе

Акимова А.С., кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

© Акимова А.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81.1

Структурный и семантический анализ немецких фразеологизмов с компонентом-антропонимом

¹ Арсаханова М.А.-Х., ¹ Мусаева И.А.,

¹ Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

Аннотация: в статье проводится структурный и семантический анализ немецких фразеологизмов, содержащих компонент-антропоним. На основе корпуса примеров выявляются универсальные и специфические черты таких единиц, подчеркивается их культурная значимость как маркеров языковой картины мира. Имена собственные рассматриваются как особые элементы языковой системы, которые интегрируются в нее через формальные, семантические и прагматические аспекты, что обуславливает сложности их перевода и культурной интерпретации. Анализ синтаксических структур фразеологизмов с антропонимами позволил выделить девять продуктивных моделей, сводимых к четырем группам: номинативные («eine kokette Eva» – «кокетка»), вербальные («den alten Adam ausziehen» – «стать другим человеком»), адвербиальные («im Adam(s)kostüm» – «в чем мать родила») и компаративные («wie ein hölzerner Johannes» – «стоять как истукан»). Семантический анализ раскрывает метафоричность выражений, основанную на характеристиках реальных или вымышленных личностей, культурный контекст (вариативность восприятия в регионах Германии) и социолингвистический аспект (зависимость от социальных групп). Функционально фразеологизмы с антропонимами отражают гендерные, исторические и социокультурные реалии, способствуя обогащению языка и пониманию культурных традиций. Примеры, такие как «Hans im Glück» (счастливчик) или «jemandem einen Bären aufbinden» (обмануть), иллюстрируют коннотации и отсылки к немецкой культуре. Результаты исследования подчеркивают роль антропонимов в формировании национальной идентичности и могут быть применены в лингвистике, культурологии и преподавании немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: антропоним, язык, система, культура, семантика, анализ, структура

Для цитирования: Арсаханова М.А.-Х., Мусаева И.А. Структурный и семантический анализ немецких фразеологизмов с компонентом-антропонимом // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 102 – 105.

Поступила в редакцию: 17 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

A structural and semantic analysis of German phraseological units with an anthroponym component

¹ Arsakhanova M.A.-Kh., ¹ Musaeva I.A.,

¹ A.A. Kadyrov Chechen State University

Abstract: this article provides a structural and semantic analysis of German phraseological units containing an anthroponym component. Using a corpus of examples, the universal and specific features of such units are identified, emphasizing their cultural significance as markers of the linguistic worldview. Proper names are considered special elements of the linguistic system, integrated into it through formal, semantic, and pragmatic aspects, which complicates their translation and cultural interpretation. An analysis of the syntactic structures of phraseological units with anthroponyms revealed nine productive patterns, which can be grouped into four categories: nominative ("eine kokette Eva" – "a coquette"), verbal ("den alten Adam ausziehen" – "to become a different person"), adverbial ("im Adam(s)kostüm" – "in the nude"), and comparative ("wie ein hölzerner Johannes" – "to stand like a statue"). Semantic analysis reveals the metaphorical nature of expressions, based on the characteristics of real or fictional individuals, the cultural context (variability in perception across regions of Germany), and the sociolinguistic aspect (dependence on social groups). Functionally, phraseological units with anthroponyms reflect gender,

historical, and sociocultural realities, contributing to the enrichment of language and the understanding of cultural traditions. Examples such as "Hans im Glück" (lucky one) or "jemandem einen Bären aufbinden" (to deceive) illustrate connotations and references to German culture. The study's findings highlight the role of anthroponyms in shaping national identity and have potential applications in linguistics, cultural studies, and the teaching of German as a foreign language.

Keywords: anthroponym, language, system, culture, semantics, analysis, structure

For citation: Arsakhanova M.A.-Kh., Musaeva I.A. A structural and semantic analysis of German phraseological units with an anthroponym component. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 102 – 105.

The article was submitted: July 17, 2025; Approved after reviewing: September 15, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Имена собственные являются специфическими элементами языковой системы во многих отношениях: формальном, семантическом и прагматическом, а также в плане их приобретения и сохранения. Тем не менее имена собственные могут быть отнесены к системе одного языка, во-первых, потому, что языки выработали свои формы имен собственных, потому что имена собственные по существу развились из одноязычных апеллятивов или потому, что лексический материал, маркированный отдельными языками могут быть распознаны, и поскольку имена собственные могут быть интегрированы в языковую систему, например, когда они становятся апеллятивными; с другой стороны, имена собственные и отождествляемые с ними референтные объекты, а также связанные с ними знания являются существенной частью языковой и культурной общности [9]. Поскольку имена собственные образуют определенные элементы языковой системы, но все же являются отдельными языками, их перевод представляет собой серьезную проблему.

Имена собственные формально являются особенностью языковой системы: это касается их грамматических, фонетических и графических характеристик.

Материалы и методы исследований

В исследовании применяется комплексный лингвистический подход, сочетающий структурный и семантический анализ фразеологических единиц немецкого языка с компонентом-антропонимом. Основной метод – дескриптивный анализ на базе корпуса примеров из лексикографических источников и литературных произведений, что позволяет выявить универсальные и специфические черты единиц.

Результаты и обсуждения

Фразеология (греч. *phrasis* – «выражение», *logos* – «обучение») – «совокупность устойчивых сочетаний в речи в целом» [6, с. 35]. Как самостоятельная лингвистическая дисциплина фразеология возникла сравнительно недавно. Согласно А.В.

Кунину, фразеология представляет собой важный аспект языка, который помогает понять не только структуру языка, но и культуру [6].

Согласно В.П. Жукову фразеологизм является «устойчивой, врозь оформленной воспроизводимой единицей речи, наделенной целостным (или реже, частично целостным) значением» [4, с. 18-30].

Среди фразеологизмов немецкого языка есть фразеологизмы с именами собственными в своем компонентном составе. Антропонимы придают фразеологизмам национально-специфическую окраску и часто указывают на реальных или вымышленных личностях. Анализ синтаксической структуры таких фразеологизмов позволил нам выявить вслед за исследователями в этой области (Александрова, 2000; Селиванова, 2007; Степанова, Чернышева, 2003) наиболее производительные модели с антропонимами в своем составе:

1) прилагательное + антропоним: *eine kokette Eva* – шутка, «кокетка»;

2) антропоним (в первой позиции) + существительное: *der Benjamin der Familie* – «мамин сынок»;

3) глагол + прилагательное + антропоним, где отчетливо выделяются: *den alten Adam ausziehen* – «стать другим человеком, превратиться» (одновалентные фразеологизмы); *jmdm. den Schwarzen Peter zurückgeben* – «переложить вину на кого-нибудь» (двухвалентные);

4) предлог + антропоним: *im Adam (s) kostüm* – «в костюме Адама», «в чем мать родила»;

5) глагол + предлог + антропоним + антропоним: *bei Adam und Eva anfangen* – «начинать от Адама и Евы» (одновалентные); *jmdn. zur Minna machen* – «сделать из кого котлету» (двухвалентные);

6) антропоним + местоимение + существительное: *ein Hans im Glück* – «счастливец»;

7) глагол + союз + антропоним: *dastehen wie ein hölzerner Johannes* – «стоять как истукан»;

8) глагол + существительное: *den Hanswurst spielen* – «валять дурака»; *jmdn. Moritz lehren* – «учить кого-то разуму»;

9) глагол + прилагательное + антропоним + предлог + существительное: *den Schwarzen Peter in der Tasche haben* – «нести ответственность за что-то».

Итак, по классификации, представленные нами модели построения фразеологических единиц с антропонимом можно свести к 4 группам, а именно: номинативные, вербальные, адвербиальные и компаративные.

В результате проведенного нами семантического анализа фразеологических единиц с компонентами-антропонимами нами были выделены следующие аспекты:

- Метафоричность: большинство фразеологизмов используют метафоры, которые основаны на действиях или характеристиках известных личностей

- Культурный контекст: значение фразеологизма может меняться в зависимости от культурного контекста. К примеру, в разных регионах Германии одни и те же фразеологизмы могут восприниматься по-разному.

- Социолингвистический аспект: употребление фразеологических единиц может зависеть от социальных групп и их специфики.

Семантический анализ включает в себя:

- Значение: антропонимы могут придавать фразеологизмам специфическое значение. К примеру, имя Наполеона может ассоциироваться с амбициями и завоеваниями.

- Коннотации: антропонимы могут иметь положительные или отрицательные коннотации в зависимости от культурного контекста.

- Культурные отсылки: многие фразеологические единицы основаны на исторических событиях или личностях, что делает их значимыми для носителей языка.

Jemandem einen Bären aufbinden – солгать кому-либо. Используется для обозначения обмана или шутки. Буквально это выражение может указывать на то, что кто-то пытается «привязать» к другому человеку нечто тяжелое и ненужное.

Das ist nicht mein Bier – Это не моя проблема – употребляется для обозначения того, что человек не хочет принимать участие в обсуждаемом вопросе. Здесь антропоним может быть связан с

культурными традициями Германии, где пиво играет важную роль.

Wie der Herr, so's Gescherr – Каков хозяин, таковы и слуги – выражение говорит о том, что качества лидера отражаются на его подчиненных. *Herr* является антропонимом, указывающим на личность.

Hans im Glück – Ганс в удаче. Это выражение происходит из известной немецкой сказки о Гансе, который всегда оказывается в удачных ситуациях, несмотря на трудности. Оно используется для обозначения человека, который всегда находит способ выйти из сложных ситуаций и добивается успеха.

Hans und Franz – Ганс и Франц. Это выражение часто используется для обозначения двух людей, которые действуют вместе или представляют собой пару. Оно может иметь как положительный, так и нейтральный оттенок.

Что касается функциональных особенностей фразеологических единиц с компонентом имен собственных в гендерном аспекте, следует отметить, что фразеологизмы выполняют различные задачи для обозначения, называния или описания личности, предмета или явления.

Выводы

Проведенный структурный и семантический анализ немецких фразеологизмов с компонентом-антропонимом позволил выявить их ключевые особенности и подтвердить значимость антропонимов в языковой системе. Было установлено, что фразеологические единицы с антропонимами образуют четыре основные структурные группы: номинативные, вербальные, адвербиальные и компаративные, что отражает разнообразие их синтаксических моделей и продуктивность в немецком языке. Семантический анализ продемонстрировал преобладание метафоричности, основанной на характеристиках реальных или вымышленных личностей, а также зависимость значений от культурного и социолнгвистического контекстов, включая региональные вариации и социальные группы.

Антропонимы выступают как культурные маркеры, придавая фразеологизмам национальную специфику и способствуя формированию языковой картины мира. Они несут коннотации (положительные или отрицательные) и отсылают к историческим событиям, что делает их инструментом отражения культурных реалий.

Список источников

1. Буркова Т.А., Теплова М.О. Антропонимы в немецких легендах и преданиях // Научные исследования молодых ученых. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 30 – 32.
2. Возмищева Н.В., Ельцова О.В., Исламова А.Р., Лыскова И.Ю., Поторочина Г.Е., Смирнова М.Н. Антропонимы в современных европейских языках (на материале английского, испанского, французского и немецкого языков) // Казанская наука. Глазов, 2025. № 5. С. 369 – 371.
3. Зеленовская А.В. Немецкий язык. Письменный перевод = Deutsch. Schriftliche Übersetzung: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 1. М.: БГУ, 2020. 279 с.
4. Жуков В.П. «Внутренняя форма» и целостное значение фразеологизма // Вопросы фразеологии и грамматики русского языка. Москва: Наука, 1967. 167 с.
5. Коковина Л.В. Специфическая роль фразеологизмов с именами собственными в английском языке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 2-2 (77). С. 76 – 79.
6. Кунин А.В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре. Тетради переводчика. 1964. № 2. С. 52 – 62.
7. Мурясов Р.З. Имена собственные в системе языка: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 128 с.
8. Сорокина А.В. Структурно-семантический анализ фразеологических единиц с антропонимом (сфера спорта) // Молодой ученый. 2022. № 5 (400). С. 345 – 347.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 366 с.
10. Шмелева О.Н. Антропонимы немецкого языка в гендерном аспекте // Современные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Материалы IV Международной заочной научно-практической конференции. 2016. С. 88 – 93.

References

1. Burkova T.A., Teplova M.O. Anthroponyms in German Legends and Folklore. Scientific Research of Young Scientists. Collection of Articles from the VI International Scientific and Practical Conference. Penza, 2020. P. 30 – 32.
2. Vozmishcheva N.V., Yeltsova O.V., Islamova A.R., Lyskova I.Yu., Potorochina G.E., Smirnova M.N. Anthroponyms in Modern European Languages (Based on English, Spanish, French, and German). Kazan Science. Glazov, 2025. No. 5. P. 369 – 371.
3. Zelenovskaya A.V. German Language. Written Translation = Deutsch. Schriftliche Übersetzung: textbook. Manual: in 2 parts. Part 1. Moscow: BSU, 2020. 279 p.
4. Zhukov V.P. "Internal Form" and the Holistic Meaning of a Phraseologism. Questions of Phraseology and Grammar of the Russian Language. Moscow: Nauka, 1967. 167 p.
5. Kokovina L.V. The Specific Role of Phraseologisms with Proper Nouns in the English Language. International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2023. No. 2-2 (77). P. 76 – 79.
6. Kunin A.V. On the Translation of English Phraseologisms in the English-Russian Phraseological Dictionary. Translator's Notebooks. 1964. No. 2. P. 52 – 62.
7. Muryasov R.Z. Proper Names in the Language System: Monograph. Ufa: RIC BashSU, 2015. 128 p.
8. Sorokina A.V. Structural and semantic analysis of phraseological units with an anthroponym (sports). Young scientist. 2022. No. 5 (400). P. 345 – 347.
9. Superanskaya A.V. General theory of proper names. Moscow: Nauka, 1973. 366 p.
10. Shmeleva O.N. Anthroponyms of the German language in the gender aspect. Modern problems of philology and methods of teaching foreign languages: Proceedings of the IV International correspondence scientific and practical conference. 2016. P. 88 – 93.

Информация об авторах

Арсханова М.А.Х., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-3860-2493>, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, arsahanova@mail.ru

Мусаева И.А., Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, irsmusaeva@mail.ru



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81.42

Лексические и синтаксические маркеры осуждения как формы проявления речевой агрессии в англоязычном интернет-дискурсе

¹ Дини И.А., ¹ Белова Л.В.,

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: в статье анализируются особенности коммуникативных процессов в англоязычном интернет-пространстве социальных сетей, отличающемся распространенностью речевой агрессии, одной из форм которой выступает осуждение. В рамках данного исследования был осуществлен анализ комплекса лексических и синтаксических языковых средств, представленных в агрессивно направленных сообщениях социальной сети X. Методология настоящего исследования представлена обзором научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу, нами использован ряд общенаучных и специальных лингвистических методов исследования, в том числе разговорный и контекстуальный анализ дискурса для выявления специфических характеристик вербализации агрессивных интенций с помощью языковых средств. Ключевым результатом научного исследования лексических единиц является эмпирическое подтверждение гипотезы о доминировании речевой агрессии как ведущей стратегии межличностной коммуникации в англоязычном цифровом пространстве. Установлено, что агрессивная коммуникативная парадигма детерминирует выбор конфликтно-ориентированных моделей взаимодействия, что обуславливает активное использование лингвистических средств критики и осуждения, формирующих дискурсивное пространство социальных сетей.

Ключевые слова: интернет-дискурс, дискурс социальных сетей, речевая агрессия, языковые средства, коммуникативное пространство, коммуникативная интенция, конфликтное взаимодействие

Для цитирования: Дини И.А., Белова Л.В. Лексические и синтаксические маркеры осуждения как формы проявления речевой агрессии в англоязычном интернет-дискурсе // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 106 – 112.

Поступила в редакцию: 18 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Lexical and syntactic markers of condemnation as a form of verbal aggression in English Internet discourse

¹ Deeney I.A., ¹ Belova L.V.,

¹ Belgorod State National Research University

Abstract: the article deals with the features of communication processes in the English-speaking Internet space of social networks, characterized by the prevalence of speech aggression, one of the forms of which is condemnation. Within the framework of this study, the analysis of a complex of lexical and syntactic linguistic tools presented in aggressively directed messages of the social network X was carried out. The methodology of this study is presented by a review of scientific works by domestic and foreign researchers on the issue under discussion. We have used a number of general scientific and special linguistic research methods, including conversational and contextual analysis of discourse to identify specific characteristics of verbalization of aggressive intentions using linguistic means. The key result of the scientific study of lexical units is the confirmation of the hypothesis of the dominance of speech aggression as the leading strategy of interpersonal communication in the English-speaking digital space. It is established that the aggressive communicative paradigm determines the choice of con-

flict-oriented interaction models, which leads to the active use of linguistic means of criticism and condemnation, forming the discursive space of social networks.

Keywords: internet discourse, social networks discourse, verbal aggression, linguistic means, communicative space, communicative intention, conflict interaction

For citation: Deeney I.A., Belova L.V. Lexical and syntactic markers of condemnation as a form of verbal aggression in English Internet discourse Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 106 – 112.

The article was submitted: July 18, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Появление социальных сетей трансформировало коммуникативные практики, обеспечив свободный моментальный обмен мнениями, мыслями, идеями между различными социальными группами. Такая демократизация процесса создания контента стимулировала экспоненциальный рост информационных сообщений, создав одновременно парадоксальную ситуацию: платформы, способствующие глобальному диалогу, превратились в среду распространения деструктивных коммуникативных практик. Как справедливо отмечает М. В. Калинина, «в настоящее время в современном обществе явно прослеживается этническое, политическое, экономическое напряжение, в связи с чем в языке появляются все новые средства для выражения агрессии» [6, с. 50]. В этой связи «модель поведения также меняет свои координаты и формы проявления агрессии в целом и вербальной агрессии в частности» [2, с. 90].

Речевая агрессия и высказывания, разжигающие ненависть, не только дестабилизируют коммуникацию, но и создают системные риски для социальных институтов и выстраивания интегративных процессов. По словам исследователя Е.В. Кондрашевой, «агрессивность, став практически постоянным признаком современного публицистического дискурса, наглядно демонстрирует, что нужно решать эту общезыковую проблему, создать коммуникационное пространство, в котором риски в процессе общения будут сведены к минимуму» [7, с. 26]. Ярко выраженная агрессивность сообщений в социальных сетях непосредственно коррелирует с процессом субъективизации, который представляет собой «один из важнейших процессов, характерных для современного интернет текста. Субъективные смыслы проявляются на самых различных уровнях языка, делая язык публичного текста чрезвычайно выразительным, помогают дискредитировать противника, актуализировать стереотипные представления, выразить похвалу, осуждение, презрение, критику и пр.» [11, с. 84].

В последние годы наблюдается рост исследовательского интереса к выявлению деструктивного контента в социальных сетях, что связано с потребностью в создании психологически безопасной и конструктивной виртуальной среды. Борьба с распространением языка вражды в социальных сетях представляет собой сложную задачу. **Актуальность** изучения проявлений речевой агрессии обусловлена тем, что в результате станет возможным определить реальность физического применения агрессии в живом, а не виртуальном пространстве, и спрогнозировать вероятные последствия ее исполнения, а также наладить конструктивное взаимодействие.

Обратившись к современной исследовательской практике, мы изучили существующие в научной литературе подходы к определению и изучению речевой агрессии. Под речевой агрессией в широком смысле подразумеваются все формы деструктивной коммуникации [1], агрессию также можно определить как «враждебное, вредоносное или разрушительное поведение» [13, с. 429]. В лингвистической литературе наблюдается неоднозначная оценка явления речевой агрессии. С одной стороны, исследователи заявляют о нежелательности проявления речевой агрессии и стремятся разработать способы снижения агрессивности в речевом общении во всех ее проявлениях, при этом с другой – вербальная агрессия вполне нейтрально определяется как речевой акт, способствующий снижению эмоционального напряжения коммуникантов [4] либо как одна из стратегий делового общения, направленная на достижение поставленной цели [9].

При этом, как отмечает исследователь А.А. Богданова, агрессия «это спланированный акт, который нацелен на нарушение коммуникативных интересов собеседника» [3, с. 434]. По мнению И.Г. Ищенко, «данное явление может быть мотивировано и вызвано разнообразными факторами: социальными, психологическими, идеологическими, политическими» [5, с. 57]. В представленном исследовании мы придерживаемся концепции, согласно которой речевая агрессия является разно-

видностью деструктивного коммуникативного воздействия, целью которого выступает нанесение психологического ущерба адресату.

Осуждение функционирует как форма агрессивной коммуникации, выражающаяся в вербализации негативного отношения к позиции, действиям адресата. Данный речевой акт реализуется через критику, замечания и упреки, направленные на трансформацию мировоззренческих установок адресата в соответствии с субъективной картиной мира говорящего. Ответная реакция адресата, содержащая контраргументы с элементами вербальной агрессии, инициирует циклическую динамику речевого конфликта, способствуя его дальнейшему распространению в цифровом коммуникативном пространстве.

Специфика интернет-общения, в котором контекст часто играет решающую роль, затрудняет выявление агрессивно-направленных высказываний. Согласно исследователю Н.В. Никоновой, «в аспекте лингвистических исследований дифференциация видов речевой агрессии в большинстве случаев основывается на типологических особенностях лексических и грамматических средств выражения речевой агрессии» [8, с. 415]. Ввиду большого объема сообщений на платформах социальных сетей нам представляется возможным идентифицировать высказывания, содержащие речевую агрессию, с помощью поиска языковых средств проявления агрессии.

Цели и задачи настоящего исследования состоят в выявлении языковых средств проявления осуждения, указывающих на речевую агрессию в англоязычных сообщениях виртуального дискурса, опубликованных в открытом доступе в социальной сети X (до 2023 года – Твиттер). Объектом настоящего исследования являются англоязычные высказывания, опубликованные в социальной сети X, которые содержат критику или осуждение как признаки речевой агрессии.

Теоретическую основу исследования составили отечественные и зарубежные работы в сфере теории и практики вербального взаимодействия таких ученых как Е.Н. Басовская, В.И. Жельвис, Н.В. Никонова, Р. Ротмайр, Л.Дж. Сиевер, в которых речевая агрессия интерпретируется как одна из форм коммуникативного влияния, направленного на модификацию поведенческих паттернов оппонента. Мы также учитывали исследование Б.В. Топович в области интернет-стилистики, в котором рассматриваются процессы, связанные с использованием языка в онлайн коммуникации. Среди последних научных работ, посвящённых изучению речевой агрессии в разных типах дискурса, мы опирались на исследования А.А. Богда-

новой, Е.В. Кондрашевой, М.В. Калининой, Н. П. Сюткиной, М.А. Фирсовой, которые изучают проявления вербальной агрессии в политическом дискурсе, учитывали работу А.Д. Бобр и Н.А. Ахреновой, которые занимаются изучением гендерного аспекта проявления агрессии, а также рассматривали работу И.Г. Ищенко и Ю.С. Сечко в области делового дискурса.

Материалы и методы исследований

Наше исследование выполнено на материале 392 коротких публичных текстовых сообщений, содержащих осуждающие высказывания, отобранных нами методом рандомизированной ручной выборки из англоязычных публикаций социальной сети X в период с октября 2021 года по март 2023 года. Критерием формирования исследовательского корпуса являлась выраженная степень агрессивной маркированности лексических единиц, что обеспечило репрезентативность выборки для последующего лингвистического анализа конфликтного дискурса.

В основе методологии исследования лежит когнитивно-дискурсивная парадигма, которая наиболее полно соответствует специфике вербального выражения агрессии в интернет-пространстве, обладающем межсубъектной природой. Методологический подход в том числе включал унификацию критериев идентификации речевой агрессии на основе устоявшихся в научном дискурсе дефиниций. В процессе исследования мы применяли как общенаучные подходы, так и специализированный лингвистический инструментарий: дискурс-анализ (конверсационный и контекстуальный) для выявления способов репрезентации агрессивных интенций; системный языковой анализ (лексический, грамматический, синтаксический) для определения специфики функционирования языковых средств в высказывании; стилистический анализ для выявления агрессивной тональности высказываний; метод количественного анализа для интерпретации полученных результатов. Такой комплексный подход позволил обеспечить многоаспектное изучение вербальных маркеров конфликтного взаимодействия в интернет-дискурсе.

Результаты и обсуждения

Анализ специфики конфликтного взаимодействия в коммуникативном пространстве социальной сети X позволил нам выявить, описать и систематизировать ряд лексических, грамматических и стилистических языковых средств, эксплицирующих критику и осуждение и тем самым определяющих агрессивную интенцию высказываний. Далее мы приводим наиболее частотные выявленные нами языковые средства критики и осужде-

ния, функционирующие в интернет-дискурсе социальной сети. Так, характерными лексическими средствами являются:

- **наречия**, в том числе наречия степени, выражения мнения и усилительные наречия: *seriously, really, highly, extremely, absolutely*. Наречия присутствуют в 56,8% сообщений с осуждением, при этом среди всех выявленных нами наречий насчитывается 43,9% наречий степени и выражения мнения, а усилительные наречия составляют 28,2%. Проведенный анализ демонстрирует зависимость использования наречий в агрессивной риторике пользователей социальной сети. Например, в случае агрессии в сторону конкретного государства-адресата, в контексте обсуждения иранской политики, наблюдается систематическое применение усилительных наречий *highly, extremely и never*. Ключевой характеристикой данных лексических единиц является их способность усиливать императивность высказывания и расширять семантические границы выраженной в них речевой агрессии.

- **лексемы со значением стыда, презрения, гнева**: *shame, despair, sadness, anger, embarrassment, disgust, disappointment, hate*, которые наблюдаются в 12,5% высказываний с осуждением. Данные лексические единицы выполняют эмотивную функцию, вербализуя негативные эмоциональные состояния говорящего, связанные с осуждением адресата. Эти языковые средства характеризуются двойственной природой: сочетая экспрессивную насыщенность с семантической емкостью, они внедряют осуждающую оценку в структуру высказывания, придавая ему устойчивую негативную коннотацию. Оттенки отрицательных эмоций раскрываются через лексемы, содержащие семантические компоненты стыда, гнева, презрения и разочарования, что усиливает смысловую многомерность данных лексических образований. Коннотативный спектр указанных единиц проявляется в их способности аккумулировать комплекс оценочных значений, трансформируя нейтральное высказывание в инструмент вербальной агрессии.

- **экспрессивные разговорные фразы**: *you're kidding, I dare you и whatever you say*, которые демонстрируют осуждающее презрение к точке зрения адресата и зафиксированы в 27,9% сообщений. Как справедливо отмечает Н.П. Сюткина, «экспрессивность текста формируется на всех этапах порождения высказывания, экспрессивные средства оказывают наибольшее воздействие на адресата» [10, с. 43].

- **экспрессивные разговорные прилагательные**: *lame, idiot, shitty*, которые встречаются в 5,3%

высказываний. Аппелляция к экспрессивным разговорным средствам служит инструментом вербализации осуждающей позиции говорящего, позволяя осуществлять критическую оценку явлений и подвергать сомнению взгляды адресата. В представленном ниже примере сообщения коммуникант, применяя экспрессивное выражение с коннотацией презрения, демонстрирует осуждение государственной миграционной политики и реализует речевую агрессию: *I just couldn't stand it. I got such a headache, oh please*. [14]. Мы подтверждаем наблюдение М.А. Фирсовой о том, что «выражение агрессии может происходить не только за счёт табуированных слов, но и посредством экспрессивно окрашенных лексем, в процессе употребления которых актуализируются негативные смыслы» [12, с. 44].

- **глаголы с семантикой желания**: *want, wish, mean, crave*, которые присутствуют в 6,1% осуждающих высказываний.

- **лексемы со значением неправоты, ошибки**: *mistake, error, wrong, delusion*, которые используются в 8,9% сообщений.

- **лексемы, номинирующие социальные группы**: *americans, muslims, jews, gypsies, black*, которые функционируют в 3% сообщений и указывают непосредственно на адресатов высказывания: осуждаемую автором социальную группу и взгляд на ее сторонников.

- **эвкативные лексемы с историческим контекстом**: *slavery, segregation, genocide, imperial policy*, которые встречаются в 2,6% высказываний с осуждением.

Анализируемые лексические маркеры, на наш взгляд, свидетельствуют о формировании агрессивного противопоставления «своих» и «чужих»: социальная группа, которую автор высказывания осуждает и считает враждебной себе, подвергается критике в его сообщениях. Нами отмечается устойчивая тенденция коммуникантов к использованию местоимения первого лица множественного числа «мы» для репрезентации собственной позиции, даже в случаях, когда высказывание исходит от единственного автора. Например, осуждая внешнюю политику Турции, автор прибегает к местоимению *we*, демонстрируя связь с более обширной группой единомышленников: *If they play by their own rules, I say let's hit Turkey with very tough sanctions! I'm watching closely* [14].

Кроме того, мы выявили частотное использование местоимения «они» в высказываниях пользователей, содержащих осуждение и критику адресата. Замена прямого обращения «ты» или «вы» на дистанцирующее «они» подчеркивает враждебную, оппозиционную природу адресата, создавая

дискурсивный эффект устранения прямой коммуникации и имплицитно отсутствие непосредственного взаимодействия между сторонами речевого конфликта. Например: *They attacked us, and we struck back* [14].

Среди синтаксических языковых средств, являющихся маркерами осуждающего высказывания, особое место занимают высказывания, содержащие риторический вопрос, повелительные конструкции, например: *you must stop*, и условные предложения с императивной формой инфинитива со значением долженствования. В таких синтаксических конструкциях широко распространены модальные глаголы *must, should, need, may, ought*. Использование императивной модальности создает иллюзию объективной оценки, а дидактический тон маскирует агрессивную коммуникативную интенцию под рациональную критику. Риторические вопросы чаще всего актуализируют проблемы государственного управления, социальной политики, экономических реформ, что обуславливает доминирование социально-политической проблематики в сообщениях с критикой.

Вводная конструкция в высказывании: *I thought it was very tough to the African-American community, actually...* создает иллюзию личного участия, автор выражает критику имплицитно, и эвфемистическая формулировка заменяет прямое осуждение. Данное высказывание представляет собой пример имплицитной речевой агрессии, где осуждение реализуется через стратегию смягченной критики, использование неопределенных референтов и подмену прямой критики псевдо-эмпатической риторикой.

Предложения с придаточным условия могут имплицитно нивелировать статус адресата, поскольку реализация условия в таких высказываниях детерминирована конкретным коммуникативным контекстом. Заметим, что вероятность выполнения условия часто не отражает объективной реальности, а конституируется в субъективном сознании говорящего. Например: *It's really a matter of some people not trying hard enough; if blacks would only try harder they could be just as well off as whites*. [14]. Сравнительная конструкция в предложении устанавливает некий иерархический стандарт, автор сообщения имплицитно интеллектуальную неполноценность адресата, легитимируя существующее неравенство через осуждающий аргумент «недостаточных усилий» критикуемой социальной группы.

Следующее высказывание представляет собой казуистическую форму речевой агрессии, где осуждение реализуется через отрицание структурного неравенства, универсализацию индивидуаль-

ной ответственности и нормативное принуждение к соответствию доминантным стандартам: *I don't like what he said. No, I don't like what he said. I heard him, I was like, 'Let me read it again' because I actually saw it*. [14]. Эта речевая стратегия соответствует механизмам имплицитной агрессии, когда осуждение маскируется под рациональную констатацию факта, что усиливает ее коммуникативный эффект и затрудняет контраргументацию.

Критическая направленность в отношении позиции адресата может маркироваться через цитирование источников, с которыми автор сообщения демонстрирует идеологическое расхождение. Подобное использование цитат, представляющее собой форму дискурсивного несогласия, интерпретируется нами как проявление вербальной агрессии в коммуникативном пространстве сети X. Цитирование как стратегия репрезентации коммуникативных интенций обладает полифункциональным характером и может реализовывать различные задачи: аргументативное подтверждение собственной позиции, опровержение альтернативных взглядов, контраргументацию или дискредитацию оппонента. Эмпирический анализ показывает, что пересылка сообщений с цитатами (включая механизм репостинга) функционирует как эффективный инструмент выражения осуждающего отношения к точкам зрения, воспринимаемым как ошибочные. Данная практика одновременно расширяет аудиторный охват и усиливает воздействие на адресата. Значительная часть подобных высказываний представляет собой комментарии и реакции на предшествующие обсуждения, при этом критика часто получает развитие в комментариях пользователей, которые сами становятся авторами агрессивных высказываний.

Анализ высказываний в социальной сети X позволил выявить стратегии осуждения расистских интенций, среди которых значимое место занимает дихотомия «сердца» и «разума». В рамках данной риторической модели расизм концептуализируется как проблема эмоциональной сферы (сердца), а не когнитивных процессов (разума), что позволяет субъекту дискурса признавать факт расистских высказываний при одновременном осуждении расистской природы убеждений. Эта стратегия находит свое отражение в осуждающих комментариях, где демонстрируется, что подобные дискурсивные тактики применяются не только для отрицания расизма, но и для нейтрализации обвинений в других формах дискриминационного поведения: *Why you believe him? You can't give him the benefit of the doubt on this and he's telling you what was in his heart? You want to go with what's*

come out of his mouth rather than what's in his heart. [14].

Агрессивное речевое поведение рассматривается как разновидность императивного речевого акта. Данная коммуникативная стратегия позволяет говорящему транслировать интенции, касающиеся потенциально вредоносных действий, воспринимаемых адресатом как нежелательные. Учитывая потенциальную противоправность подобных высказываний, необходимо заметить, что они нередко реализуются в косвенной (имплицитной) форме. При таком сценарии отправитель сообщения сознательно избегает эксплицитных формулировок, предоставляя получателю возможность самостоятельной интерпретации скрытого смысла, что позволяет отправителю впоследствии отрицать обвинения в агрессивном поведении.

Эффективность агрессивного речевого акта обусловлена способностью адресата к его идентификации и осознанию потенциальной опасности – в противном случае коммуникация не достигает поставленной цели. Следовательно, выражение агрессии требует оптимального баланса между эффективностью передачи сообщения и необходимой степенью его имплицитности, сохраняя при этом декодируемость для адресата, что предполагает разработку устойчивой коммуникативной стратегии, учитывающей комплекс лингвистических и экстралингвистических аспектов успешного речевого взаимодействия.

Выводы

Наличие оскорбительных высказываний в коммуникативном пространстве социальной сети X свидетельствует о глубоко укорененной практике агрессивного взаимодействия, характеризующей

данную среду как конфликтогенную и потенциально токсичную. Осуждение как форма речевой агрессии конституирует оппозицию говорящего и адресата, «своих» и «чужих» групп, что проявляется в дискурсивном дистанцировании и маркировании границ между коммуникантом и социальными группами, чьи ценностные ориентации и мировоззренческие установки подвергаются категоричному отрицанию.

В конфликтном дискурсе осуждения рассмотренные лингвистические маркеры подвергаются перцептивной обработке и интерпретации в процессе взаимодействия, нередко адаптируясь под коммуникативные интенции участников диалога. Критика как агрессивная речевая тактика может реализовываться через различные формы: от комментария к предыдущему высказыванию или цитирования позиции оппонента до развернутых эмоциональных реакций. Вербализация негативных интенций осуществляется как непосредственно (посредством прямых обвинений, требований или грубых замечаний), так и опосредованно, когда осуждение имплицитно реализуется через косвенные речевые акты, маскирующие агрессивную направленность высказывания.

Нам представляется перспективным осуществить сравнительно-сопоставительное изучение проявления речевой агрессии в русском и английском языках, а также обратиться к материалам других популярных англоязычных и русскоязычных медиаплатформ с целью более комплексного изучения интернет-дискурса и исследования лингвокультурологической специфики вербализации агрессии.

Список источников

1. Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 257 – 263.
2. Бобр А.Д., Ахренова Н.А. Гендерные особенности проявления вербальной агрессии в киберпространстве // Военно-филологический журнал. 2024. № 1. С. 89 – 101.
3. Богданова А.А. Лексико-семантические способы выражения вербальной агрессии в российском и американском политическом дискурсе // Казанская наука. 2024. № 10. С. 434 – 436.
4. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
5. Ищенко И.Г., Сечко Ю.С. Вербальная агрессия в англоязычном деловом дискурсе (на примере фильма «Glengarry Glen Ross») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 50 – 60.
6. Калинина М.В. Вербальные средства выражения агрессии в политических ток-шоу // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. № 9 (4). С. 49 – 56.
7. Кондрашева Е.В., Ермакова Е.В. Речевая агрессия в публицистической речи (на примере ток-шоу «60 минут» и «Место встречи») // Эпоха науки. 2021. № 26. С. 114 – 118.
8. Никонова Н.В., Петрова А.С., Рашидова Д.Т. Речевая агрессия: формы и сферы бытования. Культурно-национальная специфика проявления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, Вып. 2. С. 413 – 418.

9. Ротмайр Р. «Пробивные» стратегии на деловых переговорах как пример «положительной» завуалированной агрессивности // Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. / под ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2004. С. 53 – 67.
10. Сюткина Н.П. Экспрессивность как средство вербальной агрессии и инструмент постправды // Сборник Материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2023. Выпуск 6. С. 43 – 48.
11. Топович Б.В. Интернет-стилистика. М.: Наука, 2020. 238 с.
12. Фирсова М.А. Глаголы «осуждающей» семантики как средство выражения вербальной агрессии // Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (92). С. 43 – 48.
13. Siever L.J. Neurobiology of aggression and violence // American Journal of Psychiatry. 2008. Vol. 165. P. 429 – 442.
14. X (social networks). URL: <https://x.com>

References

1. Basovskaya E.N. Creators of Black-and-White Reality: On Verbal Aggression in the Mass Media. Critique and Semiotics. 2004. Issue 7. P. 257 – 263.
2. Bobr A.D., Akhrenova N.A. Gender Features of Verbal Aggression in Cyberspace. Military Philological Journal. 2024. No. 1. P. 89 – 101.
3. Bogdanova A.A. Lexical and Semantic Ways of Expressing Verbal Aggression in Russian and American Political Discours. Kazan Science. 2024. No. 10. P. 434 – 436.
4. Zhelvis V.I. Battlefield. Profanity as a Social Problem in the Languages and Cultures of the World. Moscow: Lodomir, 2001. 349 p.
5. Ishchenko I.G., Sechko Yu.S. Verbal aggression in English-language business discourse (based on the film "Glengarry Glen Ross"). Theoretical and Applied Linguistics. 2023. Issue 9, No. 1. P. 50 – 60.
6. Kalinina M.V. Verbal means of expressing aggression in political talk shows. Theoretical and Applied Linguistics. 2023. No. 9 (4). P. 49 – 56.
7. Kondrasheva E.V., Ermakova E.V. Speech aggression in journalistic speech (based on the talk shows "60 Minutes" and "Meeting Place"). Epoch of Science. 2021. No. 26. P. 114 – 118.
8. Nikonova N.V., Petrova A.S., Rashidova D.T. Speech aggression: forms and spheres of occurrence. Cultural and national specificity of manifestation. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2022. Vol. 15. Issue 2. P. 413 – 418.
9. Rotmayr R. "Punch-through" strategies in business negotiations as an example of "positive" veiled aggression. Aggression in language and speech: collected scientific articles. edited by I.A. Sharonov. Moscow: RSUH, 2004. P. 53 – 67.
10. Syutkina N. P. Expressiveness as a Means of Verbal Aggression and a Tool of Post-Truth. Collection of Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. 2023. Issue 6. P. 43 – 48.
11. Topovich B.V. Internet Stylistics. Moscow: Nauka, 2020. 238 p.
12. Firsova M.A. Verbs of "Condemning" Semantics as a Means of Expressing Verbal Aggression. Humanitarian Studies. 2024. No. 4 (92). P. 43 – 48.
13. Siever L.J. Neurobiology of Aggression and Violence. American Journal of Psychiatry. 2008. Vol. 165. P. 429 – 442.
14. X (social networks). URL: <https://x.com>

Информация об авторах

Дини И.А., доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белова Л.В., аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, belova.lv@inbox.ru

© Дини И.А., Белова Л.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 81'255.4

Исследование китайского перевода «Мать» Горького с позиции переводческой эстетики

¹ Чжэн Нин,

¹ Хэйлунцзянский университет, Китай

Аннотация: переводческая эстетика требует от переводчика понимания, трансформации и обработки эстетической информации, содержащейся в эстетическом объекте, с целью воссоздания эстетического эффекта и обеспечения у читателя перевода той же эстетической реакции, что и у читателя оригинала. Роман Максима Горького «Мать», являясь представительным произведением русско-советских «красных классиков», обладает ярко выраженной романтической эстетической направленностью. В настоящей статье анализируется эстетическая репродукция при переводе формальной системы оригинала на трёх уровнях – фонетическом, лексическом и стилевом (дискурсивном), а также рассматривается эстетическая репродукция неформальной системы оригинала с точки зрения красоты образа и красоты идей. Целью исследования является предоставление методологических рекомендаций для перевода русско-советских «красных классиков» на китайский язык, в которых достигается высокое единство истины, добра и красоты в рамках марксистской эстетики.

Ключевые слова: «Мать» Горький, переводческая эстетика; китайский перевод

Для цитирования: Чжэн Нин Исследование китайского перевода «Мать» Горького с позиции переводческой эстетики // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 113 – 120.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

A study of the Chinese translation of Gorky's *Mother* from the perspective of translation aesthetics

¹ Zheng Ning,

¹ Heilongjiang University, China

Abstract: translation aesthetics requires the translator to understand, transform, and process the aesthetic information contained in the aesthetic object, aiming to recreate the aesthetic effect and ensure that the reader of the translation experiences the same aesthetic response as the reader of the original. Maxim Gorky's novel *Mother*, being a representative work of the Russian-Soviet «red classics», possesses a distinctly romantic aesthetic orientation. This article analyzes aesthetic reproduction in translating the formal system of the original text at three levels – phonetic, lexical, and stylistic (discursive) – and also examines the aesthetic reproduction of the informal system of the original from the perspective of the beauty of imagery and the beauty of ideas. The aim of the study is to provide methodological recommendations for translating the Russian-Soviet «red classics» into Chinese, achieving a high unity of truth, goodness, and beauty within the framework of Marxist aesthetics.

Keywords: *Mother* by Gorky, translation aesthetics, Chinese translation

For citation: Zheng Ning A study of the Chinese translation of Gorky's *Mother* from the perspective of translation aesthetics. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 113 – 120.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: September 17, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Роман «Мать» в наибольшей степени отражает литературные идеалы Максима Горького. В нём показано, как трудящиеся массы встают под руководство пролетариата и находят великий и светлый путь сопротивления и борьбы – социализм. «Мать» Горького стала первым произведением русско-советских «красных классиков», переведённым на китайский язык. С момента появления перевода «Мать» в Китае это произведение постоянно привлекает внимание китайских исследователей. «Красные классики», как литературные произведения, посвящённые коммунистической борьбе, сочетают в себе общие черты классических произведений и особенности, обусловленные их «красной» идеологической направленностью, что формирует их уникальную эстетическую ценность. Горький создал это реалистическое произведение, используя романтический, поэтический и живописный язык; в его риторических приёмах, лирических интонациях и романтической манере содержится неиссякаемая свежесть и энергичная подлинность [1]. «Мать» насыщена эстетическими элементами: её язык изящен, а идеи глубоки, что делает роман ярким представителем эстетической направленности русско-советских «красных классиков». Поэтому при переводе крайне важно воспроизводить эстетическую информацию на всех уровнях текста. Подход, основанный на теории переводческой эстетики, позволяет всесторонне проанализировать эстетическую информацию на различных уровнях и обеспечить эстетическую эквивалентность между оригиналом и переводом.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили оригинал Горького и переводы на китайском языке – Чжэн Хайлина и Ся Яня. Методологической основой стали интертекстуальный анализ, сравнительный метод, теория переводческой эстетики с целью выявить, каким образом в китайском переводе воссоздаётся многоуровневая эстетическая ценность оригинала.

Результаты и обсуждения

Переводческая эстетика представляет собой синтез переводоведения и эстетики. Она рассматривает научную и художественную природу перевода с эстетической точки зрения, применяет основные принципы эстетики для формулирования эстетических критериев перевода различных текстов, а также анализа, интерпретации и решения эстетических проблем, возникающих при межъязыковой трансформации [2]. Фан Мэнчжи в «Словаре переводоведения» отмечает, что переводческая эстетика раскрывает эстетические исто-

ки переводоведения, рассматривает научную и художественную сущность перевода через призму эстетики и, опираясь на фундаментальные принципы эстетики, анализирует, объясняет и решает эстетические проблемы межъязыковой коммуникации. На основе глубокого понимания свойств эстетического объекта перевода (оригинала) и эстетического субъекта (переводчика) она исследует эстетическую структуру объекта и активную роль субъекта, уточняет взаимосвязь между субъектом и объектом, а также предлагает типы и средства эстетической репродукции, тем самым направляя практическую деятельность переводчика [2].

Язык несёт в себе эстетическую информацию произведения, а эстетическая ценность художественного текста проявляется именно в языке. По мнению Лю Мичина, эстетическую структуру эстетического объекта можно разделить на две взаимосвязанные и неразрывные системы – формальную и неформальную [3]. Формальная система передаёт эстетическую информацию и значение на трёх уровнях: фонетическом, лексическом и стилевом (дискурсивном). Неформальная система анализируется с точки зрения образности и идеологической глубины – через образы, их сочетания (создающие настроение и атмосферу) и идейное содержание. Переводчик должен обладать способностью воспринимать и трансформировать языковую эстетику, сохраняя при этом эстетическую информацию оригинала и проявляя субъективную инициативу для достижения эстетической репродукции на всех языковых уровнях.

Звуковая и ритмическая организация языка является одним из важнейших показателей эстетической ценности художественного произведения [3]. Следовательно, переводчик должен стремиться сохранить и воспроизвести в переводе звуковую и ритмическую красоту оригинала.

Пример (1)

Оригинал:

Грязь чмокала под ногами. Раздавались хриплые восклицания сонных голосов, грубая ругань зло рвала воздух, а навстречу людям плыли иные звуки – тяжелая возня машин, ворчание пара.

Перевод Чжэн Хайлина:

Фабричные лампы осветили грязную дорогу, грязь встала у ног людей, издавая шипящие звуки, сонные голоса, грубая ругань зло рвала воздух, а навстречу людям плыли иные звуки – тяжелая возня машин, ворчание пара,夹杂着滋滋的蒸汽声。

Этот фрагмент описывает шумную, хаотичную и тяжёлую рабочую обстановку. Использование звукоподражательных и повторяющихся слов уси-

ливаает живость и достоверность сцены. «чмокала» имитирует звук грязи под ногами. «Хриплые» и «ругань» передают усталость и раздражение людей. «Ворчание» отражают шум промышленного производства, намекая на мощь капиталистической системы. Эти звуки, переплетаясь, демонстрируют угнетение и эксплуатацию рабочих капиталистическим производственным укладом. Применение звукоподражательных и повторяющихся слов эффективно сохраняет звуковой эффект оригинала, усиливает слуховое восприятие читателя и успешно передаёт эстетические особенности языка оригинала, погружая читателя в шумную и тяжёлую атмосферу заводской жизни.

Лексический уровень находится выше фонетического и обладает комплексной функцией – грамматической, семантической и эстетической [4].

Подбор слов является основным средством воссоздания эстетической ценности. Китайская лексика обладает глубокой и живой красотой. При подборе слов важна тщательная «шлифовка»: выбранные слова должны не только передавать эмоции и смысл, но и доставлять читателю эстетическое удовольствие. Лю Мичин предложил три критерия подбора слов в переводе: «точность, красота, лаконичность». «Точность» требует соответствия контексту и культурной ситуации, а также логического вывода на основе речевого контекста для безошибочной передачи смысла оригинала. «Красота» означает способность вызывать у читателя эстетическое наслаждение. «Лаконичность» подразумевает краткость и отсутствие избыточности. Переводчик должен целостно воспринимать оригинал при подборе слов.

Пример (2)

Оригинал:

Вечером, когда садилось солнце и на стеклах домов устало блестели его красные лучи, – фабрика выкидывала людей из своих каменных недр, словно отработанный шлак.

Перевод Чжэн Хайлина:

傍晚, 太阳落山的时候, 房屋的玻璃窗上疲惫地闪烁着血红的余辉。此时, 工人们从鸟笼般的厂房里急急地拥出来, 像被工厂抛弃的废炉渣似的。

Перевод Ся Яня:

傍晚, 夕阳西下, 落日火红的霞光在家家户户的玻璃窗上疲倦地闪烁着, 工厂的砖房从自己的胸膛里, 将人们像废矿渣一样抛掷出来。

Это предложение описывает обстановку после окончания рабочего дня. Слово красные лучи буквально означает «красные лучи». Ся Янь передал его как «огненно-красные лучи заката», а Чжэн

Хайлин – как «крово-красные отблески заката». Хотя оба варианта описывают закат, различие в лексике создаёт разную атмосферу и эмоциональную окраску.

«Крово-красный» создаёт тяжёлое, подавленное настроение; «огненно-красный» – более яркий и горячий, вызывающий ощущение тепла, надежды и жизненной силы. «Отблески заката» указывают на угасающий свет после захода солнца, что само по себе несёт оттенок увядания и намекает на усталое завершение рабочего дня, создавая атмосферу упадка и увядания («Закат прекрасен, но день клонится к вечеру»). «Лучи заката» же – это цветное сияние на небе при заходе солнца (чаще всего красное), передающее спокойную и прекрасную картину.

Гуань Сюйцзюань отмечает, что выбор переводного эквивалента для определённой языковой единицы может быть уточнён под влиянием предшествующей фразы; логический вывод из предыдущего контекста позволяет определить конкретное значение данной единицы в тексте и тем самым обеспечить более точный выбор выражения. Из слова устало (устало) можно логически вывести, что красные лучи в данном контексте – это именно «крово-красные отблески заката». Такой лексический выбор ярко и образно воссоздаёт эстетическую атмосферу оригинала, позволяя читателю ощутить эстетику увядания и усталости.

Эстетическое восприятие – это способность субъекта распознавать и понимать эстетические качества объекта в процессе эстетического восприятия. В переводе именно эстетическое восприятие переводчика служит ключевым звеном, связывающим его с эстетическим опытом оригинала, что требует от переводчика определённой эстетической культуры.

Пример (3)

Оригинал:

Жизнь всегда была такова, – она ровно и медленно текла куда-то мутным потоком годы и годы.

Перевод Чжэн Хайлина:

生活像一条浑浊的河流平静而缓慢地流向远方。

Перевод Ся Яня:

它像一条混浊的河流, 年复一年, 平坦徐缓地不知向什么地方流去。

Автор сравнивает жизнь с рекой, передавая философскую мысль о неумолимом течении времени. Чжэн Хайлин переводит куда-то как «вдаль», а Ся Янь – как «неизвестно куда». Хотя в реальности река течёт в определённом направлении, автор специально подчёркивает неопределённость

направления, чтобы выразить потерянную рабочих в отношении будущего. Следовательно, ключевая информация о «неизвестности» не должна быть опущена. В данном случае Чжэн Хайлин не сумел точно уловить эстетическую сущность оригинала.

Четырёхсложные устойчивые выражения – это фиксированные лексические сочетания с плотной структурой и лаконичным содержанием. Их уместное использование делает перевод более живым, лучше соответствует нормам китайского языка и обогащает эмоциональное содержание, являясь эффективным средством передачи эстетической информации.

Пример (4)

Оригинал:

Ругали и били детей тяжело, но пьянство и драки молодежи казались старикам вполне законным явлением.

Перевод Чжэн Хайлина:

父母要是打骂起孩子来都很凶狠, 但年轻人酗酒打架在长辈看来却**不足为怪**。

Фраза вполне законное явление буквально означает «полностью законное явление». Переводчик удачно заменил её на устойчивое выражение «вполне естественные» (不足为怪 – «не стоит удивляться»). Такая трансформация делает текст более плавным и естественным, одновременно точно передавая смысл оригинала.

Тропы и фигуры речи – это особые приёмы, повышающие выразительность языка. Они позволяют ярко и образно передать мысли и чувства автора, обогащая эстетическое содержание текста [5]. Поэтому тропы играют ключевую роль в передаче эстетической информации и обладают значительной эстетической ценностью. Только сохранив эти стилистические особенности в переводе, можно в максимальной степени сохранить красоту оригинала. И русский, и китайский языки богаты разнообразными тропами, большинство из которых сосредоточено на лексическом уровне.

Пример (5)

Оригинал:

Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы.

Перевод Чжэн Хайлина:

在工人们集居的村镇上空, 笼罩着一层庆蒙蒙的油烟, 每天早晨, 工厂的**汽笛都颤抖着发出粗暴的吼叫**, 居住在灰色小木屋里的工人们, 一听到汽笛声, **就像受惊的蟑螂似的**, 慌忙从家里跑

出来。他们显然睡眠不足, 疲劳的筋骨也没有得到恢复, 于是哭丧着脸, 一副无精打采的样子。

Метафора помогает читателю активизировать воображение, расширяя и обогащая образ, описанный в тексте, и тем самым доставляя эстетическое удовольствие, выходящее за рамки буквального смысла. Сравнение рабочих с «испуганными тараканами» подчёркивает их рефлекторную реакцию на гудок и демонстрирует низкое положение угнетённого рабочего класса.

Олицетворение придаёт неодушевлённым предметам человеческие качества, эмоции или действия, наделяя их чертами личности. Автор наделяет гудок человеческим действием – «реветь», что ярко передаёт гул промышленного производства и создаёт ощущение раздражительности под давлением системы. Перевод Чжэн Хайлина не только точно сохраняет значение слова «реветь» и приём олицетворения, но и проявляет творческую инициативу, глубоко раскрывая дополнительные и скрытые смыслы этого слова: добавленное прилагательное «грубый» усиливает эстетическое воздействие перевода.

Пример (6)

Оригинал:

В холодном сумраке они шли по немощеной улице к высоким каменным клеткам фабрики, она с равнодушной уверенностью ждала их, освещая грязную дорогу десятками жирных квадратных глаз.

Перевод Чжэн Хайлина:

天刚蒙蒙亮, 周围寒气袭人, 他们走在没有铺修路面的街道上, 朝着砖石结构的高大如鸟笼一般的厂房走去, 工厂正等待着他们, 几十只油腻的四方眼睛流露出冷漠和自信, 工厂的灯光照亮了泥泞的道路。

Перевод Ся Яня:

在寒冷昏暗的晨曦中, 他们沿着没有铺修的道路, 向工厂一座座高大的笼子般的砖房走去, 工厂睁着几十只油腻的四方眼睛, 照着泥泞的道路, 摆出冷淡自信的样子等着他们

По мнению Лакоффа и Джонсона, суть метафоры заключается в понимании одного явления через другое, то есть в проецировании структуры одной концептуальной области (исходной) на другую (целевую) [6].

В оригинале целевой областью является завод, исходной – глаза; сходство заключается в «свете» и «жирных квадратных» формах. Таким образом, возникает метафора «завод – глаза». В переводе Чжэн Хайлина сходство «освещать» не передано напрямую, а перемещено в следующее предложение, что затрудняет понимание читателем. Ся Янь,

напротив, точно уловил эстетический замысел автора и передал все элементы метафоры: выражение «завод смотрел глазами» полностью воссоздаёт метафору «завод – глаза», позволяя читателю максимально приблизиться к оригинальному восприятию. С точки зрения языкового выражения и переводческого эффекта, Ся Янь сохранил логическую последовательность оригинала: «завод (тема) – глаза (рема)», «глаза (тема) – выражают холодную уверенность (рема)», что обеспечило идеальную трансформацию темы и ремы в структуре предложения, создало прагматическую связность дискурса и сделало текст плавным и естественным, более успешно передав эстетическую ценность оригинала.

Пример (7)

Оригинал:

Жизнь всегда была такова, – она ровно и медленно текла куда-то мутным потоком годы и годы.

Перевод Чжэн Хайлина:

日子就这样一天天过去了，生活像一条浑浊的河流平静而缓慢地流向远方。日复一日，年复一年。

Фраза годы и годы буквально означает «год за годом». Переводчик добавил четырёхсложное выражение «день за днём», создав эффект повторения и цикличности.

Хотя в русском оригинале здесь нет палиндрома, в китайском переводе использование повторяющихся структур («день за днём, год за годом») создаёт ритмическую симметрию и подчёркивает монотонность и бесконечность течения жизни. Такой приём усиливает выразительность языка, придаёт тексту гармоничный ритм и позволяет читателю глубже почувствовать философский смысл описываемого явления.

Индивидуальность автора и его художественные особенности проявляются в стиле дискурса. Стиль дискурса формируется на нескольких уровнях: лексическом, фонетическом, синтаксическом, композиционном и паралингвистическом. В процессе трансформации эстетической информации переводчик должен провести глубокий и детальный анализ оригинала, точно уловить его стилистические черты, чутко распознать содержащиеся в нём эстетические элементы и с высоким мастерством воссоздать эстетические качества оригинала, чтобы передать его стилистическое своеобразие.

До вступления в революционную борьбу речь Павла была грубой, предложения – простыми, словарный запас – ограниченным. Соответственно, перевод также должен сохранять простоту китайского языка. Сравнительный анализ оригинала и переводов «Матери» показывает, что переводчи-

ки стремились к стилистической верности, эффективно передавая авторскую манеру и сохраняя эстетическую черту стиля дискурса оригинала.

Пример (8)

Оригинал:

Павел Власов пришел домой сильно пьяный. Качаясь, он пролез в передний угол и, ударив кулаком по столу, как это делал отец, крикнул матери: – Ужинать!

Перевод Чжэн Хайлина:

父亲死后不到两个礼拜，在一个礼拜天的晚上，巴维尔·弗拉索夫喝得醉醺醺的，跌跌撞撞地回到家里。他摇晃着身子走到门厅的墙角里，像父亲那样在桌上擂了一拳，冲母亲喊道：“快拿饭来！”

В русской грамматике инфинитив в значении повелительного наклонения выражает резкий, категоричный приказ и является крайне грубой формой обращения. После того как Павел напился, он прямо сказал матери ужинать! – это крайне грубо и неуважительно. Переводчик добавил наречие «быстро», переведя фразу как «Быстро неси ужин!», что точно воссоздаёт эмоциональную окраску, переданную грамматической формой в оригинале, и передаёт грубость и нетерпение.

Пример (9)

Оригинал:

Он говорил ей «вы» и называл «мамаша», но иногда, вдруг, обращался к ней ласково: – Ты, мать, пожалуйста, не беспокойся, я поздно ворочусь домой...

Перевод Чжэн Хайлина:

他对母亲尊称“您”，或者叫她好妈妈，但有时忽然变得亲切起来，对母亲说：“妈，我今天回来晚一点儿，你可别担心哟...”

После знакомства с теорией социалистической революции речь Павла заметно изменилась, став более вежливой и культурной. Обращение «вы» отражает уважение и вежливость Павла по отношению к матери. Чжэн Хайлин добавил частицу «ладно», что точно передаёт нежность и ласковость, присутствующие в оригинале.

С точки зрения структуры эстетического восприятия, волеизъявление, эмоции, идеи и образы пронизывают формальную чувственность и символическую эмоциональность, составляя целостный «эстетический нечёткий набор» эстетического объекта.

Красота образа включает красоту художественного образа и красоту настроения (атмосферы). Художественная атмосфера относится к типу образной системы, в которой сцены смешивают реальность и реалии, представленные в лирических произведениях, и пространство эстетического воображения, которое это вызывает и открыва-

ет[7]. Художественный образ – это результат взаимодействия автора с объективной реальностью, обладающий чёткой эмоциональной направленностью. Система связанных образов создаёт настроение – целостное единство субъективных чувств автора и объективных явлений. Уникальный художественный образ и художественная атмосфера составляют ядро его эстетической ценности. Поэтому при переводе прозы переводчик должен стремиться к воссозданию образов и настроения, чтобы достичь «духовного сродства» между оригиналом и переводом в плане красоты образа и атмосферы.

Пример (10)

Оригинал:

Девушка наклонилась вперед и – точно былинка среди мутной равнины, в резвой игре осеннего ветра. Справа от нее, на болоте, темной стеной стоит лес, там уныло шумят тонкие голые березы и осины. Где-то далеко впереди тускло мелькают огни города...

Перевод Чжэн Хайлина:

Гульгань вперёд наклонилась, как в сумраке степи одна из маленьких трав, которую осенний ветер сносит набок. Справа от неё, на болоте, тёмной стеной стоит лес, там уныло шумят тонкие голые берёзы и осины. Где-то далеко впереди тускло мелькают огни города.....

Перевод Ся Яня:

Её тело слегка наклонилось вперёд, как в сумраке степи одна из маленьких трав, которую осенний ветер сносит набок. Справа от неё, на болоте, тёмной стеной стоит лес, там уныло шумят тонкие голые берёзы и осины. Где-то далеко впереди тускло мелькают огни города.....

Берёзка символизирует хрупкость и слабость героини.

Осенний ветер создаёт атмосферу увядания и меланхолии.

Тёмный указывает на мрачность реальности.

Берёза и осина – деревья, олицетворяющие величие, стойкость и жизненную силу. Берёза – национальное дерево России, символ русского духа. Её непокорная стойкость символизирует готовность героини противостоять мраку реальности и упорно бороться за революционные идеалы. Образы дуба и берёзы обретают не только стабильность, но и масштабную глубину, выражая метафоры России на полотнах передвижников, от И. Шишкина (особенно дубы, причём одна из картин своим названием прямо отсылает нас к песне А.Ф. Мерзлякова), до «Берёзы в роще» А. Куинджи и И. Левитана[8].

Огни символизируют надежду.

Это поэтическое и насыщенное образами описание создаёт атмосферу отчаяния и безысходности, но при этом не лишённую надежды. Оба переводчика стремились воссоздать эту систему образов, однако в деталях их подходы различаются. Ся Янь опустил фразу темной стеной стоит лес («лес стоит чёрной стеной»), что ослабило образ «тьмы», дополнительно подчёркивающий мрачность реальности. Из-за различий в эстетическом восприятии Ся Янь не сумел правильно понять этот ключевой образ, что привело к пропуску. Кроме того, он добавил прилагательное «густой», означающее «густой, пышный», что противоречит образу «голых» деревьев и сезону увядания – осени. Таким образом, перевод Ся Яня искажает образную и атмосферную целостность оригинала. В целом, оба перевода передают скрытую поэтику оригинала, единство субъекта и объекта, гармонию чувств и пейзажа, сохраняя долгое эхо и глубокий смысл. Однако в деталях перевод Чжэн Хайлина оказывается более точным.

Идея – душа языка. «Мать» отражает марксистскую политическую эстетику, включающую такие понятия, как «красота трудового производства» и «народность». Горький низводил реализм и романтизм до уровня творческих приемов и далее сводил романтизм к элементу, подчинённому реализму[9].

«Красота трудового производства» – важный элемент марксистской эстетики. В приведённых выше примерах автор описывает условия капиталистического производства и быт трудящихся, показывая, что при частной собственности труд становится отчуждённым: рабочий находится в положении подчинённого, поработённого. Его воспринимают как часть производственной машины, и в процессе труда он не ощущает красоты. Высокое давление, грязные и тяжёлые условия производства делают рабочих физически и духовно искажёнными, глупыми, раздражительными и апатичными, лишая их способности воспринимать красоту. Лишь в социалистическом обществе – мире красоты, где труд становится свободной и сознательной деятельностью, а не средством выживания, – способность рабочих к эстетическому восприятию освобождается, и они могут создавать подлинную красоту.

«Народность» – ключевой компонент марксистской политической эстетики. В этом произведении Павел и его мать Ниловна – типичные образы народных революционных героев, обладающие чертами политического романтизма. Это отражает эстетическую идею сочетания революционного содержания с романтической формой. Поэтому точная передача марксистской политической тер-

минологии в романе «Мать» имеет решающее значение для воссоздания политической эстетики.

Пример (11)

Оригинал:

Наши идеи растут, они всё ярче разгораются, они охватывают народные массы, организуя их для борьбы за свободу. Сознание великой роли рабочего сливает всех рабочих мира в одну душу, – вы ничем не можете задержать этот процесс обновления жизни, кроме жестокости и цинизма.

Перевод Чжэн Хайлина:

“可我们的思想却如旭日东升，逐渐显示出它的光辉，它武装着广大人民群众，把他们组织起来为争取自由而斗争，全世界的工人一旦认识到工人阶级的伟大作用，他们就会团结一致，你们无论如何也阻挡不住他们建立新生活的进程，尽管你们残酷无情，厚颜无耻。”

Глагол охватывать буквально означает «охватывать, охватить». Когда субъектом выступают «идеи», требуется адаптация к нормам китайского языка. Чжэн Хайлин перевёл его как «вооружать», что звучит естественно и не оставляет следов перевода. Это выражение сохраняет литературную образность и соответствует стилю политического текста. «Вооружать» здесь метафорически означает мобилизацию сознания и возвышение духовного уровня. Марксистские идеи как мощная духовная сила пробуждают боевой дух рабочих, помогают им осознать свои права и обязанности и активно включиться в борьбу за свободу и построение новой жизни. Этот страстный и вдохновляю-

щий перевод успешно передаёт ключевые марксистские политические термины: «борьба», «рабочий класс», «сплочённость», «созидание новой жизни», позволяя ощутить эстетическую идею марксизма – свержение старого общества революционными средствами и построение нового общества под руководством рабочего класса.

Выводы

В настоящей статье с позиций переводческой эстетики проанализировано, как переводчики через формальную и неформальную системы воссоздают эстетическую ценность оригинала в китайском переводе «Мать». Исследование охватывает эстетическую структуру эстетического объекта (оригинала и перевода), а также активную роль переводчика, подчёркивая необходимость высокого уровня эстетического восприятия и эстетического вкуса у переводчика. Переводчик должен целостно воспринимать оригинал, делать логические выводы на основе речевого контекста и применять соответствующие средства и типы эстетической репродукции.

Китайский перевод «Мать» в максимальной степени сохранили содержание и идейные особенности оригинала, представили читателю красоту исходного языка и передали такие элементы марксистской политической эстетики, как «красота трудового производства» и «народность». Это исследование может служить методологическим ориентиром для перевода русско-советских «красных классиков» на китайский язык.

Список источников

1. 沈端先.高尔基评传[M].良友出版公司, 1932. 58 с.
2. 方梦之.译学辞典[M].上海: 上海外语教育出版社, 2004. 296 с.
3. 刘宓庆.翻译美学导论[M].北京: 中国对外翻译出版公司, 2012. 110 с.
4. 刘宓庆.翻译美学教程[M].北京: 中译出版社, 2016. 62 с.
5. 贵志浩.话语的灵性—现代散文语体风格论[M].杭州: 浙江大学出版社, 2010. 100 с.
6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 5 p.
7. 童庆炳.文学理论教程[M].北京: 高等教育出版社, 2008. 217 с.
8. Ващенко М.А. Образы берёзы и дуба в российской словесности (от фольклора к литературе) // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 1. 41 с.
9. 俞兆平.美学的浪漫主义和政治学的浪漫主义[J].学术月刊, 2004. 72 с.

References

1. 沈端先.高尔基评传[M].良友出版公司, 1932. 58 p.
2. 方梦之.译学辞典[M].上海: 上海外语教育出版社, 2004. 296 p.
3. 刘宓庆.翻译美学导论[M].北京: 中国对外翻译出版公司, 2012. 110 p.
4. 刘宓庆.翻译美学教程[M].北京: 中译出版社, 2016. 62s.
5. 贵志浩.话语的灵性—现代散文语体风格论[M].杭州: 浙江大学出版社, 2010. 100 p.
6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 5 p.

7. 童庆炳. 文学理论教程[M]. 北京 : 高等教育出版社, 2008. 217 p.
8. Vashchenko M.A. Images of birch and oak in Russian literature (from folklore to literature). Bulletin of the Moscow State Regional University. 2013. No. 1. 41 p.
9. 俞兆平. 美学的浪漫主义和政治学的浪漫主义[J]. 学术月刊, 2004. 72 p.

Информация об авторе

Чжэн Нин, Институт русского языка, Хэйлунцзянский университет, Китай, 1374597918@qq.com

© Чжэн Нин, 2025



Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 5 / 2025, Vol. 4, Iss. 5 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

Речевые стратегии конфликта и согласия: роль экспрессивного синтаксиса в диалогах современной прозы

¹ Ши Линь,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье исследуются экспрессивные синтаксические конструкции (ЭСК) как средства реализации речевых стратегий согласия и конфликта в диалогах современной русской прозы. Цель работы – определить функциональные и прагматические особенности ЭСК при выражении коммуникативных интенций персонажей. На материале романов Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», А. Иванова «Ненастье», Е. Чижовой «Время женщин» и Е. Водолазкина «Чагин» проводится анализ таких конструкций, как парцелляция, повтор, риторические вопросы и восклицания, эллипсис, умолчание, инверсия и коммуникемы.

Задачами исследования являются выявление типовых моделей взаимодействия ЭСК с речевыми стратегиями, определение их когнитивно-прагматического потенциала и установление корреляции между структурой высказывания и его интенциональным содержанием. Применяются методы контекстуального и интерпретационного анализа, лингвистической классификации и количественного учёта.

Полученные результаты уточняют механизмы синтаксического выражения эмоциональных и волевых состояний, раскрывают особенности авторского идиостиля и закономерности речевого поведения персонажей. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её выводов при преподавании курсов по прагматике, когнитивной лингвистике и анализу художественного дискурса.

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис, речевые стратегии, конфликт, согласие, диалог, современная проза, интенция, прагматика

Для цитирования: Ши Линь Речевые стратегии конфликта и согласия: роль экспрессивного синтаксиса в диалогах современной прозы // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 5. С. 121 – 126.

Поступила в редакцию: 21 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 27 октября 2025 г.

Speech strategies of conflict and agreement: the role of expressive syntax in dialogues of modern prose

¹ Shi Lin,

¹ St. Petersburg State University

Abstract: this article examines expressive syntactic constructions (ESCs) as means of implementing speech strategies of agreement and conflict in dialogues in contemporary Russian prose. The aim of the study is to identify the functional and pragmatic characteristics of ESCs when expressing characters' communicative intentions. Using the novels "Zuleikha Opens Her Eyes" by G. Yakhina, "Bad Weather" by A. Ivanov, "Time of Women" by E. Chizhova, and "Chagin" by E. Vodolazkin, the author analyzes such constructions as parcellation, repetition, rhetorical questions and exclamations, ellipsis, omission, inversion, and communicemes.

The objectives of the study are to identify typical models of interaction between ESCs and speech strategies, determine their cognitive-pragmatic potential, and establish a correlation between the structure of an utterance and its intentional content. Methods of contextual and interpretive analysis, linguistic classification, and quantitative analysis are used.

The obtained results clarify the mechanisms of syntactic expression of emotional and volitional states, reveal the characteristics of the author's idiosyncrasy, and patterns of characters' speech behavior. The practical significance of this work lies in the potential use of its findings in teaching courses on pragmatics, cognitive linguistics, and literary discourse analysis.

Keywords: expressive syntax, speech strategies, conflict, agreement, dialogue, modern prose, intention, pragmatics

For citation: Shi Lin Speech strategies of conflict and agreement: the role of expressive syntax in dialogues of modern prose. Philological Bulletin. 2025. 4 (5). P. 121 – 126.

The article was submitted: July 21, 2025; Approved after reviewing: September 19, 2025; Accepted for publication: October 27, 2025.

Введение

Современная лингвистика всё активнее изучает функционирование языка в условиях реальной коммуникации, где синтаксические структуры рассматриваются как репрезентанты когнитивных процессов и коммуникативных интенций [1, 16]. Художественный диалог представляет собой сложную модель естественного речевого взаимодействия, в котором сталкиваются разнонаправленные стратегии персонажей. Экспрессивный синтаксис, отклоняясь от нейтральной нормы, усиливает эмоциональное воздействие и маркирует намерения говорящих [3, 7, 9].

Научная новизна исследования заключается в системном сопоставлении синтаксических средств с типами речевых стратегий – кооперативных и конфликтных – на материале современной прозы. Такой подход обеспечивает выявление устойчивых корреляций между структурой высказывания и его интенциональным содержанием, что расширяет возможности лингвопоэтического анализа.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу составили диалоги из четырёх произведений современной русской прозы: «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной (2015), «Ненастье» А. Иванова (2015), «Время женщин» Е. Чижовой (2018) и «Чагин» Е. Водолазкина (2022). Всего проанализировано 312 диалогических фрагментов, содержащих 486 реализаций речевых актов согласия и несогласия.

Исследование проводилось в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы с привлечением теории речевых актов. Используются методы контекстуального и интерпретационного анализа, описательный метод, лингвистическая классификация экспрессивных конструкций, а также элементы количественного учёта для определения их распределения по типам речевых стратегий.

Критерием классификации послужили функции конструкций в выражении кооперативных (согласительных) и конфликтных (несогласительных) стратегий. Это позволило выявить типовые модели эмоционально-прагматического варьирования и их связь с авторским идиостилем.

Результаты и обсуждения

Экспрессивный синтаксис понимается как система средств, усиливающих эмоционально-оценочную окраску речи и её прагматический потенциал [14, с 4]. К числу ЭСК относятся парцелляция, повтор, риторические вопросы и восклицания, эллипсис, умолчание, инверсия и коммуникемы.

Речевые акты согласия и несогласия интерпретируются нами как реагирующие речевые акты (РА), представляющие собой вербальную реакцию – положительную или отрицательную – на предшествующее высказывание коммуникативного партнёра [1, 15]. Важно подчеркнуть, что в условиях естественной коммуникации данные РА крайне редко существуют в «чистом», элементарном виде (исчерпываясь простыми репликами «Да»/«Нет»). Напротив, они, как правило, оказываются сопряжёнными с целым спектром дополнительных смысловых оттенков (одобрения, возмущения, сомнения, иронии, уступчивости и пр.) и зачастую маскируются под разнообразные, порой достаточно сложные языковые средства [1, 8, 11]. Их возникновение и конкретное языковое воплощение жёстко предопределяются коммуникативным содержанием инициального высказывания-стимула, а само их языковое оформление отличается значительным структурным и семантическим разнообразием [4, 6, 8].

1. Согласие и его синтаксические формы

Кооперативные стратегии, нацеленные на поддержание непрерывности коммуникации и установление взаимопонимания между участниками диалога, часто реализуются именно через ЭСК, которые придают акту согласия различные эмоциональные и сугубо прагматические оттенки, выводя его за рамки простого подтверждения.

Повтор наиболее продуктивен при выражении согласия. Он усиливает подтверждение и создаёт эффект речевой солидарности: «– Мне он ничего не докладывал, хотя вы обещали мне его содействие. – Мне он тоже не докладывал!» [5, с. 102].

Повтор ключевого отрезка реплики собеседника с добавлением усилительной частицы «*тоже*»

недвусмысленно выражает полное согласие и демонстративное присоединение к его позиции, укрепляя коммуникативный альянс.

Другой показательный пример: «– Для всех, что ли? – удивляется. – Да, – кивает, – для всех» [13, с. 83]. Здесь повтор фразы «для всех» выполняет не только функцию подтверждения, но и смыслового разъяснения, снимая возможные сомнения собеседника.

Коммуникемы позволяют передать согласие предельно лаконично, но при этом с высокой степенью эмоциональной насыщенности [13], выражая широчайший спектр оттенков – от искреннего одобрения до тонкой иронии:

1) «Сто пудов» [13, с. 147] – передаёт абсолютную, не подлежащую сомнению уверенность;

2) «Само собой!» [5, с. 106] – выражает согласие как нечто самоочевидное, не требующее дополнительных обоснований;

3) «Ну как же!» [2, с. 66] – эмоциональное согласие с лёгким удивлением.

Эллипсис используется преимущественно для энергичного, спонтанного выражения согласия, часто с выраженным оттенком желания, готовности или немедленного действия:

1) «– Хотел ли Исидор остаться? Хотел ли?.. – Очень! – выдохнул Чагин» [2, с. 19]. Намеренное опущение глагольной части («хотел остаться») делает согласие не только более эмоциональным и непосредственным, но и подчёркивает его искренность, идущую из глубины переживаний.

2) «– Да я хоть щас!» [5, с. 26] – эллипсис здесь передаёт не просто согласие, а немедленную готовность действовать, импульсивную решимость.

Умолчание, графически оформленное многоточием, часто сигнализирует о неохотном, уклончивом или вынужденно-компромиссном согласии:

1) «– Колоть-то, – Гликерия морщится, – опий? – Ну... В общем, наркотик» [13, с. 201]. Многоточие зримо передаёт внутреннее колебание, поиск подходящей формулировки и в конечном счёте – согласие-полупризнание, лишённое энтузиазма.

2) «– Мне хотелось бы новых деталей – ярких, живых. Вы меня понимаете?»

– Понимаю, сэр. Вы просите деталей...» [2, с. 96]. Умолчание здесь маркирует не столько несогласие, сколько процесс осмысления и условное принятие задачи.

Риторические вопросы могут служить не только для конфликта, но и для выражения усиленного, убеждённого согласия, когда говорящий не просто соглашается, но и подчёркивает неизбежность или очевидность соглашаемой позиции:

«– Сюзанночке? Ей то, – говорю, – зачем? Неужто с детства к венуку прилаживать?»

– А с какого же еще? Вырастет – поздно будет. Меня вон с каких в белошвейки готовили...» [13, с. 58]. Риторический вопрос «А с какого же еще?» с частицей же превращает согласие в дидактическое утверждение.

Инверсия используется для акцентированного выражения уступчивого согласия, когда согласие даётся не просто, а вопреки чему-либо: «– По инструкции мне нельзя покидать кабину. Но ради тебя я могу» [5, с. 7].

Вынесение мотивационной конструкции «ради тебя» в начало второй части высказывания синтаксически подчёркивает значимость уступки, усиливая эмоциональную окраску и демонстрируя, что согласие мотивировано личными отношениями, а не формальными правилами.

Таким образом, согласие в художественном диалоге нередко приобретает экспрессивный и многослойный характер, а ЭСК служат средством эмоционального и прагматического варьирования согласительных актов.

2. Конфликтные стратегии и экспрессивный синтаксис

Конфликтная коммуникация направлена на отрицание, возражение, протест. ЭСК придают высказыванию категоричность и эмоциональную насыщенность.

Риторические восклицания передают аффективное несогласие, гнев или протест:

1) «Инвентарь не херня!» [5, с. 22] – категорическое эмоционально-оценочное несогласие, представляющее собой резкое, почти агрессивное отвержение попытки собеседника обесценить значимость предмета обсуждения.

2) «Муртаза умер. Имею право второй раз замуж выйти!» [14, с. 351] – восклицание здесь маркирует не просто несогласие, а решительный протест против патриархальных установок, утверждение своей воли и права на выбор.

3) «Нет! Ни в коем случае!» [5, с. 260] – императивное несогласие, функционирующее как категорический запрет, не предполагающий возможности обсуждения.

4) «Всё подстава!» [5, с. 161] – восклицание передаёт несогласие-дискредитацию, эмоционально окрашенное обесценивание обвинений.

Риторические вопросы – одно из главных средств выражения несогласия и иронии:

1) «– С каких пор, Витя, Щебетовский мне стал своим?» [5, с. 8] – вопрос передаёт полное, пренебрежительное несогласие, демонстрируя воспринимаемую говорящим абсурдность утвер-

ждения, его несоответствие реальному положению вещей.

2) «– *Чего ей в школе-то? И так, небось, грамотная*» [13, с. 57] – вопрос выражает несогласие с необходимостью дальнейшего обучения, обосновывая свою позицию через апелляцию к здравому смыслу и сложившейся практике.

3) «*Если бы я хотел ограбить вас, зачем мне нужен Неволин? И почему я раньше не ограбил?*» [5, с. 12] – серия риторических вопросов служит здесь для сложной аргументации и доказательства своей невиновности, представляя собой развёрнутое несогласие-опровержение.

Коммуникемы в конфликтных стратегиях коротки, но максимально экспрессивны:

1) «– *Шии тебе, – зло щерится на него Игнатов. – И тебе – шии (это Кузнецу)*» [14, с. 208] – коммуникема «*шии*» в сочетании с повтором и зооморфной метафорой («*щерится*») выражает яростный, презрительный отказ, маркируя эмоционально-защитное несогласие.

2) «– *Да пош-шёл ты!*» – классический пример аффективного, конфликтного несогласия, ведущего к немедленному коммуникативному разрыву, вербальному прекращению взаимодействия.

3) «– *Ерунда*» – выражает категорическое, оценочное несогласие, тотально отрицающее всю позицию собеседника без какого-либо анализа или аргументации, что подчёркивает его абсолютный характер.

«– *Да нет же!*» – усиленный вариант отрицания, используемый для эмоционального опровержения в ситуации спора.

Инверсия усиливает ключевой элемент несогласия, придавая высказыванию экспрессию:

1) «– *Дома-то у тебя как? Хреново ей было? Нормально ей дома! – дребезжащим голосом огрызнулся Яр-Саныч*» [5, с. 41]. Инверсия («*Нормально ей дома*») вместо нейтрального «*Ей нормально дома*») выносит отрицание в абсолют, категорически и безапелляционно отвергая предположение собеседника. Эта конструкция служит и механизмом эмоциональной саморегуляции – защитой через демонстрацию гнева.

2) «– *Тюрьму я не переживу*» [2, с. 60]. Инверсия акцентирует объект страха и неприятия («*Тюрьму*»), передавая отчаянное, волевое несогласие с предполагаемым будущим.

3) «– *Напротив, духом я вознёсся*» [2, с. 25] – инверсия здесь усиливает ироническое несогласие

и создаёт эффект смыслового противопоставления с ожиданиями собеседника.

4) «– *Не этого я хотел, Зулейха*» [14, с. 497] – инверсия выделяет объект разочарования, передавая эмоционально окрашенное несогласие с результатом действий другого персонажа.

Парцелляция и умолчание создают эффект сбивчивости, когнитивного шока или растерянности:

1) «– *В нашей... В советской стране?*» [2, с. 25]. Парцелляция и последующее умолчание передают не просто шок, но и глубинное внутреннее сопротивление самой идее, её моральную неприемлемость для говорящего.

2) «– *Что? Как? Это нам? Уже приехали? Не может быть...*» [Яхина, с. 203]. Серия коротких, парцеллированных риторических вопросов, завершающаяся умолчанием, выражает неполное несогласие, основанное на крайней степени недоверия и когнитивной растерянности.

3) «– *Кружок, – уточнил Исидор. – Шлимановский кружок*» [2, с. 39]. Парцелляция в сочетании с повтором служит здесь для неполного несогласия-уточнения, тактичного, но настойчивого акцентирования терминологической ошибки собеседника.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что экспрессивные синтаксические конструкции играют существенную роль в формировании речевых стратегий согласия и конфликта в современной русской прозе. Каждое средство проявляет собственные функциональные возможности и прагматическую направленность.

Повторы и коммуникемы чаще всего используются для выражения эмоционального согласия или категорического отказа; риторические вопросы и восклицания придают высказыванию убедительность и усиливают его эмоциональный тон; эллипсис, умолчание и парцелляция передают скрытое отношение говорящего, создавая эффект недосказанности; инверсия помогает выделить ключевые элементы высказывания и подчеркнуть его субъективность.

Таким образом, экспрессивный синтаксис выполняет не только стилистическую, но и когнитивно-прагматическую функцию: он способствует раскрытию внутреннего состояния персонажей, их интенций и особенностей речевого поведения, а также отражает динамику диалогического взаимодействия.

Список источников

1. Архипова Е. В., Клименко А. П. Речевой акт согласия/несогласия и средства его выражения в английском языке // Вестник МДПУ імя І. П. Шамякіна. 2009. № 1 (22). С. 77 – 81.
2. Водолазкин Е.Г. Чагин. М.: АСТ, 2022. 159 с.
3. Воробьева Е.Н. Экспрессивный синтаксис в отечественном языкознании: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 4. С. 989 – 996.
4. Воробьева О.В., Граббе Н.Ю. Средства выражения несогласия и его семантико-синтаксическая значимость // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 116. С. 218 – 227.
5. Иванов А.В. Ненастье. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 272 с.
6. Кострова О.А. Актуальные тенденции в методологии лингвистических исследований // Преподаватель XXI век. 2023. № 2-2. С. 300 – 313.
7. Норман Б.Ю. Согласие и несогласие в свете теории речевых актов // Коммуникативные исследования. 2020. № 2. С. 300 – 315.
8. Павлюковская Н.С. Коммуникативная ситуация несогласия: общие понятия // Вестник ИрГТУ. 2014. № 2 (85). С. 293 – 297.
9. Синельникова Л.Н. Лингвистика художественного текста: парцелляция как конструкция экспрессивного синтаксиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 657 – 669.
10. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка (опыт системного исследования) : монография / ред. Л. И. Скворцов. Томск: Томский университет [ТГУ], 1981. 255 с.
11. Стескова Т.И. Речевые жанры негативной реакции // Жанры речи. 2023. Т. 18. № 3 (39). С. 219 – 228.
12. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Рус. яз., 2002. 216 с.
13. Чижова Е.С. Время женщин: роман. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 320 с.
14. Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза: роман. М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 508 с.
15. House J., Kádár D.Z. Speech acts and interaction in second language pragmatics: A position paper // Language Teaching. 2025. Vol. 58. No. 3. P. 396 – 407.
16. Schmid H.J. Usage-Based Models Around and Inside BLC Theory // Languages. 2025. Vol. 10. N. 3.

References

1. Arkhipova E.V., Klimenko A.P. Speech act of agreement/disagreement and means of its expression in the English language. Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina. 2009. No. 1 (22). P. 77 – 81.
2. Vodolazkin E.G. Chagin. Moscow: AST, 2022. 159 p.
3. Vorobyova E.N. Expressive syntax in domestic linguistics: a systematic review. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 989 – 996.
4. Vorobyova O.V., Grabbe N.Yu. Means of expressing disagreement and its semantic-syntactic significance. Scientific journal of KubSAU. 2016. No. 116. P. 218 – 227.
5. Ivanov A.V. Bad weather. M.: AST: Editorial office of Elena Shubina, 2015. 272 p.
6. Kostrova O.A. Current Trends in the Methodology of Linguistic Research. Teacher XXI Century. 2023. No. 2-2. Pp. 300-313.
7. Norman B.Yu. Agreement and Disagreement in Light of Speech Act Theory. Communicative Studies. 2020. No. 2. P. 300 – 315.
8. Pavlyukovskaya N.S. Communicative Situation of Disagreement: General Concepts. Bulletin of IrSTU. 2014. No. 2 (85). P. 293 – 297.
9. Sinelnikova L.N. Linguistics of the Fiction Text: Parcellation as a Construction of Expressive Syntax. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 657 – 669.
10. Skovorodnikov A.P. Expressive Syntactic Constructions of the Modern Russian Literary Language (An Attempt of a Systematic Study): Monograph. Ed. L.I. Skvortsov. Tomsk: Tomsk University [TSU], 1981. 255 p.
11. Steskova T.I. Speech Genres of Negative Reaction. Speech Genres. 2023. Vol. 18. No. 3 (39). P. 219 – 228.
12. Formanovskaya N.I. Speech Communication: A Communicative-Pragmatic Approach. Moscow: Rus. lang., 2002. 216 p.
13. Chizhova E.S. Women's Time: A Novel. St. Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2018. 320 p.

14. Yakhina G.Sh. Zuleikha Opens Her Eyes: A Novel. Moscow: AST: Elena Shubina Publishing House, 2015. 508 p.
15. House J., Kádár D.Z. Speech Acts and Interaction in Second Language Pragmatics: A Position Paper. Language Teaching. 2025. Vol. 58. No. 3. P. 396 – 407.
16. Schmid H.J. Usage-Based Models Around and Inside BLC Theory. Languages. 2025. Vol. 10. N. 3.

Информация об авторе

Ши Линь, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

© Ши Линь, 2025